

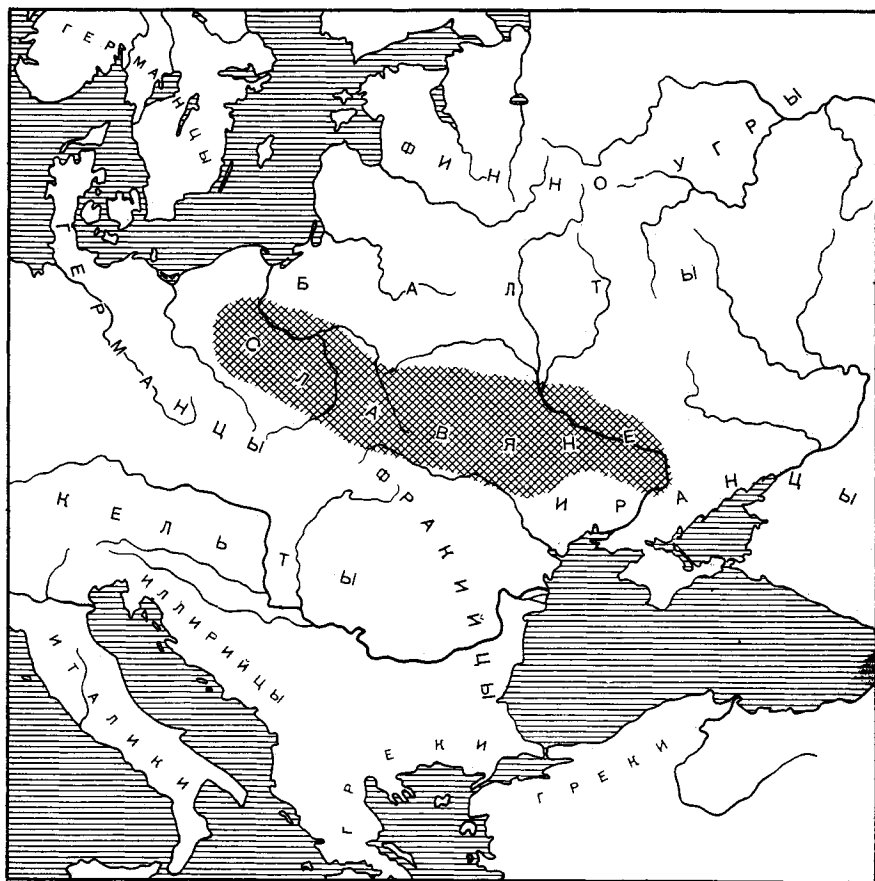
В. В. СЕДОВ

Происхождение
и ранняя
история
славян

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. В. СЕДОВ

Происхождение и ранняя история славян

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

В книге всесторонне исследуются проблема происхождения славян и начальные этапы их истории. Анализируя данные письменных источников, археологических, лингвистических, антропологических изысканий, автор последовательно рассматривает этапы формирования и расселения праславянских и славянских племен с середины I тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия н. э.

Ответственный редактор
академик В. А. РЫБАКОВ

Предисловие

В настоящей работе исследуется начальный период славянской истории от формирования славянства как самостоятельной группы индоевропейцев до раннего средневековья.

Книга посвящена этногенезу славян, ибо среди многих вопросов, связанных с ранней славянской историей, в ней анализируются преимущественно этнические.

Количество фактических данных по изучению славянского этногенеза постоянно увеличивается. По сравнению с началом нашего столетия, когда увидела свет капитальная работа о происхождении славян знаменитого чешского ученого Л. Нидерле, и даже с 40-ми годами, когда проблема этногенеза славян была кардинально пересмотрена польским лингвистом Т. Лер-Сплавинским, источниковедческая база и научная литература по этому вопросу увеличились сейчас в несколько раз. В особенности это касается материалов археологии, роль которых в изучении конкретной истории древнего славянства постоянно возрастает.

Перед исследователем славянского этногенеза встает сложная и трудная задача критического рассмотрения и обобщения всех этих объемных сведений, анализа многочисленных публикаций по интересующей проблематике, оценки различных, порой противоречивых точек зрения. Здесь многое зависит от объективности научного анализа и умения отобрать наиболее существенное. Вполне понятно, что невнимание к каким-либо материалам или незнание таковых может привести к субъективным или явно ошибочным заключениям.

Автор по мере своих сил попытался выслушать поставленную задачу. Насколько это удалось, — пусть судят читатели.

Несмотря на рост источниковедческих материалов и увеличение научной литературы проблема славянского этногенеза при современном состоянии знаний еще очень далека от разрешения. Это прежде всего обусловлено тем, что фактических материалов для твердого решения многих вопросов интересующей нас проблематики явно недостаточно. Одновременно с накоплением новых фактов повышаются требования к этногенетическим исследованиям. Те построения по этногенезу, которые в какой-то степени устраивали ученых несколько десятилетий назад, ныне уже не удовлетворяют этногенетическую науку. Такое положение наблюдается в исследовании этногенеза не только славян, но и других европейских этноязыковых группировок, в частности германцев, италиков и т. и.

В наше время написать книгу по этногенезу славян — еще не значит решить эту проблему. При явном недостатке фактологической базы древнейшая история славянства может быть освещена лишь с помощью научных гипотез. Поэтому в книге читатель встретится с целой серией гипотетических построений. Насколько они оправданы, покажут дальнейшие исследования. Найдутся в работе, вероятно, и спорные положения. Они при современном состоянии этногенетических изысканий неизбежны.

Исследования выполнены в секторе славяно-русской археологии Института археологии АН СССР. Сначала отдельные разделы, а затем рукопись в целом обсуждались на заседаниях сектора. Автор выражает благодарность всем своим коллегам за участие в дискуссиях, за высказанные замечания и пожелания.

История изучения проблемы происхождения славян

Первая попытка ответить на вопросы, откуда, как и когда появились славяне на исторической территории, относится к XII столетию и принадлежит Нестору — автору Повести временных лет. Исходя из библейского предания, согласно которому родиной всего человечества была Передняя Азия, летописец начинает историю славян с вавилонского столпотворения, разделившего человечество на 72 отдельных народа и вызвавшего расселение племен в разных направлениях.

«От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ...

По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце имянемъ Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хрвате белии и серебь и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словени на дунайския, и седшемъ в них и насилящемъ имъ, словени же ови пршедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от техъ ляховъ прозвашася ноляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северъ. И тако разидеся словенский языкъ, тем же и грамота прозвася словенская»¹.

Итак, по Нестору древнейшей территорией славян были земли по нижнему течению Дуная и Паннония. Новодом для расселения славян с Дуная было нанадение на них волохов.

Летописный рассказ о расселении славян с Дуная явился основой так называемой дунайской (или балканской) теории происхождения славян, весьма популярной в сочинениях средневековых авторов (польские и чешские хронисты XIII—XV вв.). Это мнение разделяли и некоторые историки XVIII — начала XX в., в том числе и исследователи русской

¹ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, с. 11.

истории (С. М. Соловьев, В. И. Ключевский, И. П. Филевич, М. Н. Погодин и др.).

К эпохе средневековья восходит также скифо-сарматская теория происхождения славян. Впервые она зафиксирована Баварской хроникой XIII в., а позднее воспринята многими западноевропейскими авторами XIV—XVIII вв. Согласно их представлениям предки славян опять-таки из Передней Азии продвинулись вдоль черноморского побережья на север и осели в южной части Восточной Европы. Древним авторам славяне были известны под этнонимами ~~скифы~~, ~~сарматы~~, аланы и роксоланы. Постепенно славяне из Северного Причерноморья расселились на запад и юго-запад.

Отождествление славян с различными этническими группами, упоминаемыми древними авторами, характерно для средневековья и первого этана нового времени. В сочинениях западноевропейских историков можно встретить утверждение, что славяне в древности назывались кельтами. Среди южнославянских книжников было распространено мнение, что славяне и готы — один и тот же народ. Довольно часто славян отождествляли с фракийцами, даками, гетами и иллирийцами.

В настоящее время все эти догадки и теории имеют лишь историкографический интерес и не представляют какой-либо научной значимости. Желающих познакомиться с ними подробнее можно отослать к интересной книге И. Первольфа и первым страницам статьи В. Антоневича².

Научные изыскания по проблеме славянского этногенеза начинаются с 30-х годов XIX в., когда появилась книга известного исследователя славянских древностей Н. И. Шафарика «Славянские древности»³. В основе его исторических построений лежит анализ сведений античных авторов о венедах и этногеографических данных Иордана. П. И. Шафарик попытался показать, что славяне искони заселяли обширные пространства Средней Европы. Славянский язык, по представлениям этого исследователя, впервые зазвучал к северу и северо-востоку от Карпат, т. е. на территории Галиции, на Подолии и Волыни. Сформулированная П. И. Шафариком прикарпатская теория происхождения славян была весьма популярна в XIX в.

В те же годы лингвист Ф. Бопп показал, что славянский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье, куда входят также индоиранский, армянский, греческий, кельтский, итальянский, германский, балтский, иллирийский и другие, в том числе исчезнувшие ныне языки⁴. Согласно индоевропеистике, все они развились из единого индоевропейского языка. Формирование отдельных языков было обусловлено изолированным развитием индоевропейских диалектов, а также ассимиляцией иноязычных племен.

² *Первольф И.* Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874; *Antoniewicz W.* Niektóre zagadnienia historiografii dawnych Słowian XIX i XX stulecia.— *Swiatowit*, XXVII, 1966, s. 24—92.

³ *Safarik P.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1837; *Шафарик П. И.* Славянские древности, т. I. М., 1837.

⁴ *Bopp F.* Vergleichende Grammatik des Sanskrit. Berlin, 1833.

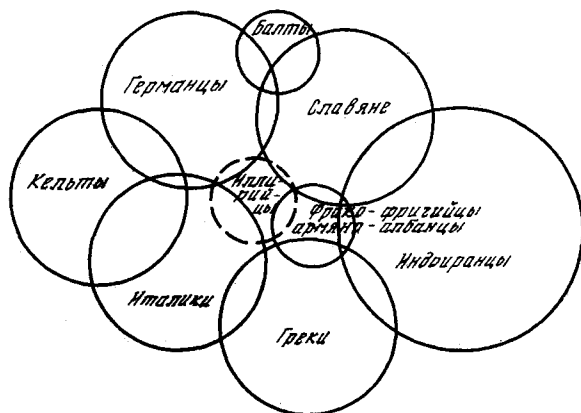

Рис. 1. Схема размещения индоевропейцев в древности по Х. Хирту

Сравнительное историческое языкознание выявило степени родства и близости между различными индоевропейскими языками. Так, установлено, что славянский язык наиболее близок к балтским и германским. Определены следы ирапо-славянского соседства и языкового контакта. Поставлены вопросы о славяно-кельтских, славяно-иллирийских и славяно-фракийских контактных взаимоотношениях. В результате был сделан вывод, что древние славяне жили где-то между балтами, германцами и иранцами. Скорее всего они также соседствовали с кельтами, фракийцами и иллирийцами. На этой основе была предложена схема размещения этих индоевропейских племен в древности (рис. 1)⁵. Однако при локализации этой схемы на географической карте исследователи встретились со многими трудностями.

В XX столетии по вопросам славянского этногенеза написаны сотни книг и статей, высказано множество самых разнообразных мыслей, предположений и догадок. В настоящей главе нет места ни для рассмотрения всех этих работ, ни для их простого перечисления. Здесь будут названы только самые значительные исследования, внесшие наиболее заметный вклад в изучение древнейшего периода славянской истории и отражающие основные этапы эволюции научных знаний по проблеме происхождения и ранней истории славян.

С конца XIX в. при определении места расселения ранних славян наряду с историческими и лингвистическими данными привлекаются материалы топонимики. В 1901 г. появилось интересное исследование А. Л. Погодина, в котором на основе сведений древних авторов дан очерк истории славян начиная с первых веков нашей эры и предпринята попытка очертить раннюю славянскую территорию при помощи анализа речных названий⁶. Исследователь приходит к выводу, что ранние славяне были на-

⁵ *Pirt H.* Die Indogermanen. Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. Strassburg, 1905, Abb. 2.

⁶ *Йогодин А. Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

сельниками территории Польши, Подолии и Волыни, где обнаруживается довольно много славянских гидронимов. Эти области, по мнению А. Л. Погодина, славяне занимали с глубокой древности вплоть до раннего средневековья, когда началось их широкое расселение.

Анализом водных названий в связи с локализацией славянской прародины много занимался польский лингвист Я. Розвадовский⁷. Его выводы менялись. Сначала древние славянские земли были определены исследователем в пространстве между Неманом и Днестром, а в последней работе — от Вислы до Днепра.

Для первой трети XX в. наиболее значительными в области славянского этногенеза являются исследования Л. Нидерле, в которых были обобщены достижения различных наук — истории, лингвистики, этнографии, антропологии и археологии⁸. Согласно Л. Нидерле праиндоевропейский язык распался на отдельные языки в начале II тысячелетия до н. э. Наряду с другими индоевропейскими языками в течение II тысячелетия до н. э. существовал балто-славянский язык, в результате членения которого в I тысячелетии до н. э. (может быть, и несколько раньше) образовался славянский язык.

Показав несостоятельность основанной на русской летописи балканской теории славянского этногенеза, Л. Нидерле отмечает, что место формирования славян пока не может быть определено. В виде предположения высказывается, что древними славянами были негры, будины и скифы-пахари Геродота.

Весьма осторожно обрисовывает Л. Нидерле область славянского расселения в начале нашей эры. На востоке эта территория достигала верховьев Днепра и отдельных районов бассейна Дона, на севере подходила к Нареву и левым притокам Припяти, на западе — к Эльбе. Западную границу славянского ареала, замечает исследователь, возможно, придется передвинуть к Висле, если не будет доказана славянская принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа.

В 1908 г. польский ботаник Ю. Ростафинский предпринял попытку выявить древнюю славянскую территорию на основе флористической лексики славянского языка⁹. Исследователь исходил из того, что название дерева бука не является исконно славянским, а названия граба, тиса и плюща — славянского происхождения. Следовательно, славянская прародина находилась вне ареала бука, но в пределах распространения растений со славянскими названиями. Такой областью, по мнению исследователя, были Принятское Полесье и Верхнее Поднепровье. Несмотря на то

⁷ *Rozwadowski J.* Ze studjów nad nazwami rzek słowiańskich. Lwów, 1910; *idem.* Kilka uwag do przedhistorycznych stosunków Europy wschodniej na podstawie nazw wód.— *Rocznik slawistyczny*, VI, 1914; *idem.* Remarque critique sur la patrie, dite primitive, des peuples slaves.— In: *Conférence des historiens des états de l'Europe orientale et du monde slave*, II. Warszawa, 1928; *idem.* *Studia nad nazwami wód słowjańskich.* Kraków, 1948.

⁸ *Niederle L.* *Slovanské starožitnosti*, I. Praha, 1902—1904; *idem.* *Manuel de l'antiquité slave*, I. Paris, 1923; *idem.* *Rukovět slovanské archeologie.* Praha, 1931; *Нидерле Л.* *Славянские древности.* М., 1956.

⁹ *Rostański J.* O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach.— *Sprawozdania Akademii Umiejętności*, XII, 1908, s. 6—25.

что ботаническая аргументация славянской прародины была встречена критически¹⁰, ей суждено было в течение нескольких десятилетий играть одну из важнейших ролей в локализации ранних славян.

Оригинальную теорию славянского этногенеза разработал А. А. Шахматов. Согласно представлениям этого исследователя в отдаленной древности восточные индоевропейцы занимали бассейн Балтийского моря. Часть их (нередки индоиранцев и фракийцев) отсюда переселилась в более южные районы Европы, а в юго-восточной Прибалтике остались балто-славяне. В I тысячелетии до н. э. балто-славянское единство распалось, в результате чего образовались славяне и балты. Отсутствие в славянском языке собственного фитонима для бука и неславянский характер названий крупных рек Среднего Подненья и Повисленья исключают, по мнению А. А. Шахматова, эти территории из славянской прародины. Главным же в построении этого исследователя являются якобы существовавшие в древности контакты славян с кельтами и финнами. Славяне, по А. А. Шахматову, первоначально жили в низовьях Западной Двины и Немана, где соседил с балтами, германцами, кельтами и финнами. Во II в. н. э., когда германцы ушли из Повисленья, славяне продвинулись на запад, на территорию современной Нольши, и отсюда уже позднее расселились в те области Европы, где они известны по средневековым источникам¹¹. Эти построения А. А. Шахматова подверглись серьезной критике¹².

В 20-х годах мысль о припятско-среднеднепровской прародине славян попытался аргументировать известный славист М. Фасмер¹³. Помимо ботанических доводов Ю. Ростафинского и данных сравнительно-исторического языкознания исследователь широко использовал материалы гидронимии. Анализ водных названий Западной Европы выявил древние ареалы кельтов, германцев, иллирийцев и фракийцев, после чего славянам не осталось здесь места. Поэтому славянскую прародину М. Фасмер локализовал в бассейне Припяти и среднего Днепра, где имеется несколько десятков рек со славянскими названиями. Прочие данные, по мнению этого исследователя, не мешают такой локализации, а наоборот, подкрепляют ее. М. Фасмер полагал, что на этой территории славянский язык выделился из балто-славянской общности и начал самостоятельное развитие. Общеславянский период он определял между 400 г. до н. э. и 400 г. н. э., а балто-славянскую общность — более ранним временем.

20—30-е годы характеризуются бурным развитием славистики в Поль-

¹⁰ *Brückner A.* Zur Geschichte der Buchenbenennung.— *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, XLVI, 1913, S. 193—197.

¹¹ *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915; *он же.* Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.

¹² *Бузук П. А.* Взгляды академика Шахматова на доисторические судьбы славянства.— *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*, т. XXII, кн. 2, 1921, с. 150—179; *Ильинский Г. А.* Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова.— Там же, т. XXV, 1922, с. 419—436.

¹³ *Vasmer M.* Die Urheimat der Slawen.— In: *Der ostdeutsche Volksboden*. Breslau, 1926, S. 118—143.

ше. Много внимания уделяется проблеме происхождения и эволюции славян и их языка.

Почти все польские исследователи этого периода отстаивали западное происхождение славян, полагая, что их прародина находилась в междуречье Вислы и Одера (Одры). Мысль о западном происхождении славян зародилась еще в конце XVIII в., но до 20-х годов XX в. она оставалась неаргументированной. В период между Первой и Второй мировыми войнами польские и некоторые чешские археологи пастойчиво стали связывать с ранними славянами лужицкую культуру, распространенную в период поздней бронзы и раннего железа в бассейнах Одера и Вислы и в верховьях Эльбы¹⁴.

Наибольшую роль в развитии концепции этногенеза славян от лужицких племен сыграл польский археолог Ю. Костшевский. По его представлениям в конце I тысячелетия до н. э. в области расселения лужицких племен распространяются носители номорской культуры, в результате чего в междуречье верхней Вислы и Эльбы формируется пшеворская культура, связываемая с историческими венедами. Верхней хронологической границей пшеворской культуры Ю. Костшевский считал IV столетие, когда в результате великого переселения народов облик славянской культуры претерпел существенные изменения.

Эту позицию поддерживал и развивал тогдашний глава польской антропологии Я. Чекановский¹⁵. К тому времени работы по палеоботанике показали, что растения, на основе названий которых строились гипотезы о локализации ранних славян восточнее линии Калининград — Одесса, в древности имели иные ареалы, позволяющие включать междуречье Вислы и Одера в территорию славянской прародины. Придавая большое значение древним славяно-германским языковым взаимоотношениям, Я. Чекановский проводил западную границу ранних славян по Одеру.

В то же время польские лингвисты пересмотрели топонимические материалы и пришли к выводу, что в верховьях Вислы и Одера, т. е. в ареале лужицкой культуры, многие водные названия имеют славянский характер¹⁶.

Наиболее обстоятельно вопросы славянского этно- и глоттогенеза были разработаны крупнейшим польским славистом Т. Лер-Сплавинским¹⁷.

¹⁴ *Kozłowski L.* Kultura lużycka a problem pochodzenia Słowian.— In: *Pamiętnik IV Zjazdu historyków polskich*, I. Lwów, 1925; *Kostrzewski J.* Prasłowiańszczyzna.— In: *Biblioteka słowiańska*, ser. 1, N 2. Warszawa, 1935; *idem.* Prasłowiańszczyzna. Zarys dziejów i kultury Prasłowian. Poznań, 1946; *idem.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955; *Filip J.* The Beginnings of Slav Settlements in Czechoslovakia. Praha, 1946.

¹⁵ *Czekanowski J.* Wstęp do historii słowian. Lwów, 1927 (2-е расширенное издание: Poznań, 1957).

¹⁶ *Rudnicki M.* Sur l'établissement des préslaves dans les bassins de la Vistule et de l'Odra aux temps préhistoriques.— *Slavia occidentalis*, XIII, 1934, p. 169—185; *idem.* Prasłowiańszczyzna. Lechia-Polska. I. Wołonienie się słowian spośród ludów indoeuropejskich i ich pierwotne siedziby. Poznań, 1959; II. Wspólnota słowiańska. Wspólnota lechicko-polska. Poznań, 1961.

¹⁷ *Lehr-Splawiński T.* O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946.

В основе его этногенетических построений лежат материалы различных наук — языкознания, гидронимии, археологии и антропологии. Суть теории Т. Лер-Сплавинского заключается в следующем. До 2000 г. до н. э. Северо-Восточная Европа (вплоть до Силезии и Померании) была заселена финно-уграми, оставившими культуру гребенчатой керамики. Около 2000 г. до н. э. из Центральной Европы в восточном направлении происходит миграция носителей культуры шнуровой керамики. На востоке эти племена достигают Среднего Поволжья и Северного Кавказа. Это была одна из групп индоевропейцев. В результате их взаимодействия с финно-угорским субстратом на территории между Одером и Окой формируются балто-славяне (или прабалты, включавшие племена, диалекты которых позднее развились в славянский язык). Лужицкую культуру Т. Лер-Сплавинский относил к индоевропейцам-венетам. Расселение их в междуречье Вислы и Одера (1500—1300 гг. до н. э.) привело к отделению части прабалтов, что было первым шагом к образованию славян.

Окончательно славяне сложились к середине I тысячелетия до н. э. после расселения носителей поморской культуры из Нижнего Повисленья в южном направлении. Следствием этого было формирование в Висло-Одерском междуречье пшеворской и оксывской культур, которые рассматривались Т. Лер-Сплавинским как раннеславянские.

Некоторые положения в этногенетическом построении Т. Лер-Сплавинского подвергались критике¹⁸, отдельные археологические и топонимические выводы кажутся ныне устаревшими, тем не менее его исследование внесло существенный вклад в разработку проблемы происхождения славян. Иногда Т. Лер-Сплавинского, и не без оснований, называют создателем современной истории славянского этногенеза.

В польской историографии особняком стоит гипотеза историка и этнографа К. Мошинского¹⁹. Его построения прежде всего покоятся на предположении о древнем языковом контакте славян с тюрками. Исследователь предположил, что до VII—VI вв. до н. э. славяне жили где-то в Азии, их соседями на востоке были турки, на западе — угры, на юге — скифы.

Эта гипотеза сразу же подверглась резкой критике, ибо с языковедческих позиций славяно-тюркский контакт в столь раннее время невероятен. В последней своей работе К. Мошинский утверждал, что славяне пришли в Поднепровье за несколько веков до нашей эры откуда-то из пограничья Европы и Азии. Для обоснования этого тезиса исследователь много внимания уделил аргументации гипотезы о заселении славянами приднепровских территорий раньше, чем Повисленья²⁰.

Несостоятельность гипотезы К. Мошинского показана в одной из работ Т. Лер-Сплавинского²¹.

¹⁸ *Ułaszyn P.* Praojczyzna słowian. Łódź, 1959; *Филин Ф. И.* Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 34—35.

¹⁹ *Moszyński K.* Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą Słowian. Kraków, 1925.

²⁰ *Moszyński K.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957.

²¹ *Лер-Сплавинский Т.* К современному состоянию проблемы происхождения славян.— ВЯ, 1960, № 4, с. 23—30.

Развитие исследований по этногенезу славян в нашей стране некоторое время сдерживалось распространением марристских представлений. К тому же многие области Восточной Европы в археологическом отношении до недавней поры были изучены слабо. В частности, неисследованными оставались верхнеднепровские и отчасти среднеднепровские древности I тысячелетия н. э., имеющие первостепенное значение для истории ранних славян.

В 50-х годах вопрос о происхождении славян на основе данных археологии попытались осветить М. Н. Артамонов и П. Н. Третьяков²². Вслед за польскими археологами М. И. Артамонов полагал, что ранними славянами оставлены лужицкая, поморская и пшеворская культуры. Однако территория славян не ограничивалась Висло-Одерским регионом, а с глубокой древности распространялась на восток вплоть до Поднепровья. Здесь славянам принадлежали скифские культуры Подолии и Среднего Поднепровья. Невры, гелоны и будины Геродота, по М. И. Артамонову, были славянами. Позднее славянскими в Поднепровье были зарубинецкая и черняховская культуры. Славянский язык и в Повисленье, и в Поднепровье, по мнению исследователя, существовал еще с конца энеолита и начала эпохи бронзы.

Согласно представлениям П. Н. Третьякова племена культуры шнуровой керамики, расселившиеся во II тысячелетии до н. э. на территории от Эльбы до Днепра, были протославянами. В I тысячелетии до н. э. славянам принадлежали лужицкая культура, скифские древности лесостепного Поднепровья, а также верхнеднепровская и юхновская культуры. Еще позднее славянами были племена поморской, пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур и население, оставившее синхронные им верхнеднепровские древности вплоть до городища Березняки в Ярославском Поволжье.

Ныне эти схематичные этногенетические построения имеют чисто историографический интерес. По мере накопления новых археологических материалов они были коренным образом пересмотрены, в частности и самими их авторами. В последнее время П. Н. Третьяков, с одной стороны, по-видимому, разделял мысль польского археолога А. Гардавского о племенах тшинецкой культуры как основе славянства, а с другой — считал возможным начинать историю славян лишь с рубежа нашей эры — от пшеворской и зарубинецкой культур²³.

Интересная гипотеза по истории протославян, т. е. индоевропейского племени, от которого позднее произошли славяне, принадлежит лингвисту Б. В. Горнунгу²⁴. Исследователь полагает, что в конце IV и первой половине III тысячелетия до н. э. индоевропейцы дифференцировались на две диалектные зоны — древнюю северо-западную и древнюю юго-восточную. Протославяне были в составе последней и соприкасались с

²² Артамонов М. И. Происхождение славян. М., 1950; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.

²³ Третьяков П. П. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 190—220.

²⁴ Горнунг Б. В. Из предьстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.

предками анатолийцев, прототохарами, будущими дако-мезийцами и фракийцами. Б. В. Горнунг видит протославян этого периода среди населения среднего этапа трипольской культуры, обитавшего в междуречье Днепра и Днестра.

На рубеже III и II тысячелетий до н. э. в диалектном подразделении индоевропейцев произошли серьезные изменения. Протославяне втянулись в северо-западную зону, где началось их языковое сближение с протобалтами и протогерманцами. Вскоре нрабалты с прототохарами продвинулись в восточном направлении и вместе с протославянами образовали восточную ветвь северо-западной зоны. Протославяне этого периода обитали в междуречье верхней Вислы и Днепра. Им принадлежали тишинецкая и комаровская культуры. К I тысячелетию до н. э. из этой диалектной индоевропейской группы и сформировались славяне.

Схема развития протославян построена Б. В. Горнунгом на языковых материалах. Археологические данные служат лишь иллюстративным фоном. Между тем отсутствие преемственности между археологическими культурами, приписываемыми протославянам, нарушает построения исследователя. Не согласованы они и с топонимическими данными.

В 1972 г. вышла в свет книга украинского археолога В. П. Петрова²⁵, в которой этническая история древних славян рисуется весьма своеобразно. Автор полагает, что начинать эту историю можно с трипольской культуры, хотя языковая принадлежность ее носителей остается нам неизвестной. Согласно В. В. Хвойке, отмечает исследователь, с трипольского времени вплоть до исторической эпохи на Украине наблюдается непрерывное развитие земледелия, и следовательно, трипольцы были предками славян, т. е. протославянами. В дальнейшем в Северном Причерноморье сменилось много археологических культур, менялся и язык. В период раннего железа здесь жили скифы (по В. П. Петрову, не иранцы, а особая индоевропейская языковая группа). На зарубинецком этапе язык скифов-борисфенитов модернизировался в славянский. Однако еще в черняховское время это был такой язык, который нельзя отождествлять с языком раннесредневековых славян.

В работе В. П. Петрова много неясного и неприемлемого. Прежде всего, остается необъяснимым, почему ранняя история славян ограничена территорией Украины: непрерывное развитие земледелия и отдельных элементов культуры прослеживается во многих районах Средней и Восточной Европы. Приведенные в книге лингвистические и исторические данные не дают конкретной картины славянского этногенеза.

В последние годы вопросы этногенеза славян рассматривались в работах советского лингвиста Ф. П. Филина и польского археолога В. Гензеля.

Ф. П. Филин, как и многие современные лингвисты, отрицает гипотезу о существовании в древности балто-славянского языка. Он полагает, что в эпоху индоевропейской языковой общности предки балтов и предки славян находились в длительном контакте между собой, не сливаясь в

²⁵ Петров В. П. Етногенез слов'ян. Джерела, етапи розвитку і проблематика. Київ, 1972.

единое целое (в языковом отношении). Время формирования общеславянского языка он определяет I тысячелетием до н. э. На основе анализа славянской лексики исследователь показывает, что славянская прародина паходилась вдали от моря, в лесной равнинной полосе, изобиловавшей болотами и озерами. Подобный ландшафт обычен для многих регионов Центральной и Восточной Европы. Для более конкретной локализации праславян Ф. П. Филин использует ботанические аргументы Ю. Ростафинского, пополняя их новыми примерами. В результате он очерчивает славянскую территорию около рубежа нашей эры между Бугом и средним Днепром. Сказать, где размещалась прародина славян в более раннее время, замечает исследователь, на основе лингвистических данных пока не представляется возможным²⁶.

Согласно представлениям В. Гензеля, в III и II тысячелетиях до н. э. существовала балто-славянская языковая общность. Балто-славяне занимали территорию между Вислой и Днепром, при этом будущим славянам (протославянам) принадлежала ее южная часть. Лужицкая культура Висло-Одерского междуречья была иллирийской. Между 900 и 700 гг. до н. э. протославяне заселили области между Одером и Вислой и ассимилировали венетов. На обширном пространстве между Одером и Средним Поднепровьем сформировались праславяне. Границы праславянской территории на протяжении веков не оставались стабильными, в частности в последние века до нашей эры в юго-западные районы ее проникли кельты, а позднее, возможно, и некоторые другие племена. На рубеже нашей эры славянам принадлежали пшеворская, оксывская и зарубинецкая культуры²⁷.

В 1978 г. интересная реконструкция истории праславян была предложена Б. А. Рыбаковым²⁸. Важные наблюдения по отдельным деталям славянского этногенеза и некоторые научные догадки, высказанные исследователем, заслуживают самого пристального внимания. Б. А. Рыбаков (вслед за Б. В. Горнунгом) начинает праславянский период с XV в. до н. э. и намечает пять этапов его эволюции. Первый из них соответствует тшинцеко-комаровской культуре (XV—XII в. до н. э.). Второй (XI—III вв. до н. э.) условно именуется лужицко-скифским, поскольку славяне в это время были носителями разнохарактерных культур — лужицкой, белогрудовской, чернолесской и скифской лесостепной. Третий этап (II в. до н. э.— II в. н. э.) представлен пшеворской и зарубинецкой культурами, четвертый (II—IV вв. н. э.) — пшеворской и черняховской, а пятый (V—VII вв. н. э.) — культурой пражского типа. Принадлежность славянам всех этих культур определяется Б. А. Рыбаковым тем, что ареалы их вписываются в одно и то же пространство от Днепра до Одера, «севернее европейского горного барьера (Карпаты — Судеты — Гарц)».

²⁶ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян, с. 83—151; он же. К проблеме происхождения славянских языков.— В кн.: Славянское языкознание. VII Международная конференция славистов. М., 1973, с. 378—389.

²⁷ *Hensel W.* Szkice wczesnodziejowe. L'ethnogenèse les Slaves.— *Slavia antiqua*, XVIII, 1971, p. 29—47.

²⁸ *Рыбаков Б. А.* Исторические судьбы праславян.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с. 182—196.

Возможности различных наук в освещении славянского этногенеза

История ранних славян может быть изучена при широком сотрудничестве различных наук — лингвистики, ономастики, археологии, антропологии, этнографии и фольклористики. Любая из этих наук в отдельности не располагает и вряд ли когда-либо будет располагать достаточным количеством фактов для решения проблемы славянского этногенеза в целом.

Ныне все признают, что проблему происхождения славян нужно решать общими усилиями историков, лингвистов, археологов и представителей других смежных дисциплин. Однако содружество разных специалистов в разработке этногенетических проблем иногда понимается ошибочно. Так, например, некоторые исследователи полагают, что если лингвисты локализируют ранних славян где-то в Среднем Поднепровье, то и археологи вслед за ними должны поместить славянскую прародину здесь же, объявив славянской какую-либо среднеднепровскую археологическую культуру. В результате у одного исследователя рождается мысль о славянской принадлежности белогородовской и чернолесской археологических культур, другие утверждают, что славянами были племена милоградской культуры, третьи относят к славянам комаровскую культуру, четвертые — скифскую лесостепную. Наоборот, археологи, работающие над древностями более западных регионов Европы, рассматривают типичную, лужицкую и иные культуры в качестве славянских, ссылаясь на утверждения другой группы лингвистов о размещении ранних славян в Висло-Одерском междуречье.

Такой подход к изучению славянского этногенеза, в частности к выяснению прародины славян, неверен в методологическом отношении. Совместные решения этногенетических проблем представителями разных наук возможны только при том условии, что выводы каждой отрасли науки покоятся на собственных материалах, а не навешаны данными смежной науки.

Примером научного сотрудничества археологии, истории и языкознания в решении этногенетических тем может служить книга «Народы между германцами и кельтами», посвященная населению порейнских областей эпохи Цезаря¹. Ее авторам — двум археологам и лингвисту —

¹ *Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands und Christi Geburt. Neumünster, 1962.*

пезависимо друг от друга на основе археологических, исторических и топонимических материалов удалось обнаружить неизвестную дотоле особую группу индоевропейских племен, в языковом отношении близкую германцам, кельтам и италикам.

Лингвистике, ономастике, археологии, антропологии и этнографии свойственны собственные методы исследования. В решении славянского этногенеза перед каждой из них могут быть поставлены определенные задачи. Поэтому необходимо проанализировать возможности каждой из этих наук в освещении исследуемой тематики.

Славянский этногенез и языкознание

Средствами языкознания изучается прежде всего глоттогенез, являющийся существенной частью этногенеза. Установлено, что славянские языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, куда входят кроме того балтские, германские, италийские (романские), кельтские, греческий, армянский, албанский, индоиранские, а также распространенные в древности фракийские, иллирийские, анатолийские и тохарские языки.

На первых порах развития индоевропеистики исследователи полагали, что образование отдельных языков является результатом простой эволюции диалектов праиндоевропейского языка вследствие отрыва или изоляции носителей этих диалектов от основного ствола. Однако теперь установлено, что распад индоевропейской общности был весьма сложным процессом. По-видимому, ни одна из известных лингвистике ветвей не образовалась непосредственно из диалектов праиндоевропейского языка. В отдаленной древности индоевропейских языков и диалектов было значительно больше, чем фиксирует современная наука. Распад индоевропейского языка не был одноактным процессом, а прошел через ряд этапов и длился тысячелетия. Между древними индоевропейскими и современными языковыми группами имели место промежуточные этноязыковые образования, а в отдельных случаях, вероятно, и серия промежуточных групп.

Первый период распада индоевропейской общности связан с отделением анатолийских и индоиранских языков. Древнейшие письменные памятники свидетельствуют, что хеттский и индоиранский языки выделились из индоевропейского по крайней мере уже в III тысячелетии до н. э. Следовательно, праиндоевропейская языковая общность относится к V—IV тысячелетиям до н. э. В раннее время образовались также армянский, греческий и фракийский языки. Зато языки племен Средней Европы оформились в самостоятельные сравнительно поздно. Так, согласно данным современной германистики прагерманский язык существовал в первой половине I тысячелетия до н. э. К рубежу II и I тысячелетий до н. э. относится выделение праиталийского языка.

Славянский язык принадлежит к числу молодых в семье индоевропейских. М. Фасмер определял образование праславянского языка временем около 400 г. до н. э., Т. Лер-Сплавинский — серединой I тысяче-

летия до н. э. Ф. П. Филин замечает, что начало становления праславян не может быть установлено с достаточной точностью, но, пишет он, «мы можем быть уверены в том, что праславянский язык в I тысячелетии н. э. и в века, непосредственно предшествующие нашей эре, несомненно существовал»².

Американские лингвисты Г. Трегер и Х. Смит предложили следующую хронологическую схему образования индоевропейских языков³.

Лексические и топонимические изыскания привели немецкого лингвиста Х. Крае к следующему выводу: в то время когда анатолийские, индоиранские, армянский и греческий языки уже отделились от остальных индоевропейских и развивались как самостоятельные, полностью оформившиеся языки, италийский, кельтский, германский, славянский, балтский и иллирийский еще не существовали⁴. «Западноевропейские языки Северной и Средней Европы во II тысячелетии до н. э., — пишет Х. Крае, — в своем развитии были достаточно близки друг другу, составляя, хотя и слабо связанную, но еще единообразную и находящуюся в постоянных контактах группу, которую можно назвать „древнеевропейской“. Из нее со временем вышли и развились отдельные языки: германский и кельтский, италийский и венетский, иллирийский, балтский и на окраине славянский»⁵. Древнеевропейцы занимали обширные простран-

² Филин Ф. П. К проблеме происхождения славянских языков. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 381.

³ Trager G. L., Smith H. L. A Chronology of Indo-Hittite. — Studies in Linguistics, 8, N 3, 1950.

⁴ Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; *idem*. Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie. — Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse (Wiesbaden), 1962, N 5; *idem*. Unsere ältesten Flüßnamen. Wiesbaden, 1964.

⁵ Krahe H. Germanische Sprachwissenschaft. I. Einleitung und Lautlehre. Berlin, 1960, S. 13.

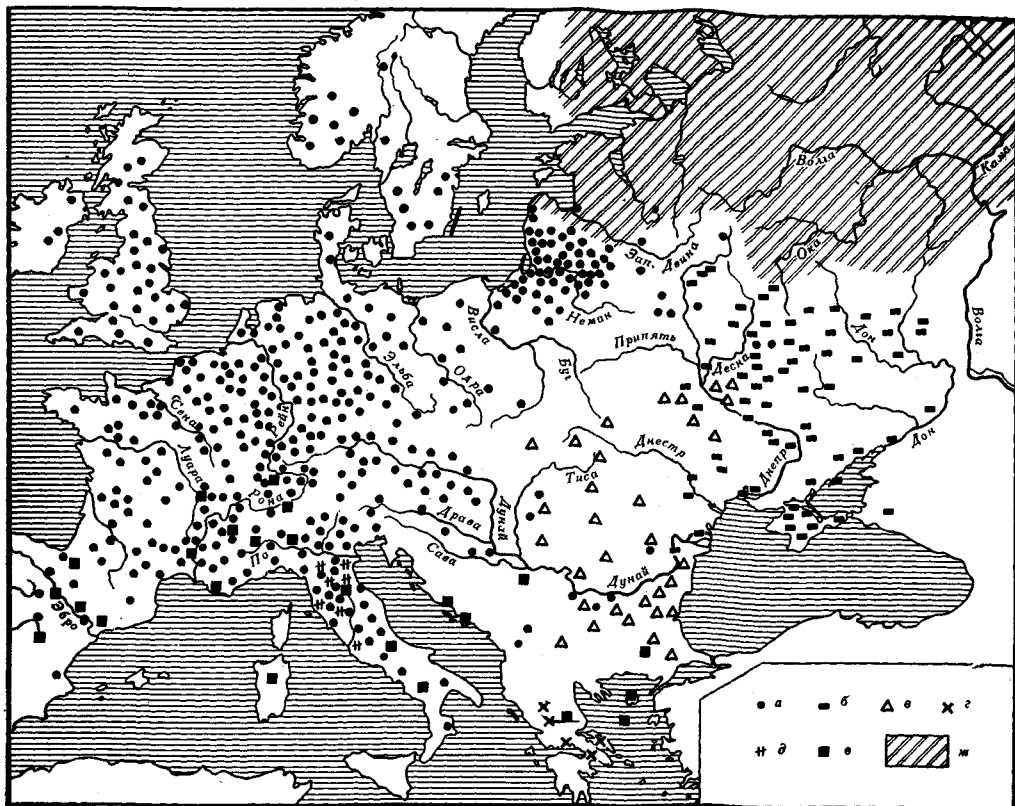

Рис. 2. Древняя гидронимия Европы

а — древнеевропейские гидронимы; б — иранские гидронимы; в — фракийские гидронимы; г — догреческие (анатолийские и «пеласские») гидронимы; д — этрусские гидронимы; е — доиндоевропейские гидронимы; ж — ареал древней фино-угорской гидронимии

ства Европы. Согласно Х. Крае древнеевропейские гидронимы распространены от Скандинавии на севере до материковой Италии на юге и от Британских островов на западе до юго-восточной Прибалтики на востоке (рис. 2). Области севернее Альп представляют исследователю наиболее древними. Древнеевропейцы выработали общую терминологию в области сельского хозяйства, социальных отношений и религии.

Конечно, построения Х. Крае являются всего лишь научной гипотезой. Поэтому для одних исследователей они вполне приемлемы, а другие указывают на то, что фактических данных для предположения о существовании древнеевропейской общности пока очень мало. Однако количество материалов, свидетельствующих в пользу построений Х. Крае, постепенно увеличивается, что делает их все более и более авторитетными.

Известный иранист В. И. Абаев выявил целый ряд североирано-европейских (скифо-европейских) языковых сходжений и отметил парал-

лели в области мифологии, свидетельствующие о бесспорном контакте древних иранцев Юго-Восточной Европы с еще нерасчлененными европейскими племенами. В связи с этим, замечает исследователь, нужно признать, что древнеевропейская языковая общность, куда входили будущие славяне, германцы, кельты и италики (по В. И. Абаеву, и тохары), является исторической реальностью⁶.

В результате анализа лексики гончарного, кузнечного, текстильного и деревообрабатывающего ремесел славян О. П. Трубачев пришел к выводу, что посетители раннеславянских диалектов или их предки в период, когда складывалась эта ремесленная терминология, находились в контакте с германцами и италиками, т. е. с индоевропейцами Центральной Европы. Центральноевропейский культурно-исторический ареал, который занимали будущие германцы, италики и славяне, локализуется исследователем в бассейнах верхнего и среднего Дуная, верхней Эльбы, Одера и Вислы, а также в Северной Италии (рис. 5)⁷.

На основе рассмотренных языковых данных можно сделать вывод общего порядка. Отдаленные предки славян, т. е. древнеевропейские племена, ставшие позднее славянами, во II тысячелетии до н. э. жили в Центральной Европе и находились в контакте прежде всего с протогерманцами и протоиталиками. Скорее всего они занимали восточное положение среди европейской группы индоевропейцев. В таком случае им принадлежала какая-то область, входящая в регион, обнимающий бассейн Вислы, поскольку в среднеднепровских землях древнеевропейских гидронимов уже нет. Ничего более определенного по истории этого далекого периода на основе лингвистических данных сказать невозможно.

Сформировавшийся в I тысячелетии до н. э. праславянский язык эволюционировал довольно неравномерно. На смену спокойному развитию приходили периоды бурных изменений, что, видимо, было обусловлено степенью взаимодействия славян с соседними этническими группами. Поэтому периодизация эволюции праславянского языка является существенным моментом для изучения проблемы славянского этногенеза.

Пожалуй, наиболее простая и в то же время исчерпывающая периодизация эволюции языка праславян предложена Ф. П. Филиным⁸. Исследователь выделяет три крупных этапа в развитии этого языка.

Первый этап (до конца I тысячелетия до н. э.) соответствует начальной стадии формирования основы славянской языковой системы. Это период, когда славянский язык только что начал развиваться самостоятельно и постепенно выработывал свою систему, отличную от других индоевропейских языковых систем.

Следующий, средний, этап развития праславянского языка датируется временем от конца I тысячелетия до н. э. до III—V вв. н. э. В этот период происходят серьезные изменения в фонетике языка славян (налатализация согласных, устранение некоторых дифтонгов, изменения в со-

⁶ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965, с. 127—129.

⁷ Трубачев О. П. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

⁸ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 99—110.

четаниях согласных, отпадение согласных в конце слова), эволюционирует его грамматический строй. В это время получает развитие диалектная дифференциация славянского языка. Можно предполагать, что все эти довольно существенные изменения в развитии праславянского языка были обусловлены взаимодействием славян с другими этноязыковыми группами. Иначе их объяснить невозможно.

Поздний этап эволюции праславянского языка (V—VII вв. н. э.) совпадает с началом широкого расселения славян, что привело в конечном итоге к разделению единого языка на отдельные славянские языки. Языковое единство славян в это время еще продолжало существовать, однако уже появились условия для зарождения в разных местах славянского ареала отдельных языковых групп⁹.

Славянский языковый материал для истории праславянских племен дает очень немного. Как уже отмечалось, на основе праславянской лексикологии можно утверждать, что славяне (в I тысячелетии до н. э. и в первых веках нашей эры) заселяли лесные земли с умеренным климатом и обилием рек, озер и болот, в стороне от степей, гор и морей. Неоднократно предпринимаемые попытки использовать для более конкретной локализации раннеславянского региона ботаническую и зоологическую терминологию оказались несостоятельными. Изменения географических зон в исторические периоды, миграции животных и растений, малочисленность и эпизодические изменения флористической и фаунистической лексики делают любые этногенетические выводы, основанные на анализе зооботанических терминов, малоубедительными. Из зоотерминологии для определения прародины славян важны, пожалуй, только названия проходных рыб — лосося и угря. Поскольку эти термины восходят к праславянскому языку, нужно допустить, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, т. е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море.

Для изучения этногенеза славян нерспективны некоторые внутрилингвистические методы исследования. Известно, что фонологическая система того или иного языка перестраивается под воздействием иноязычного субстрата. При этом замечено, что чем больше фонологическая система отлична от первоначальной, тем дальше удалены ее носители от прародины. Отсюда неизбежен вывод о максимальной близости современных диалектов, распространенных на территории прародины, к общему языку той или иной системы.

Согласно наблюдениям В. В. Мартынова, занимавшегося реконструкцией элементов фонологической системы праславянского языка, наиболее последовательно праславянские фонологические черты выявляются в ве-

⁹ Три этапа в праславянском языке (протославянский, ранний, когда диалектное членение еще отсутствовало, и период диалектной дифференциации) устанавливал и Н. С. Трубеткой (*Trubetzkoy N. S. Essai sur la chronologie des certains faits phonétiques du slave commun.* — In: *Revue des études slaves*, II. Paris 1922). Н. Ван-Вейк (*Van-Wijk N. Les langues slaves.* Mouton — Gravenhage, 1956) и С. Б. Бернштейн (*Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.* М., 1961) делят историю праславянского языка на две эпохи (до и после утраты закрытых слогов). Г. Шевелов подразделяет историю общеславянского языка на пять периодов (*Shevelov G. V. A Prehistory of Slavic.* N. Y., 1965).

ликопольских говорах. В юго-восточном направлении от ареала последних праславянские фонологические особенности в современных славянских диалектах заметно ослабевают, а в южном (в Придунавье и на Балканском полуострове) — пропадают вовсе¹⁰.

Сравнительно-историческое языкознание установило, что в тот период, когда праславянский язык выделился из индоевропейского и стал развиваться самостоятельно, славяне имели языковые контакты с балтами, германцами, иранцами и, может быть, с фракийцами и кельтами. Это вовсе не значит, что славяне древнейшей поры занимали все пространство между ареалами балтов, иранцев, германцев, фракийцев и кельтов. Весьма вероятно, что в этом пространстверяду со славянами жили и иные этнические группировки.

Наиболее существенные связи праславянский язык имел с балтскими. Из всех индоевропейских языков славянский наиболее близок к балтскому, что явилось основой для предположения о существовании в древности единого балто-славянского языка, в результате распада которого и образовались самостоятельные славянский и балтский языки. Дискуссия по вопросу о балто-славянских языковых отношениях, развернувшаяся в связи с IV Международным съездом славистов, показала, что сходство между балтским и славянским языками и наличие балто-славянских изоглоссов могут быть объяснены длительным контактом славян с балтами (балто-славянская общность)¹¹. Независимо от того, в какой форме проявлялись эти контакты, остается несомненным, что праславяне длительное время соседствовали с балтскими племенами.

В I тысячелетии до н. э. и в начале нашей эры балты занимали обширную область, простиравшуюся от юго-восточного побережья Балтийского моря до верхней Оки. На вопрос о том, где проходила граница между славянами и балтами, лингвисты отвечают неоднозначно. Одни исследователи считают, что праславяне жили южнее балтов, т. е. в Среднем Поднепровье и Припятском Полесье, другие локализуют праславян юго-западнее балтского ареала, т. е. в бассейне Вислы и Одера.

Для определения праславянской территории существенно, что многие древние балто-славянские изоглоссы не охватывают всех балтских языков. Балто-славянская общность относится в основном, очевидно, к тому времени, когда прабалтский язык уже дифференцировался на группы диалектов. На основе данных балтской диалектологии время распада общебалтского языка (выделение западной, восточной и днепровской диалектных групп) определяется концом II тысячелетия до н. э.¹²

Праславяне находились в тесном общении прежде всего с западной группой балтов. «Нет сомнения в том, — подчеркивает в этой связи С. Б. Бернштейн, — что балто-славянская общность охватила прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки»¹³. В лингвистической литературе высказывались предположения о формировании прасла-

¹⁰ Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. — Советское славяноведение, 1965, № 4, с. 69—81.

¹¹ См.: Славянская филология, т. I. М., 1958.

¹² Мажюлис В. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964.

¹³ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики..., с. 34.

вянского языка на основе одного из окраинных западнобалтских диалектов или, наоборот, о происхождении западнобалтских диалектов от одной из групп праславянских говоров. Согласно этим представлениям в древности существовала единая языковая общность, которая на основной территории сохранила свои основные особенности, характерные для балтской языковой группы, а на западной окраине подверглась изменениям, превратившись в славянскую¹⁴. Как бы ни решался этот вопрос, остается несомненным, что славяне в древности могли быть только западными или юго-западными соседями балтов.

Очень важно исследование славяно-иранских языковых связей. Время господства иранских (скифо-сарматских) племен в Юго-Восточной Европе и территория их расселения выяснены наукой, поэтому изучение славяно-иранских отношений могло бы ответить на вопрос, когда и где праславяне соседствовали с иранскими племенами Северного Причерноморья.

Собравные к настоящему времени факты свидетельствуют о значительности славяно-иранских лексических сходжений и об иранском воздействии на славянскую фонетику и грамматику¹⁵. Эти данные, сведенные воедино, легли в основу предположения, что праславяне жили в тесном соседстве с иранскими племенами, и позволили размещать славянскую прародину в Среднем Поднепровье. Суммарное рассмотрение славяно-иранских связей породило гипотезу о непрерывном контакте славян с северными иранцами. Между тем большое число славяно-иранских сходжений еще не дает оснований для утверждения, что в течение многовекового периода праславянской истории контакты славян со скифо-сарматами не прерывались. Поэтому одной из первостепенных задач в области изучения славяно-иранских связей является их хронологическая периодизация.

Первый серьезный шаг в этом направлении сделал О. Н. Трубачевым. В статье, посвященной лексическим иранизмам в славянских языках¹⁶, исследователь вполне справедливо исключает из числа собственно иранских прежде всего те лексические сходжения, которые восходят к эпохе контактов диалектов праиндоевропейского языка. Далее, оказалось, что большинство иранских лексических заимствований в славянских языках является локальным — они охватывают не весь славянский мир, а либо только восточнославянские языки, а иногда лишь часть их, либо только южнославянские, либо только западнославянские. Естественно, что ло-

¹⁴ Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтских и славянских языков. М., 1958; Топоров В. Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений. — В кн.: Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961, с. 211—218.

Б. Мажюлис полагает, что славянский язык развился из периферийного диалекта балто-славянской общности, а западнобалтийский был периферийным относительно прабалтского языка (*Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija)*). Vilnius, 1970, p. 314—317.

¹⁵ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. — В кн.: Вопросы славянского языковедения, 6. М., 1962, с. 28—45.

¹⁶ Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 3—81.

кальные лексические заимствования не отражают древнейшие праславяно-иранские связи, а принадлежат в основном к относительно позднему периоду — к эпохе членения общеславянского языка на диалекты и отчасти ко времени формирования отдельных славянских языков.

Общеславянские лексические заимствования из иранского единичны. Таковы, *bogъ* 'бог', *koť* 'загон, небольшой хлев', *gupa* 'шерстяная одежда' и *torogъ* 'топор'. Кроме первого, все эти иранизмы принадлежат к культурным терминам, обычно самостоятельно перемигрировавшим из языка в язык, независимо от миграций и соседства самого населения. Так, иранское *kata* достигло Скандинавии, а *taraqa* — западнофинского ареала.

Фонетическое (изменение взрывного *g* в задненёбный фрикативный *h*) и грамматические (выражение совершенного вида глаголов с помощью превербов, появление генетива-аккузатива, беспредложный локатив-дательный) воздействия иранцев также не охватывают всех славян, а носят региональный характер¹⁷. Правда, некоторые исследователи (В. Пизани, Ф. П. Филин) предполагают, что переход согласного *s* в *sh* после *i*, *u*, *g*, *k* в праславянском языке является результатом влияния иранских языков¹⁸. Несостоятельность этого предположения была продемонстрирована А. А. Зализняком¹⁹.

Отсюда неизбежен вывод, что праславяне на раннем этапе жили где-то в стороне от скифского населения Северного Причерноморья²⁰. Движение славянских племен в юго-восточном направлении, по-видимому, началось уже после падения скифского царства. Поэтому значительное иранское воздействие, о чем подробнее будет сказано дальше, затронуло только часть славян, расселившихся в Среднем Поднепровье и Причерноморье.

До недавнего времени лингвисты полагали, что славяне, жившие в Среднем Поднепровье, разграничивали скифо-сарматское и балтское население. Но, как оказалось, балты находились в тесном контакте с иранцами, что зафиксировано десятками балтских лексических заимствований из иранского и совместными новообразованиями. «В итоге,— замечает

¹⁷ *Абаев В. И.* О происхождении фонемы *γ* (*h*) в славянском языке.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 115—121; *он же.* Иревербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе.— Там же, с. 90—99; *Топоров В. Н.* Об одной ирано-славянской параллели в области синтаксиса.— Краткие сообщения Института славяноведения, 28, 1960, с. 3—11.

¹⁸ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян, с. 139, 140.

¹⁹ *Зализняк А. А.* О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами.— Краткие сообщения Института славяноведения, 38, 1963, с. 22.

²⁰ Среди региональных лексических иранизмов, свойственных части западнославянских языков, О. Н. Трубачев обнаруживает древнеиранские (*Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений, с. 44—80). Предполагать, что далекие предки поляков занимали в скифское время восточную часть славянского ареала, на этом основании преждевременно. Лексические ирано-польские связи, по-видимому, являются результатом проникновения на рубеже нашей эры иранского населения в южную Балтику (*Седов В. В.* Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и южной Балтики.— В кн.: Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. Таллин, 1973, с. 109; *Suliminski T.* Sarmaci nie tylko w kontuszach.— *Z otchłani wieków*, 1977, N 2, s. 102—110).

О. Н. Трубачев,— мы уже сейчас представляем себе балто-иранские лексические отношения как довольно значительный и плодотворный эпизод в истории обеих языковых групп»²¹.

Где-то на юго-западе своего ареала балты, очевидно, соприкасались с фракийским населением. Параллели в балтских и фракийских языках, говорящие о древнем балто-фракийском контакте, неоднократно отмечались специалистами²². Определить время этого контакта лингвистика пока не может.

Учитывая все эти наблюдения, можно полагать, что на раннем этапе развития праславянского языка славяне соседствовали с западными балтами, какое-то время были отделены от североиранских племен фракийцами и жили, очевидно, где-то в бассейне Вислы.

Теоретически можно допустить, что южными соседями славян были фракийцы и между ними могли быть тесные связи. «Однако выделить фракийские слова в праславянском не представляется возможным, так как наши сведения о фракийской лексике смутны и неопределенны. Нет вполне надежных и фонетических критериев для того, чтобы отделить общиндоевропейское от заимствованного»²³.

Такие же трудности возникают и при исследовании древнекельтского влияния на праславянскую речь. Можно думать, что славянам в древности приходилось общаться с кельтскими племенами. Однако от кельтских языков Средней Европы не осталось почти никаких следов, а западнокельтские диалекты существенно отличны от них. Поэтому гипотезы о славяно-кельтских языковых связях часто не принимаются во внимание. Остаются несомненными лишь несколько праславянских слов, хорошо этимологизирующихся на почве кельтских языков²⁴.

В этой связи интересными и важными представляются наблюдения О. Н. Трубачева, исследовавшего этнонимия древней Европы, еще не охваченной государственными образованиями. Оказывается, что тип раннего славянского этнонима ближе всего стоит к иллирийской, фракийской и кельтской этнонимии. Поскольку рассматриваемые этнонимы являются порождением уже обособленных этнолингвистических групп индоевропейцев, то близость этнонимии может быть объяснена только контактными связями славян с кельтами, фракийцами и иллирийцами²⁵.

Большой интерес для освещения проблемы прародин и ранней истории славян представляют славяно-германские отношения. Нет сомнения в том, что древние славяне заимствовали много слов от различных германских племен. Однако почти все германизмы в праславянском языке

²¹ Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений, с. 20.

²² Wiesner J. Die Thraken. Stuttgart, 1963, S. 43; Nalepa J. O sąsiedztwie prabaltów z pratrakami.— Sprakliga Bidrag, v. 5, N 23, 1966, s. 207, 208; Duridanov J. Thrakisch-dakische Studien. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969; Топоров В. Н. К фракийско-балтским языковым параллелям.— В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 30—63.

²³ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики..., с. 93.

²⁴ Treiter K. Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954, S. 32—34; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики..., с. 94, 95.

²⁵ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— ВЯ, 1974, № 6, с. 48—67.

являются не общегерманскими, а диалектными, и следовательно, отражают славяно-германские связи не древнейшей поры. Поэтому с полной уверенностью о славяно-германском языковом взаимодействии можно говорить только с первых веков нашей эры.

В. В. Мартынов пытается показать вероятность древнейшего славяно-германского лексического взаимопроникновения, относимого к середине I тысячелетия до н. э.²⁶ Кажется, в пользу этого говорят не только данные лексикона, но и иные языковые материалы²⁷. Если так, то славяне уже на раннем этапе жили где-то по соседству с прагерманцами, может быть, не находясь с ними в тесном контакте²⁸.

Сказанным, пожалуй, исчерпывается все, что могут дать в настоящее время данные языкознания для освещения проблемы происхождения и древнейшей истории славян. Хотя язык и представляется наиболее надежным признаком этнической единицы, однако в изучении деталей этногенетического процесса славян лингвистика далеко не всесила. Лингвистическим данным явно недостает пространственной, хронологической и конкретно-исторической определенности. Поэтому привлечение на помощь лингвистике материалов археологии, антропологии и других смежных дисциплин, способных осветить неясные стороны славянского этногенеза, является насущной необходимостью.

Значение топонимики в изучении этногенеза славян

Попытки использовать топонимические материалы для локализации славянской прародины предпринимались многими исследователями. Установлено, что из всех географических названий для этноисторических выводов наиболее полезны ввиду их архаичности гидронимы. На них и было обращено основное внимание.

Однако до недавнего времени в научной литературе господствовало ошибочное положение, согласно которому областью первоначального жительства славян считались районы наибольшего сосредоточения славянской гидронимики или районы с чисто славянскими водными названиями. В действительности наблюдается обратная картина — области сосредоточения гидронимики определенной языковой принадлежности оказываются

²⁶ Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963; *он же*. О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения. — В кн.: Тинология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969, с. 100—113.

²⁷ Савченко А. Н. О генетической связи праславянского языка с прагерманским. — В кн.: Тинология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969, с. 39—48.

²⁸ Компаративистика выявляет бесспорный пласт древних германских заимствований в балтских языках и архаичный характер германо-балтских языковых связей (Сравнительная грамматика германских языков, т. I. М., 1962, с. 70—79). Из этого следует, что уже в раннюю пору (I тысячелетие до н. э.) балты жили по соседству с германскими племенами. Пограничная полоса между ними проходила, нужно полагать, где-то на южном побережье Балтийского моря.

районами миграции соответствующих этнических групп. «Чистота» славянских названий вовсе не говорит о древности заселения славянами этого региона, ибо последние есть и в областях беспорочно позднего освоения.

Для изучения этногенеза славян прежде всего необходимо разработать стратиграфию славянской гидронимики. Вполне очевидно, что чем древнее славянские водные названия, тем более древнюю территорию славян они обрисовывают. Если бы удалось среди славянской гидронимики вычленить праславянскую, а последнюю дифференцировать на несколько слоев, соответствующих трем периодам эволюции праславянского языка, то картография этих слоев позволила бы очертить области расселения славян на отдельных этапах их ранней истории.

Однако праславянская гидронимика пока не поддается стратиграфическому членению. На современном этапе развития ономастики среди славянских географических названий могут быть выявлены лишь отдельные общеславянские элементы (например, древнерус. Дорогобуж, чеш. Drahoúž, серб.-хорв. Драгобут; рус. Лупоголова, словац. Lipoglav, серб.-хорв. Лупоглав)²⁹.

При исследовании водных названий Украины выделен слой архаических славянских гидронимов³⁰. Но все эти названия могли образоваться в разные периоды развития праславянского языка, в частности и в самое позднее время. Судя по наличию подобных праславянских гидронимов на Балканском полуострове, заселение которого славянами зафиксировано в письменных источниках и датируется временем не раньше VI столетия, они указывают не на прародину славян, а на область их расселения к концу общеславянского периода.

На той территории, где началось формирование праславянского языка, нужно полагать, население пользовалось старыми (индоевропейскими и древнеевропейскими) названиями вод. Формирование языка славян было длительным процессом и бесспорно не сопровождалось переименованием гидронимов. К тому же, для сложения собственно славянской топонимики нужно было какое-то время. Следовательно, славянскую прародину — колыбель оформления славян — нужно искать в ареале древнеевропейской гидронимики. И только позднее, когда сложились основы праславянской языковой системы и выработалась собственно славянская гидронимика, в процессе освоения новых территорий славяне стали давать рекам и озерам славянские наименования.

Топонимии принадлежит значительная роль в исследованиях направлений и путей славянского расселения как в раннее время, так и в эпоху средневековья. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что систематическая повторяемость водных названий в определенных направлениях отражает пути расселения племен и народностей.

Представляют интерес наблюдения Т. Лер-Сплавинского относительно водных названий на пространстве между Одером и Днестром. Здесь

²⁹ Трубачев О. М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії.— Мовознавство, 1971, № 6, с. 3—17.

³⁰ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 270—273.

были выделены два ареала — зона первичной гидронимики (бассейны Одера и Вислы) и зона с производными словообразовательными формами по отношению к первичным (Среднее Поднепровье)³¹. К такому же выводу на основе структурно-словообразовательного анализа славянских водных названий склоняется и польский топонимист С. Роспонд³². Если это так, то междуречье Вислы и Одера нужно рассматривать в качестве более древнего славянского ареала.

Из работ, рассматривающих поздний этап праславянской истории, большой интерес представляет книга болгарского исследователя Й. Заимова³³. На основе топонимических данных ему удалось нарисовать обстоятельную и детальную картину славянского заселения восточной части Балканского полуострова.

Древние авторы о славянах

Самые ранние сведения о славянах в античных письменных источниках относятся к сравнительно позднему времени — к первым векам нашей эры. Эти данные весьма отрывочны, а в географическом отношении не конкретны. Для исследования проблемы происхождения и этногенеза ранних славян они имеют вспомогательное значение.

Своим именем славяне в античных источниках не называются. Античные авторы знают вепедов, и имеются все основания считать, что под этим этнонимом скрываются славяне. Историк VI в. Иордан прямо свидетельствует, что «многолюдное племя венетов» в его время было известно под разными названиями: «...все же преимущественно они называются склавенами и антами» или «...ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов»³⁴. Косвенным подтверждением служит и то, что вплоть до настоящего времени соседи славян — германцы и прибалтийскофинские народы — называют славян венетами³⁵.

Впервые этноним венеда³⁶ встречается в Естественной истории Плиния, погибшего при извержении Везувия в 79 г. н. э. Автор называет вепедов в числе племен, соседящих на востоке с группой германских племен — ингвеонами: «...земли до реки Вистулы обитаемы сарматами, венедами, скифами, гиррами»³⁷.

Ингвеоны (ингвеоны) занимали побережье Северного моря и низовья Рейна, Везера и Эльбы. Где-то в более восточных областях от них и

³¹ *Lehr-Splawiński T.* Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych. — *Rocznik sławistyczny*, XXI, 1960, s. 5—22.

³² *Rospond S.* Prasłowianie w świetle onomastyki. — In: *I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej*, t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 109—170.

³³ *Заимов Й.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967.

³⁴ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М., 1960, с. 71, 72, 90.

³⁵ *Новодин А. Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, с. 17.

³⁶ Не считая упоминания Геродотом племени энетов, обитавших на северном побережье Адриатического моря (*Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972, с. 73, 240, 241). Имеется ли связь между энетами и венетами первых веков нашей эры, — об этом трудно сказать что-нибудь определенное.

³⁷ *Plinius Secundus C.* *Naturalis historia*, III. Leipzig, 1895, p. 97.

жили веныды. Скорее всего это были области в бассейне Вислы (Вистулы) и, может быть, более восточные земли.

К концу I в. н. э. относятся известия о венедах Тацита. Рассказывая о племенах, живших в восточной Германии, он называет певкинов, венодов и финнов. «Веныды переняли многое от певкинов, ради грабежей рыщут по лесам и горам, какие только существуют между невкинами и феннами»³⁸. Певкины во времена Тацита занимали северную часть Нижнего Нодунавья. Фенны — финские племена, заселявшие в тот период обширнейшую территорию лесной полосы Восточной Европы от Прибалтики до Урала. Где между финнами и певкинами локализируются веныды, сказать невозможно.

Тацит колебался, отнести ли венодов к сарматам или к германцам. С одной стороны, веныды многое заимствовали из нравов и образа жизни певкипов, которые сильно перемешались с сарматами путем браков, с другой — они «сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой, все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»³⁹.

Несколько конкретнее этногеографические сведения автора второй половины II в. н. э. Клавдия Птолемея, использовавшего не дошедшее до нас сочинение географа I в. п. э. Марина Тирского. Согласно Птолемею веныды — одно из крупнейших племен Европейской Сарматии, пределом которой на западе была р. Висла (Вистула). У ее истоков начиналась уже территория германских племен. С юга Сарматия ограничивалась Карпатские горы и северный берег Понта (Черного моря), а с севера — Венедский залив Сарматского океана (побережье Балтийского моря). «Заселяют Сарматия очень многочисленные племена: Веныды — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — Певкины и Бастерны; по всему берегу Мсотида — Языги и Роксоланы; далее за ними внутрь страны — Амаксонии и Скифы-Аланы»⁴⁰.

Учитывая сообщение Тацита о соседстве венодов с певкинами, венодов следует локализовать между побережьем Балтийского моря и территорией певкинов и бастарнов, т. е. в бассейне Вислы. В Повисленье, судя по Птолемею, жили и менее значительные племена — гифоны, аварины и др. По-видимому, они не дожили до раннего средневековья, растворившись среди венодского и германского населения. Как далеко простирались земли венодов на восток, определить по данным Птолемея не представляется возможным.

Древние авторы обычно определяли границы между народами по большим рекам, поскольку они были хорошими и единственными ориентирами в малоизвестных странах. Так, рубежом между Германией и Сарматией для римлян была Висла; границей между Галлией и Германией — Рейн; земли антов по Иордану простирались «до Данапра». Однако точно выяснено, что германцы времен Цезаря жили по обе стороны

³⁸ *Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах*, I. Л., 1969, с. 372.

³⁹ Там же, с. 372, 373.

⁴⁰ *Клавдий Птолемей. Географическое руководство*. — В кн.: *Лагышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*, т. I, вып. 1. СПб., с. 231.

Рейна, а антские поселения, судя по археологическим материалам, распространялись по обе стороны Днестра. Следовательно, указания древних авторов о рубежах между народами нельзя трактовать буквально, и сведения римлян, что Германия доходила до Вислы, не противоречат локализации венедов по обе стороны этой реки.

На Невтингеровой карте (конец III — начало IV в. н. э.) венеды обозначены в двух местах. Один раз венеды-сарматы локализованы южнее Балтийского моря и северо-западнее бастарнов, второй раз — рядом с гетами и даками, между Дунаем и Днестром⁴¹. Но-видимому, это — не две отдельные венедские области, а скорее свидетельство об обширности территории расселения венедов. Е. Ч. Скржинская высказала предположение, что, поскольку Певтингеровы таблицы отражают сведения о дорогах времени римского императора Августа, обозначение венедов в двух местах обусловлено пересечением их территории двумя путями, один из которых соединял земли венедов с областью бастарнов, а другой — с регионом даков⁴².

Информация о венедях в письменных источниках первой половины I тысячелетия н. э. этим и ограничивается. На основе данных Плиния, Тацита и Птолемея можно полагать, что в первых столетиях нашей эры славяне обитали где-то между Балтийским морем и Карпатами, в бассейне Вислы, а может быть, и в более восточных районах. В III—IV вв. н. э. их территория расширяется, охватывая области Поднестровья.

Сведения о славянах середины I тысячелетия н. э. более значительны и разнообразны. Теперь славяне называются своим именем. Наряду с собственным этнонимом упоминаются апты, а Иордан знает и прежнее имя — венеды. Византийские авторы (Прокопий Кесарийский, Агафий, Менаандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Маврикий, или Псевдо-Маврикий)⁴³ описывают в основном славян Подунавья и Балканского полуострова, что обусловлено историческими событиями VI—VII вв. — славяне в ту пору переходят Дунай и вторгаются в пределы Восточной империи.

В сочинениях византийских историков имеются сведения о различных сторонах жизни и быта славян. Рассказывается о военном искусстве, боевых успехах и неудачах славян, об их политической организации и вождях, о поселениях и жилищах, об отношениях с Византией, аварами и другими племенами.

Византийские авторы сообщают очень важные сведения для изучения вопроса о славянском освоении Балканского полуострова. Другая информация о географии славян в этих источниках почти отсутствует. Только в сочинении Прокопия имеются данные об этногеографии племен Северного Причерноморья, в том числе об одной из славянских группировок того времени — антах. По Прокопию анты вместе со славянами жили, с одной стороны, на северном берегу Истра (нижнего Дуная),

⁴¹ Miller K. Weltkarte des Castorius genant die Peutingerichte Tafel. Ravensburg, 1888.

⁴² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Комментарий, с. 219.

⁴³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1959; Феофилакт Симокатта. История. М., 1957; Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. — ВДИ, 1941, № 1, с. 230—284.

с другой — к северу от утригуров, обитавших по побережью Меотиды (Азовского моря)⁴⁴. Таким образом, получается, что антам принадлежали области Причерноморья между пизним Дунаем и Приазовьем, где уже обитали тюркские племена кутригуров и утригуров.

Для исследования проблемы этногенеза славян более существенное значение имеет сочинение готского епископа Иордана, жившего в VI в.⁴⁵ «*Getica*» была закончена в 551 г. Труд посвящен истории готов начиная с того времени, когда они расселились в устье Вислы, покинув Скандинавию, и кончая серединой VI столетия. В процессе изложения автор делает ряд экскурсов в историю славян.

Уже было сказано, что Иордан позволяет установить связь между славянами и венедами античных писателей. По Иордану, венеда суть славяне. Он сообщает: «Между этими реками [Тиссой, Олтом и Дунаем] лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы [Карпаты]. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы [Вислы], на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов»⁴⁶. Эта информация как бы подчеркивает сведения античных авторов о том, что древнейшей областью венеда был регион, связанный с бассейном Вислы.

К середине VI в. венеда-славяне уже расселились на широких пространствах Европы и были известны под именами венеда, славян [склавен] и антов. «Склавены живут,— пишет Иордан,— от города Новиетуна [по-видимому, Невидуп на правом берегу Савы, ниже нынешней Любляны]⁴⁷ и озера, именуемого Мурсианским [по Е. Ч. Скржинской озеро Балатон]⁴⁸, до Данастра [Днестра], а на север — до Вислы [Вислы]... Апты же... распространяются от Данастра до Данапра [Днепра], там, где Понтийское [Черное] море образует излучину»⁴⁹. Таким образом, славяне во времена Иордана заселяли широкую полосу, простирающуюся от Среднего Подунавья до нижнего Днепра. Из сообщений этого историка видно, что западными соседями славян были германские племена, на юго-западе они соприкасались с фракийцами, на востоке — с тюркоязычными племенами, а на северо-востоке, по-видимому, — с эстиями (балтами), земли которых паходились между юго-восточным побережьем Балтийского моря, и акадирами, обитавшими в бассейне Дона.

Сочинение Иордана ценно и тем, что в нем имеются некоторые исторические сведения о славянах периода IV—V вв.

Некоторые сведения о славянах содержатся в сочинениях сирийских авторов VI в. (Евграфия, Иоапна Эфесского и других)⁵⁰. Однако они не касаются вопросов славянского этногенеза. Известия западноевропейских географов и историков относятся уже к сравнительно позднему вре-

⁴⁴ *Ирокопий из Кесарии*. Война с готами, с. 156, 298, 384.

⁴⁵ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов.

⁴⁶ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, с. 71.

⁴⁷ *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне.— *Бизантийский временник*, XII, 1957, с. 2—30.

⁴⁸ *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах...

⁴⁹ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

⁵⁰ *Нигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.— Л., 1941.

мени — к IX и последующим столетиям — и не дают надежных материалов для реконструкции этнической истории ранних славян.

Только составитель древнейшей русской летописи — Повести временных лет — попытался отразить начало славянской истории и ответить на вопрос, откуда и как появились славяне. Отрывок из этой летописи, повествующий о расселении славян из Нижнего Подунавья и Паннонии, приведен в историографическом разделе (см. с. 7).

Б. А. Рыбаков на основе текстологического анализа вводного раздела Повести временных лет пришел к заключению, что летописная фраза «По мнзехъ же временах сели суть словени до Дунаеви...» должна быть переставлена в другое место — туда, где описываются миграции кочевнических орд на Балканы. И следовательно, в этногеографическом введении летописи речь идет не о размещении Нестором прародины славян на Дунае, а о славянском освоении Балканского полуострова в V—VI вв. н. э.⁵¹

Антропологическая карта славян в средние века

К комплексу наук, исследующих этногенетическую проблематику, относится антропология. Ей принадлежит решающее слово в изучении физического родства племен и народностей, что составляет важный аспект этногенеза, а краниологические материалы позволяют искать истоки антропологических особенностей в глубокой древности.

В решении проблемы происхождения и ранней истории славян много можно было бы ожидать от палеоантропологии, если бы у славянских племен длительное время, вплоть до последнего столетия I тысячелетия н. э., не господствовал обряд кремации умерших. Полное отсутствие краниологических материалов по ранней истории славян делает антропологию в исследовании славянского этногенетического процесса вспомогательной наукой.

Материалы антропологии в изучении славянского этногенеза использовались Л. Нидерле, Я. Чекановским и другими исследователями. Однако в те годы антропологические данные были еще в значительной степени не собраны и не систематизированы. Первое сводное исследование по антропологии средневековых славян принадлежит И. Швидецкой⁵². Восточнославянские краниологические материалы X—XIV вв. получили современную научную характеристику в работах Г. Ф. Дебеца и Т. А. Трофимовой⁵³, а в последнее время стали объектом специального изучения Т. И. Алексеевой⁵⁴. Т. И. Алексеевой принадлежит также пе-

⁵¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 219—247.

⁵² Schwidetzky I. Rassenkunde der Altslawen. Stuttgart, 1938.

⁵³ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948; Трофимова Т. А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии.— СЭ, 1946, № 1, с. 91—136.

⁵⁴ Aleksiejewa T. Wschodnios'owiańskie czaszki z kurhanów plemiennych.— Materiały i prace antropologiczne, N 72, 1966, s. 3—142; Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

большое исследование по средневековым славянам в целом⁵⁵. Палеоантропология южных славян получила освещение в интересной работе болгарского исследователя П. Боева⁵⁶.

В результате можно сделать следующие заключения по антропологии средневековых славян.

1. Славяне в разных регионах своего расселения имели различное антропологическое строение. Антропологического типа, характерного исключительно для славян, в средние века, а очевидно, и в более раннее время, не существовало.

2. Особенности антропологического строения славянского населения на окраинах их территории закономерно объясняются исследователями взаимодействием с субстратными племенами. Так, в восточных районах Балканского полуострова многие признаки краниологии славян сопоставимы с особенностями антропологических серий предшествующего периода. Несомненно участие финно-угорского субстрата в формировании антропологического строения славянского населения Владимиро-Суздальской и Новгородской земель. Субстратное воздействие на антропологию славян в меньшей степени проявляется и в некоторых других регионах славянского ареала.

3. В антропологическом облике средневековых славян отразилась вся сложность и многогранность их этногенетической истории. Антропология не позволяет определять этноязыковую принадлежность каждой конкретной исследуемой серии черепов. Наблюдения Т. И. Алексеевой, что германцы в целом по сравнению со славянами относительно более узконосы, низкоорбитны, низкоголовы и более массивны по абсолютным размерам черепов, носят самый общий характер. Среди достоверно славянских краниологических серий встречаются такие, которые характеризуются перечисленными признаками, и наоборот, среди германских серий имеются вполне сопоставимые со славянскими.

4. На территории славянского расселения в средние века выявляется зона относительной широколицести, которая по Т. И. Алексеевой ограничена с севера Западной Двиной, с запада — Вислой, с востока — Днепром и с юга — Дунаем. Поскольку эта зона в самых общих чертах совпадает с древнеславянским ареалом, намеченным Л. Нидерле, исследовательница полагает, что таким образом определяется область формирования антропологической общности славян, или, иными словами, прародина славян. Такой вывод весьма и весьма проблематичен. Поскольку в эпоху средневековья широколицесть была свойственна также балтам, то не исключено, что на какой-то части «предполагаемой прародины славян» широколицесть славянского населения является всего-навсего отражением балтского субстрата. Во-вторых, зона широколицести в эпоху средневековья не органичивалась бассейном Вислы, а простиралась дальше на запад. В частности, этот признак весьма характерен для ряда се-

⁵⁵ Алексеева Т. И. Славяне и их соседи (по данным антропологии). — *Antropologie* (Brno), 1966, N 2, с. 3—37.

⁵⁶ Боев Р. Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostägäischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. Sofia, 1972.

рий германских черепов (сходных и по некоторым другим признакам со славянскими) из средневековых могильников Тюрингии⁵⁷.

5. Поскольку антропологические данные по племенам, заселявшим средневропейские области в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э., отсутствуют, некоторые исследователи (Т. А. Трофимова, Т. И. Алексеева и другие) ведут поиски истоков антропологического строения средневековых славян в материалах эпохи неолита и бронзы. Они обычно обращаются к широколистым долихокранам, известным по памятникам культур боевых топоров и фатьяновской. Сооставление антропологических материалов, разорванных трехтысячелетним периодом господства обряда трупосожжения, носит гипотетический характер и не может быть использовано для серьезных выводов. В частности, для решения конкретных вопросов этнической истории славянства оно абсолютно ничего не дает. Очевидно, что носителями культуры боевых топоров были индоевропейские племена. Поскольку они занимали территории, впоследствии принадлежащие славянам, балтам и германцам, то их вклад в антропологическое строение этих трех этнических массивов средневековья закономерен.

Как это ни парадоксально, до сих пор исследователями не составлена антропологическая карта славян в эпоху средневековья. Опубликованные до настоящего времени карты-схемы обычно покоятся на ограниченных материалах. Постараюсь восполнить этот пробел в настоящей работе (рис. 3).

Серии черепов составлены по отдельным археологическим памятникам — могильникам или кладбищам, исследованным в городах или близ крупных поселений. Датируются краниологические материалы в целом временем от X до XIV столетия. Исключение представляют серии черепов из славяно-аварских могильников Подунавья, относящихся к более раннему времени — VI—VIII вв.

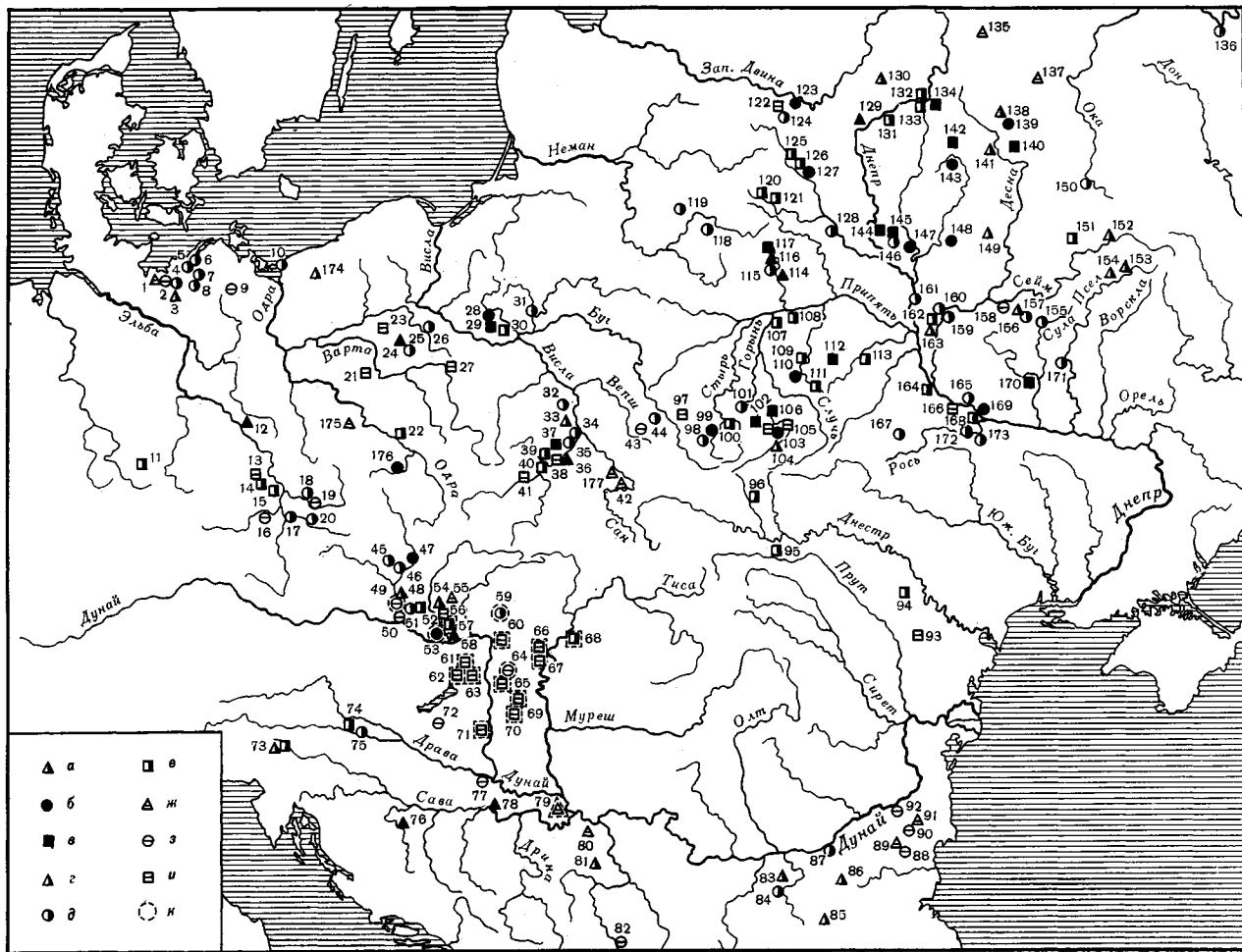
В научной литературе неоднократно отмечалось, что основные различия между сериями славянских черепов средневековья проявляются по двум признакам — черепному указателю и скуловому диаметру.

На предлагаемой антропологической карте краниологические серии средневековых славян распределены по антропологическим типам, выделенным на основе комбинации этих признаков (табл. 1).

Карта (рис. 3) выявляет чрезвычайную пестроту антропологического строения средневековых славян. Она, очевидно, отражает как взаимодействие славян с различными другими этноязыковыми группами европейского населения, так и миграционные процессы самих славянских племен. Исключительно на антропологических материалах разобраться и интерпретировать все эти исторические события не представляется возможным. Отдельные вопросы, касающиеся антропологического строения славян, будут рассмотрены далее в связи с материалами археологии.

---

⁵⁷ Kurth G. Ergebnisse der anthropologischen Untersuchung frühdeutscher Reihengräber aus Thüringen.—Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena, Mathematisch-Naturwissenschaftliche Reihe, 3, H. 1, 1953—1954, S. 19—38.

Рис. 3. Антропологическая карта славян в эпоху средневековья

а — долихокраний узколикий тип;
 б — долихокраний среднеликий тип;
 в — долихокраний относительно широколикий тип;
 г — мезокраний узколикий тип;
 д — мезокраний среднеликий тип;
 е — мезокраний относительно широколикий тип;
 ж — суббрахиокраний узколикий тип;
 з — суббрахиокраний среднеликий тип;
 и — суббрахиокраний относительно широколикий тип;
 к — славяно-аварские и аварские могильники

1 — Гамель; 2 — Мекленбург; 3 — Шве-рин; 4 — Густавель; 5 — Призанневитц; 6 — Альт-Бартельсдорф; 7 — Целендорф; 8 — Бобдин; 9 — Баргейндорф; 10 — Млын-увка-Волин; 11 — Эсенферд; 12 — Аль-томмачи; 13 — Тенлиц; 14 — Билина; 15 — Сулейовице; 16 — Брандисек; 17 — Лаховице; 18 — Либиде; 19 — Ошкобр; 20 — Стара Коуржим; 21 — Пеленгово; 22 — Густоржин; 23 — Руднице; 24 — Слабошево; 25 — Острв Ледницкий; 26 — Крушвица; 27 — Скарбаново; 28 — Красино-Плонск; 29 — Туров Плонский; 30 — Коржибь Малая; 31 — Вазар Новы; 32 — Радом; 33 — Конские; 34 — Сан-домиж; 35 — Самборжец; 36 — Горисла-вице; 37 — Злота; 38 — Вислица; 39 —

Злота Пинчовске; 40 — Лентковице; 41 — Краков; 42 — Пшемьсль; 43 — Сан-сляндка; 44 — Гродек-над-Бугом; 45 — Иозофово; 46 — Микутьчице; 47 — Угер-ске Скалице; 48 — Моравский Ян; 49 — Девинска Нова Вель; 50 — Девин; 51 — Дольны Ятов; 52 — Абрахам; 53 — Голлар; 54 — Млинарец; 55 — Зобор; 56 — Бешенев; 57 — Новый Замок; 58 — Жи-тавска Тонь; 59 — Желовце; 60 — Вац-хартян; 61 — Мор-Акастодомб; 62 — Ешко; 63 — Чакбереш; 64 — Юллэ; 65 — Апоркаи-Юрбэпуста; 66 — Алаттян-Ту-лат; 67 — Яношхида-Тоткерпуста; 68 — Тисадерж; 69 — Кипкереш-Багохид; 70 — Кецел; 71 — Себень; 72 — Кепнуц-та; 73 — Блед; 74 — Турпишце; 75 — Птуй; 76 — Балтне-Баре; 77 — Бело Брдо; 78 — Барац-Вашиядина; 79 — Войка; 80 — Брестовик; 81 — Добрача; 82 — Ново Брдо; 83 — Плевен; 84 — Лю-веч; 85 — Казанлын; 86 — Луковит; 87 — Стырмен; 88 — Преслав; 89 — Мадара; 90 — Пови-Пазар; 91 — Плиска; 92 — Но-пина; 93 — Ханска; 94 — Вранешты; 95 — Васильев; 96 — Семеново; 97 — Новосел-ки; 98 — Усичи; 99 — Вечулки; 100 — Теремно; 101 — Гродек; 102 — Белев; 103 — Старый Жуков; 104 — Пересолни-ца; 105 — Радимин; 106 — Колодеика; 107 — Давид-Городок; 108 — Туров; 109 — Олевск; 110 — Зубковичи; 111 — Андре-

евичи; 112 — Норинск; 113 — Речица; 114 — Милковичи; 115 — Митяевичи; 116 — Огородники; 117 — Падаеры; 118 — Новогрудок; 119 — Салапятишки; 120 — Заславль; 121 — Мипск; 122 — Кубличи; 123 — Славены; 124 — Городец; 125 — Бо-рисов; 126 — Оздятичи; 127 — Мурава; 128 — Языль; 129 — Грозивец; 130 — Зу-бово; 131 — Смоленск; 132 — Старая Рудня; 133 — Березовка; 134 — Волочек; 135 — Ведерники; 136 — Старая Рязань; 137 — Юхново; 138 — Коханы; 139 — Шуя; 140 — Ивановичи; 141 — Загорье; 142 — Азобичи; 143 — Доброносики; 144 — Гадилавичи; 145 — Курганье; 146 — Песчупка; 147 — Бердыш; 148 — Ново-зыбков; 149 — Мериновка; 150 — Лебе-дка; 151 — Моисеевское; 152 — Лиино; 153 — Гочево; 154 — Белгород-Николаев-ский монастырь; 155 — Медвежье; 156 — Липовое; 157 — Конотон; 158 — Бахмач; 159 — Троицкий монастырь; 160 — Чер-нигов; 161 — Любеч; 162 — Гуцино; 163 — Шестовицы; 164 — Киев; 165 — Переяславль Хмельницкий; 166 — Вита-чев; 167 — Ягятичи; 168 — Родня; 169 — Лиялява; 170 — Лубны; 171 — Вроварки; 172 — Хутор-Половецкий; 173 — Нико-лаевка; 174 — Любшево; 175 — Бжег Глогувский; 176 — Томице; 177 — Яро-слав

Таблица 1. Краниологическая типология средневековых славян

Типы	Основные признаки	
	черепной указатель	скуловой диаметр
Долихокраний узколиций	69,5–72,9	123,0–129,9
Долихокраний среднелиций	70,0–72,9	130,0–133,9
Долихокраний широколицый	67,2–72,9	134,0–140,0
Мезокраний узколиций	73,0–76,9	125,4–129,9
Мезокраний среднелиций	73,0–76,9	130,0–133,9
Мезокраний широколицый	73,0–76,9	134,0–140,5
Суббрахикраний узколиций	77,0–83,8	123,6–129,9
Суббрахикраний среднелиций	77,0–83,6	130,0–133,9
Суббрахикраний широколицый	77,0–87,2	134,0–143,0

Этнография и фольклористика

К сожалению, этнографы и фольклористы до сих пор сделали очень немного для разрешения вопросов этногенеза славян. Между тем и материалы этнографии, и фольклористика могут оказать существенную помощь в изучении ранних этапов славянской истории. И этнография, и фольклористика являются составной частью комплекса наук, изучающих проблему происхождения славян.

Однако огромнейшие данные, которыми располагают эти науки, данные, собранные на протяжении двух последних столетий по самой различной методике, специалистами и неспециалистами, научно не обработаны и не систематизированы. К изучению проблемы славянского этногенеза этнографы активно смогут подключиться лишь после составления общеславянских и региональных этнографических атласов.

Археология и этногенез славян

Языком — наиболее надежным признаком этнической единицы — пользуется вполне определенная группа людей, создающих свою, особую материальную и духовную культуру. Наряду с языком и антропологическим строением культуру можно считать признаком развития жизни человеческих коллективов, основанных на физическом родстве индивидуумов. Поэтому в исследовании древнейшей истории славян археологии принадлежит ведущее место. В отличие от лингвистических данных, которым часто недостает пространственной и хронологической определенности, материалы археологии конкретно-историчны. Ныне вопросы этногенеза славян нельзя решать без учета данных археологии.

На первых этапах этногенетических исследований археологи должны решать вопросы самостоятельно, независимо от данных лингвистики или

других смежных наук. Археологу прежде всего необходимо приложить максимум усилий для этнического определения той или иной археологической культуры по данным своей науки, и только потом допустимы сопоставления полученных результатов с выводами других наук.

Непременным условием для заключения о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой. Если полной преемственности не обнаруживается, то неизбежен вывод о смене одного этноса другим или о наслонении одной этноязыковой единицы на другую. Поэтому ведущая роль в этногенетических построениях археологов принадлежит ретроспективному методу исследования, заключающемуся в поэтапном прослеживании истоков основных элементов археологических культур. От культур достоверно славянских, относящихся к раннему средневековью, надлежит продвигаться в глубь столетий к тем древностям, которые генетически связаны с ранне-средневековыми, а от них — еще на ступень глубже и т. д.

Еще на заре этногенетической археологии этот метод был применен О. Монтелиусом, попытавшимся показать, что культурное развитие Скандинавских стран от неолита до эпохи викингов не обнаруживает разрыва и, следовательно, древние германские племена жили на севере Европы еще в эпоху неолита⁵⁸.

После О. Монтелиуса ретроспективный метод стал основным во многих археологических исследованиях. В частности, им активно пользовался видный германский археолог Г. Коссинна. Идя ретроспективным путем, утверждал исследователь, можно проследить корни поздних археологических культур в более ранних и, таким образом, можно переносить названия известных исторических народов на далекие доисторические культуры. «Этот метод пользуется выводами по аналогии, так как они позволяют осветить древние, темные времена ретроспективно, идя от ясной современности или от тоже древних, но обладающих богатыми источниками эпох»⁵⁹.

В 30—50-х годах в археологии шли споры по поводу этого метода, особенно обострившиеся в связи с националистическими концепциями Г. Коссины. Основная его идея о полном соответствии всякой археологической культуры этносу подверглась в европейской литературе серьезной критике и не может быть в настоящее время принята безоговорочно. У некоторых археологов возникло скептическое отношение к возможности исследования этногенеза методами их науки. Однако археологическая практика показала, что ретроспективный метод в этногенетических построениях имеет первостепенное значение.

«Этническая интерпретация,— пишет К.-Г. Отто,— тесно связана с ретроспективным методом исследования. Правомерность для археологии освещать историю народов или племен и племенных групп таким путем ретроспективно — неоспорима. Очевидно, что сегодня нет больше никаких серьезных возражений против этого; это значило бы отрицать ис-

⁵⁸ *Montelius O.* Über die Einwanderung unserer Vorfater in den Norden.— *Archiv für Anthropologie*, Bd 17, 1888, S. 151—160.

⁵⁹ *Kossinna G.* Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, 1911, S. 3.

торическое развитие вообще или оспаривать участие археологии в реконструкции древнейшей истории»⁶⁰.

Изучая этническую историю, современная археология исходит из признания устойчивости этнографических признаков. С течением времени они могут трансформироваться и заменяться новыми, но в отражении археологии имеются не статические факты, а материалы, отражающие эпохальную изменчивость. В распоряжении археологии находятся не отрывочные разрозненные данные, а целый комплекс материалов, отражающих пространственные и временные изменения. Поэтому, исследуя этнографические особенности материальной и духовной культуры того или иного народа или племени, ретроспективным путем можно проследить историю того или иного этноса.

В археологической литературе изредка и сейчас проявляется скептическое отношение к ретроспективному методу⁶¹, что обусловлено трудностями, возникающими при этногенетических построениях. При этом встает прежде всего вопрос о соотношении археологической культуры и этноса. На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ⁶². Археологические культуры, охватывающие устойчивые, многократно повторяющиеся однотипные сочетания особенностей материальной и духовной культуры, связанные с определенным ареалом в течение более или менее длительного времени, очевидно, соответствуют этническим общностям. Такие специфические черты культуры, как жилище, одежда, обряды, обычаи, искусство, в общем или в частности, наряду с языком и антропологическим строением отличают этнические образования друг от друга во все времена их существования.

Необходимо учитывать, что при выделении некоторых археологических культур наряду с признаками этнографического порядка бывают использованы и особенности, обусловленные географической средой, или элементы, связанные с производственной деятельностью и социальным развитием. Поэтому не исключено, что отдельные археологические культуры, в частности те, которые выявлены не на основе комплекса признаков, а на базе единичных культурных элементов, могут и не соответствовать этническим общностям.

Однако это не основание для пессимистического отношения к этногенетическим построениям археологов. Но мере дальнейшего накопления фактического материала по той или иной археологической культуре, после выяснения ее происхождения и судеб ее носителей обычно проясняется и этническая сущность культурных общностей, выделенных по археологическим данным.

⁶⁰ *Otto K.-H.* Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkerschaften.— In: Ethnographisch-archäologische Forschungen, Bd I. Berlin, 1953, S. 2, 3.

⁶¹ *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований).— Народы Азии и Африки, 1967, № 1, с. 53—59.

⁶² *Брюсов А. Я.* Археологические культуры и этнические общности.— СА, XXVI, 1956, с. 5—27; *Третьяков П. Н.* Этногенетический процесс в археологии.— СА, 1962, № 4, с. 3—15; *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2, с. 18—36.

Так, близкие между собой археологические культуры I тысячелетия до н. э. Юго-Восточной Европы на основе ряда общих элементов были названы археологами скифскими. Согласно точке зрения, долгое время господствовавшей в историко-археологической литературе, на территории распространения всех скифских культур обитало ираноязычное население⁶³. В 40—50-х годах в советской археологической литературе распространилось мнение о нескифской принадлежности племен — носителей лесостепных скифских культур. Например, М. И. Артамонов в ряде статей утверждал, что в пределах распространения археологически сходных скифских культур паходились как скифские (собственно иранские), так и нескифские (в том числе и славянские) племена, воспринявшие скифскую культуру⁶⁴.

Повейшие изыскания в области топонимики показали, что иранские водные названия имеются не только в стеной части Скифии. Они довольно многочисленны в ее лесостепных регионах⁶⁵. Выявлены следы непосредственного контакта ираноязычного населения с балтами, занимавшими в период раннего железа обширные области Верхнего Поднепровья⁶⁶. Работами антропологов установлено, что черепа из скифских памятников Днепровского лесостепного правобережья тождественны черепам из других районов ареала скифских культур⁶⁷. Следовательно, мысль о принадлежности племен лесостепных скифских культур какому-то ираноязычному населению пришла в противоречие с очевидными фактами, и от нее пришлось отказаться⁶⁸. Впрочем, из описаний Геродота можно догадываться, что у всех скифских племен был один язык (иранский, как определено лингвистами).

Можно привести и другие примеры, подтверждающие на основе данных смежных наук положение о соответствии археологических культур этносам. Уже упоминалась работа Р. Хахманна, Г. Коссака и Х. Кюна, очень убедительно свидетельствующая о надежности этнических выводов на основе археологии.

Однако среди археологических культур имеются и полиэтничные. Это вполне объяснимо, ибо в древней истории человечества неоднократно имели место миграции и взаимопроникновения одной или нескольких этнических групп на территории других. Такие археологические культуры выделяются среди прочих прежде всего разнохарактерностью погребального обряда, разнотипностью домостроительства, разношерстностью прочих элементов культуры. Если моноэтничные археологические культуры формируются на основе одной или нескольких близкородствен-

⁶³ *Rostovzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 83—112.*

⁶⁴ *Артамонов М. И. Венеды, певры и будины в славянском этногенезе.— Вестник ЛГУ, 1946, № 2, с. 70—86; он же. Этногеография скифов.— Уч. зап. ЛГУ, 85, 1949, с. 129—171; он же. Этнический состав населения Скифии.— В кн.: Доклады VI Научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, с. 169—196.*

⁶⁵ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Трубачев О. Н. Название рек Правобережной Украины.*

⁶⁶ *Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье.— СА, 1965, № 4, с. 52—62.*

⁶⁷ *Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972, с. 3—27.*

⁶⁸ *Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. М., 1974.*

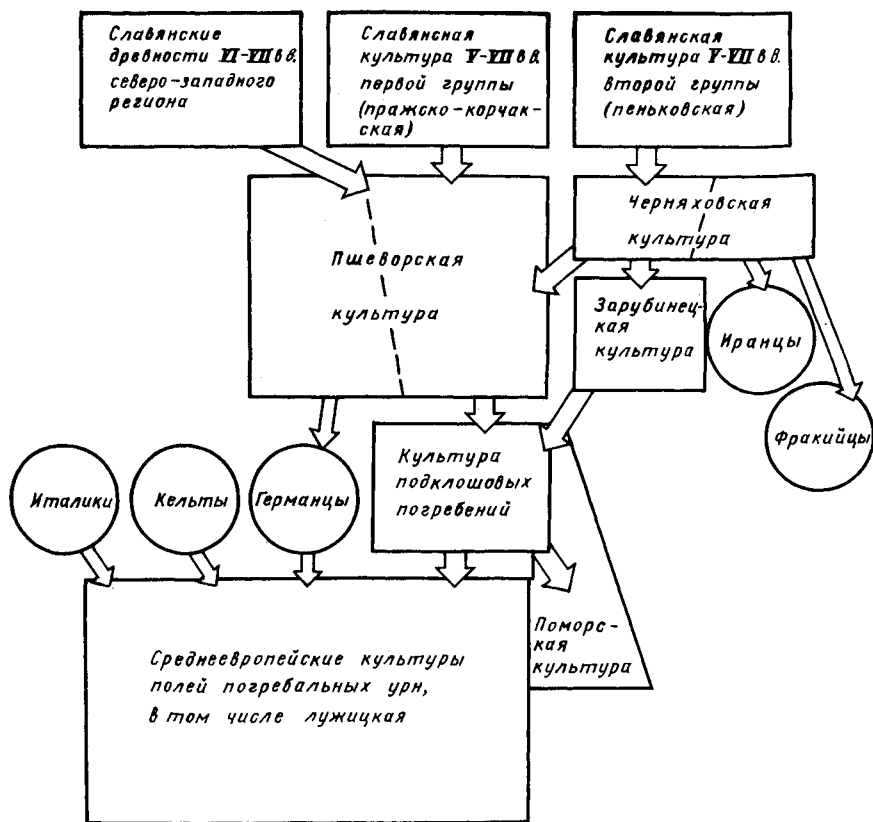

Рис. 4. Ретроспективная схема развития славянских древностей

ных культур и некоторая неоднородность, наблюдаемая в начальной их стадии, быстро нивелируется, то полиэтничные культуры складываются в результате взаимодействия нескольких неродственных культур.

Такова, в частности, черняховская культура, объединяющая в единое памятники с очень разнотипным домостроительством и многоликой лепной керамикой, могильники с разнохарактерными захоронениями. Очевидно, что в составе населения, оставившего черняховскую культуру, было несколько племенных групп.

Исследователи, пользуясь ретроспективным методом в изучении генезиса тех или иных этноязыковых групп и встречаясь с многоэтничными культурами, наталкиваются на целый ряд препятствий.

На заре славянской государственности и письменности славянские народы обладали довольно однородной культурой, распространение которой хорошо совпадает с границами расселения славян, устанавливаемыми по многочисленным письменным источникам. Спустившись на ступеньку ниже, обнаруживаем славянскую культуру VI—VII вв., по всем

показателям генетически связанную со славянскими древностями VIII—IX вв. А на следующей ступеньке цепочка обрывается — археологических культур первой половины I тысячелетия н. э., из которых можно было вывести славянские культуры VI—VII вв., не существует.

Славянским древностям третьей четверти I тысячелетия н. э. всюду территориально предшествуют или полизитичные археологические культуры, или культуры, явно неславянские. Очевидно, нужно допустить, что в римское время славяне территориально в значительной степени смешались с иноязычными племенами. Территориальная перемешанность и сильное воздействие провинциально-римской культуры способствовали некоторой культурной интеграции славян с соседним населением. Однако все этнографические элементы культуры славян не были сивелированы при этом. Полная аккумулярация является следствием ассимиляционного процесса. Славяне же, как свидетельствуют материалы второй половины I тысячелетия н. э., не подверглись ассимиляции в римское время, а вышли на историческую арену кренким этноязыковым массивом, вероятно, включившим в себя и некоторые неславянские племена.

Очевидно, что при таких обстоятельствах полной эволюционной преемственности между славянскими культурами VI—VII вв. и предшествующими им быть не может. По-видимому, первоочередная задача археологов, работающих над проблемой славянского этногенеза, состоит в выявлении и изучении тех этнографических черт археологических культур римского времени, которые могут рассматриваться как славянские. Они должны быть генетически связаны с важнейшими культурными элементами славян второй половины I тысячелетия н. э.

Посредством ретроспекции славянские этнографические элементы выявляются в погребальном обряде, домостроительстве и керамических материалах пшеворской и черняховской культур римского времени. Определив культурные особенности славян римского времени, можно спуститься еще на одну ступеньку, а затем еще ниже в глубь веков.

Настоящее исследование начальной истории славянства выполнено именно таким путем (рис. 4). Материалы археологии были препарированы ретроспективным методом от эпохи средневековья в глубь столетий. Таким образом построена длинная цепь существенных компонентов археологических культур, которые этнографичны для славянства в разные периоды его истории. Ретроспективный путь, заключающийся в переходе от известного к неизвестному и являющийся единственным удовлетворительным путем для археологического изучения этногенеза, плодотворен и перспективен в кабинетной работе, но неприемлем при изложении результатов исследования. Поэтому этногенез славян в этой книге изложен в исторической последовательности.

Все историко-археологические выводы и построения в работе обосновываются исключительно материалами археологии и не зависят от данных других наук. При изложении ранней истории славян эти выводы и наблюдения сопоставляются (как бы «оцениваются») с заключениями и наблюдениями, полученными как лингвистами на материалах языкознания, так и представителями других смежных наук.

Начало славян

Нижним звеном в цепи археологических культур, долженствующих ретроспективным путем продлить славянский этногенез в глубь веков, оказывается культура подклошовых погребений, распространенная в V—II вв. до н. э. в междуречье Вислы и Одера. Формируется она в результате взаимодействия двух культур — лужицкой и поморской, вызванного миграцией племен поморской культуры в восточные районы лужицкого ареала. Однако ни лужицкую, ни поморскую культуру невозможно отнести к славянам.

Лужицкая культура получила распространение в Центральной Европе (между верхней Эльбой и Вислой, включая северные области Среднего Подунавья) в последних столетиях II и в первой половине I тысячелетия до н. э. Ее приписывали германцам, кельтам, славянам, иллирийцам, фракийцам. Однако, поскольку позднейшие археологические культуры, достоверно принадлежащие этим индоевропейским группам, не обнаруживают прямой генетической преемственности с лужицкой, ее, естественно, нельзя связывать с какой-либо одной из названных этноязыковых группировок.

Лужицкие древности являются составной частью культур полей погребальных урн, характерных для Европы в конце бронзового и в самом начале железного века. На раннем этапе в ареале этих культур наблюдается еще довольно нестроя картина. Зато в начале I тысячелетия до н. э. ареальные различия нивелируются, и можно говорить о сложении и существовании в Европе единой культурной общности полей погребальных урн¹.

Эта культурная общность (рис. 5) лежит в основе культуры пракельтов (верхний Рейн), праиталиков (Приальпийский регион), иллирийцев (на юго-востоке), прагерманцев (древнейшая германская культура — ясторфская — сложилась на основе местных древностей эпохи бронзы при участии проникшей с юга культуры полей погребений), славян (восточный регион лужицкой культуры) и, по-видимому, некоторых других европейских этносов. Это позволило В. Киммигу отождествить культуру

¹ Piggott S. *Ancient Europe from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity*. Edinburgh, 1965, p. 145, 146, 168—174; Gimbutas M. *Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe*. Paris — The Hague — London, 1965, p. 296—355.

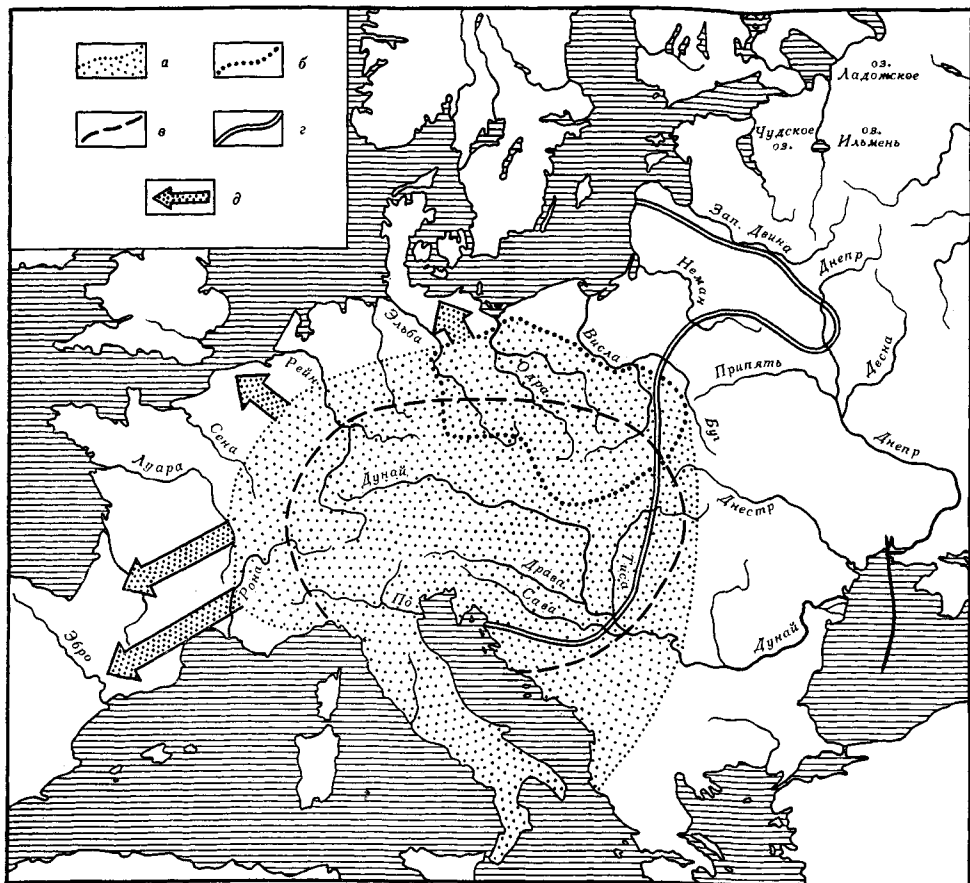

Рис. 5. Древнеевропейская общность

а — ареал культур полей погребальных урн на рубеже II и I тысячелетий до н. э. (по Э. Киммигу); б — лужицкая культура; в — центральноевропейский культурно-исторический ареал (по О. Н. Трубачеву); г — восточная граница распространения древнеевропейской гидронимии; д — направления расселения племен — носителей культуры полей погребальных урн

полей погребальных урн с древнеевропейской общностью, описанной Х. Крае².

Следовательно, лужицкую культуру нужно относить к одной из диалектных группировок древнеевропейского населения. В эту эпоху население Средней Европы еще говорило на близких между собой индоевропейских диалектах, из которых позднее сформировались италийский, кельтский, иллирийский, германский и славянский языки. Выделяемый

² Kimmig W. Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur. Ein archäologisch-historischer Versuch.— In: Studien aus Alteuropa, I. Köln, 1964, S. 220—283.

О. П. Трубачевым на основе анализа ремесленной терминологии центральноевропейский культурно-исторический регион, по всей вероятности, по времени и территориально соответствует культурной общности полей погребальных урн, а может быть, и более ранним древностям — культурам курганных погребений и унетичкой³.

Поморская культура на первом этапе (вельковейский этап, VII—VI вв. до н. э.) занимала сравнительно небольшую территорию Польского Поморья от нижней Вислы до Одера. Ее происхождение сложно и спорно. Сформировалась поморская культура, по-видимому, в основном в процессе эволюции культуры эпохи бронзы на Кашубской возвышенности.

В последние годы в польской литературе распространилось мнение о сложении поморской культуры на основе особой группы лужицкой культуры, получившей название восточнопоморской⁴. Действительно, в бассейнах рек Слупы и Лунавы, которые входят в ареал поморской культуры, известны намятники периода поздней бронзы, принадлежащие к лужицкой культуре. Однако этого явно недостаточно для утверждения об эволюции поморской культуры из лужицких древностей. Поморские и лужицкие древности, в особенности погребальный обряд и керамический материал, настолько различны между собой, что не может быть речи ни о развитии первых из вторых, ни об их происхождении от единого корня. По-видимому, лужицкие племена приняли какое-то участие в генезисе поморской культуры, а основу последней, очевидно, составили местные древности периода поздней бронзы.

Кроме того, в сложении поморской культуры какой-то долей участвовали и пришлые элементы. Если предметы из Скандинавии (бронзовые сосуды, браслеты с концами в виде трубочек и др.), выявляющиеся в кашубских памятниках поздней бронзы, можно считать продуктами обмена, то распространение домковых и лицевых урн в памятниках начала железного века уже отражает миграцию в области Польского Поморья иноплеменного населения.

Этническая принадлежность поморской культуры не установлена. Первоначально было высказано предположение о ее германской принадлежности. Оно основано на преувеличении роли пришлого компонента в сложении поморских древностей. Исходные положения этой концепции были сформулированы Г. Коссинной, который считал, что лицевые урны сначала получили распространение среди германского населения Скандинавии, а потом в результате переселения германцев — в поморских памятниках нижней Вислы.

Мысль о славянском этносе племен поморской культуры основана исключительно на предположении, что она эволюционирует из лужицкой, которую часть исследователей считает славянской. Но поскольку славянство лужицкой культуры доказать нельзя, а развитие поморской культуры из лужицкой представляется необоснованным, то предположе-

³ Некоторые археологи считают, что культуры унетичкая, курганная и полей погребений являются хронологическими этапами эволюции одного и того же центральноевропейского населения (*Gimbutas M. Bronze Age Cultures...*, p. 245—355).

⁴ *Kostrzewski J. Pradzieje Pomorza. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 70—89.*

ние о славянской принадлежности номорской культуры остается ничем не аргументированным.

Еще в 20—30-х годах XX в. польские археологи, сравнивая номорские древности с синхронной культурой восточнопрусских курганов, склонны были относить поморскую культуру к культурам балтов⁵. Действительно, сходство этих культур очевидно. Для номорской культуры и восточнопрусских курганов общи каменные ящики, устраиваемые для захоронений, многие типы глиняной посуды (круглодонные горшки и миски, грушевидные сосуды, усеченноконические миски и др.), некоторые типы украшений и орудия труда. Существенно и то, что номорская культура и культура восточнопрусских курганов имеют общую основу — единую культуру бронзового века⁶.

В последнее время мысль о балтской принадлежности поморской культуры получила некоторое лингвистическое обоснование — по всему ареалу поморской культуры VII—VI вв. выявлены следы балтской гидронимии⁷. Поэтому представляется очень вероятным, что посетители поморской культуры говорили на одном из окраинных диалектов балтского языка. По-видимому, балты одними из первых отделились от древнеевропейской общности. Об этом свидетельствует и то, что их ремесленная лексика вырабатывалась изолированно от центральноевропейского культурно-исторического региона⁸, и то, что, как показывает современная диалектология, балтской языковой общности в I тысячелетии до н. э. уже не существовало — балты разделились на западную, восточную и днепровскую группы⁹.

Несколько в сложении номорской культуры несомненно участвовали и лужицкие племена, вполне допустимо предположение, что носители поморской культуры на вельковейском этапе в языковом отношении принадлежали к промежуточному древнеевропейско-балтскому диалекту.

Начиная с 550 г. до н. э. носители поморской культуры постепенно расселялись в южном направлении. В течение двух столетий они заселили почти все Новисленье и восточные районы бассейна Одера, до этого занятые восточными группами лужицких племен. Миграции номорского населения на территорию племен лужицкой культуры предшествовали набеги скифов. Многие лужицкие городища при этом были разрушены или сожжены скифами. Пабеги скифов в некоторой степени ослабили

⁵ *Kostrzewski J.* Kultura przedhistoryczna województwa pomorskiego.— In: *Pamiętnik Instytutu Bałtyckiego*, 1. Toruń, 1929; *Waga T.* Pomorze w czasach przedhistorycznych. Toruń, 1934.

⁶ *Gimbutas M.* Bronze Age Cultures..., p. 389—452.

⁷ *Kilian L.* Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel.— *Altpreussen*, 1939, N 3; *Schall H.* Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel.— *Forschungen und Fortschritte*, Bd 36, 1962, S. 56—61; *idem.* Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens.— *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, Bd 79, H. 1-2, 1964, S. 123—170; *Топоров В. Н.* О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы.— *Slavica pragensia*, VIII, 1966, с. 255—263; *он же.* К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы.— In: *Baltistica*, 1(2). Vilnius, 1966, с. 103—111.

⁸ *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 392, 393.

⁹ *Мажюлис В.* Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964.

мощь лужицких племен, что облегчило продвижение с севера на лужицкие земли номорского населения. Пезанятами остались отдельные области лужицкой культуры в Силезии, верховьях Варты, Малой Польше и Любусской земле. Здесь лужицкая культура просуществовала до последних веков I тысячелетия до н. э.

Вторжение поморских племен в области лужицкого населения привело к его уничтожению или вытеснению. На первых порах поморские и лужицкие поселения и сопутствующие им могильники существовали на одной территории раздельно. Но скоро пришельцы смешиваются с местным населением, образуются совместные поселения и общие могильники. В таких могильниках число погребений в каменных ящиках или обставленных камнями, характерных для поморской культуры, постепенно уменьшается. Зато увеличивается количество захоронений в виде ям ссыпанными в них остатками погребального костра. Это — характерный позднелужицкий похоронный ритуал (население лужицкой культуры, как и номорской, сжигало умерших). Уменьшается количество коллективных захоронений, уступая место обычным для лужицкой культуры одиночным погребениям. В бассейне Вислы получает широкое распространение обычай накрывать остатки трупосожжений большим колоколовидным сосудом-клошом, перевернутым вверх дном.

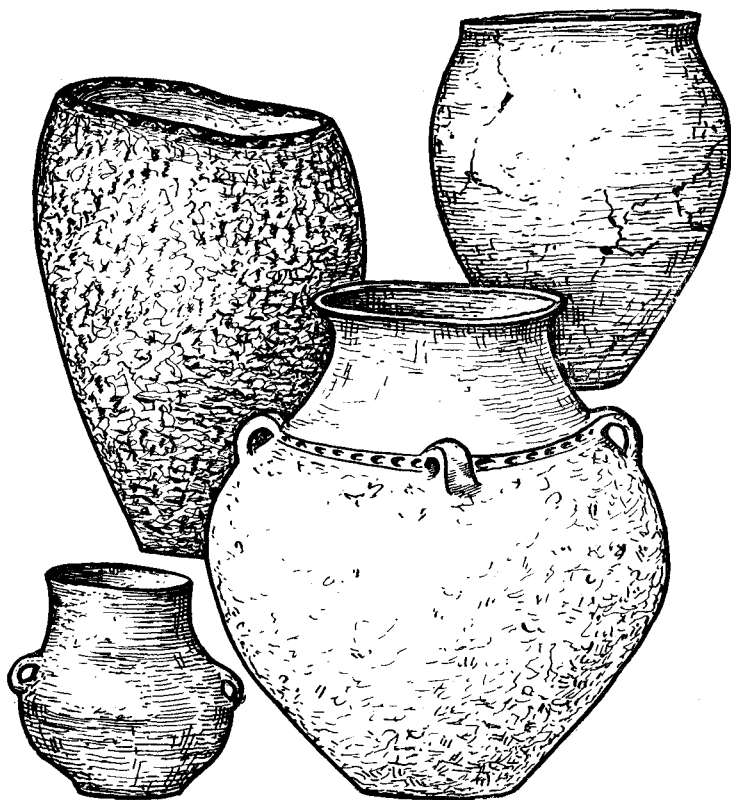
Таким образом, в районах лужицкой культуры, занятых поморскими племенами, наблюдается постепенное слияние культуры пришельцев с культурой местного населения. В результате в V—IV вв. до н. э. здесь формируется одна общая культура — культура подклошových погребений (рис. 6), получившая название по одному из распространенных в ее могильниках виду захоронений¹⁰.

Поселения этой культуры неукрепленные. Раскопки, проведенные на некоторых из них, показали, что жилищами служили полуземлянки и наземные дома столбовой конструкции. Обряд погребения — трупосожжение. Остатки кремации умерших помещали в глиняные сосуды-урны, а иногда ссыпали непосредственно на дно могильной ямы. Часто захоронения прикрывали сверху опрокинутым вверх дном клошом. В некоторых погребениях урны обсыпали остатками погребального костра. Остатки костра бывают и в безурновых захоронениях. Могильники, как правило, бескурганые. В погребениях, кроме урн, иногда находятся булавки, фибулы, кольца, глиняные сосуды и т. д.

Керамика культуры подклошových погребений частично продолжает поморские традиции (урны и клоши со специально ошершавленным, так называемым хроноватым туловом и гладким верхом, миски с ребристыми краями и ушками и слегка отогнутыми наружу венчиками, амфоровидные сосуды с «хроноватым» туловом, различные кувшины и кубки), частично развивается из лужицкой (клоши яйцевидных форм, округло-

¹⁰ Некоторые польские исследователи считают культуру подклошových погребений не отдельной культурой, а этапом или вариантом поморской (*Malinowski T. Obrządek pogrzebowy ludności kultury pomorskiej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969*). Однако различные ареалы этих культур, своеобразие в строении их погребальных сооружений и некоторые различия в вещевых инвентарях дают основание для выделения особой культуры подклошových погребений.

Рис. 6. Глиняные сосуды культуры подклошových погребений

бокие горшки с ушками, миски с загнутыми наружу краями, вышуклобокие амфоры, кубки, плоские круглые крышки). Такое же смешение наблюдается и в украшениях этой культуры. Так, среди булавок обычны и поморские с дисковидной головкой, и лужицкие со спиральной или свернутой в ушко головкой. Встречаемые на памятниках культуры подклошových погребений чертозские и раннелатенские фибулы характерны как для поморских, так и для лужицких древностей.

Культура подклошových погребений относится к 400—100 гг. до н. э. Территориально памятники ее охватывают бассейны средней и частично верхней Вислы и почти целиком бассейн Варги. В среднелатенское время могильники культуры подклошových погребений достигают среднего течения Одера на западе и Припятского Полесья и Волыни на востоке (рис. 7).

Можно полагать, что носители культуры подклошových погребений были самыми ранними славянами. Начиная с этого времени удается выявить элементы преемственности в развитии культуры вплоть до славянских древностей раннего средневековья. Анализ этих древностей

ретроспективным методом через посредство целого ряда археологических культур приводит именно к культуре подклошковых погребений (рис. 4). Предшествующие ей культуры, как показано выше, не могут быть причислены к собственно славянским.

Следовательно, судя по данным археологии, славяне как самостоятельная этноязыковая единица начали формироваться в середине I тысячелетия до н. э. в результате взаимодействия и метисации носителей восточной части лужицкой культуры (в языковом отношении древнеевропейские племена) с расселившимися на их территории племенами поморской культуры (говорившие на окраиннобалтском или на промежуточном древнеевропейско-балтском диалекте). По-видимому, племена поморской культуры и внесли в славянский язык какую-то часть особенностей, которые объединяют его с балтским. Наоборот, ремесленная и земледельческая лексика славян, находящая параллели в италийских, кельтских и германских языках, является наследием древнеевропейского диалекта.

По времени культура подклошковых погребений соответствует первому этапу развития праславянского языка (по Ф. П. Филину). Это период, когда славянский язык только что начал самостоятельное развитие, постепенно вырабатывая собственную структуру и свою лексику.

Среди лингвистических материалов нет таких, которые бы противоречили предлагаемому историко-археологическим построениям. Ареал культуры подклошковых погребений полностью покрывает область великопольских говоров, в которых, как говорилось выше, праславянские фонетические особенности проявляются наиболее последовательно. Древнейший славянский регион, или славянская прародина, судя по лексическим материалам, находился в стороне от моря, в лесной равнинной зоне с болотами и озерами, но, как следует из общеславянских названий рыб — лосося и угря, в пределах рек, впадающих в Балтийское море. Области культуры подклошковых погребений полностью соответствуют этим географическим признакам.

На северо-востоке носители культуры подклошковых погребений вплотную соприкасались с западнобалтскими племенами. В результате соседских отношений в балтской культуре восточнопрусских курганов распространяются некоторые типы глиняной посуды, характерные для Повисленья, и наоборот, в области культуры подклошковых погребений появляются керамика и отдельные вещи из ареала восточнопрусских курганов. Некоторые металлические предметы (массивные шейные гривны, браслеты, топоры и др.) общи как для культуры подклошковых погребений, так и для культуры восточнопрусских курганов. Следовательно, нужно полагать, что в IV—II вв. до н. э. славяне находились в тесных контактах с западными балтами.

Северо-западными соседями славян в это время были германские племена — носители ясторфской культуры — наиболее ранней достоверно германской культуры на Европейском континенте⁴¹. Славяно-герман-

⁴¹ Schwantes G. Die Jastorf-Zivilisation.— In: Reinecke Festschrift zum 75 Geburtstag. Mainz, 1950; Germanen — Slawen — Deutsche. Forschungen in ihrer Ethnogenese. Berlin, 1969.

ские лексические взаимопроизношения древнейшей поры, датируемые В. В. Мартыновым I тысячелетием до н. э., относятся ко времени соседства культуры подклошовых погребений с ясторфской. Культурное взаимодействие было не таким тесным, как между культурой подклошовых погребений и западнобалтскими древностями. Зато отчетливо выступают следы тесного контакта между ясторфской и западнобалтскими культурами. Все это как будто соответствует выводам сравнительно-исторического языкознания о древнейших славяно-балтских, славяно-германских и балто-германских отношениях.

Около 400 г. до н. э. начинается движение кельтов в Центральную Европу. Постепенно кельтские племена занимают Верхнее и Среднее Подунавье, пропикают в Адриатику и, двигаясь вдоль Карпат, достигают Черного моря¹². В III—II вв. до н. э. кельты расселяются в Силезии и Малой Польше¹³ и, очевидно, приходят в соприкосновение со славянами — носителями культуры подклошовых погребений. Таким образом, юго-западными соседями ранних славян некоторое время были кельты. Как отмечалось выше, следы славяно-кельтских языковых контактов выявляются, но полностью оценить их из-за исчезновения восточнокельтских языков не представляется возможным.

Имеются некоторые косвенные свидетельства археологии, говорящие о непосредственных и тесных контактах славян с кельтами в древности. Так, языческий храм славян VII—VIII вв., остатки которого были выявлены и изучены раскопками в Грос Радене в Шверинском округе ГДР, по внешнему облику и деталям оказался очень похожим на культовые постройки кельтов. В этой связи И. Херрманн полагает, что распространенные в раннем средневековье среди северо-западных славянских племен языческие храмовые постройки (они известны по описаниям современников) своим происхождением уходят в глубокую древность и обусловлены культурными контактами части славян с кельтским миром, очевидно, где-то в нынешних южнопольских землях¹⁴.

На юге ближайшими соседями славян были фракийские племена. Однако их, по-видимому, разделяли Карпатские горы, и поэтому о тесных славяно-фракийских взаимоотношениях говорить не приходится.

В латенское время отдельные могильники культуры подклошовых погребений появляются восточнее верхнего течения Буга. Славяне, видимо, пришли в соприкосновение с ираноязычным населением Северного Причерноморья. Предположение о более ранних славяно-иранских культурных контактах не имеет каких-либо оснований.

¹² Filip J. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956.

¹³ Woźniak Z. Celtowie w Polsce. Kraków, 1968.

¹⁴ Schuldt E. Der altslawische Tempel von Groß Raden. Schwerin, 1976; Herrmann J. Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters.— Slovenská archeológia, 1978, N 1, S. 19—27.

Славяне

в позднелатенскую и римскую эпоху

Пшеворская культура

В конце II в. до н. э. на территории, занятой культурой подклошовых погребений, складывается пшеворская культура, просуществовавшая до начала V в. н. э. Название свое она получила по первому большому исследованному могильнику близ г. Пшеворска на юго-востоке Польши.

Границы распространения пшеворской культуры в процессе ее эволюции не оставались неизменными (рис. 8). Пшеворские памятники позднелатенского времени известны кроме территории, прежде принадлежавшей культуре подклошовых погребений, в более западных регионах — на среднем Одере и в низовьях Варты, на средней Эльбе и ее притоках Мульде и Заале. В римский период в бассейне Эльбы и в низовьях Варты пшеворских древностей уже нет, зато происходит движение пшеворских племен далеко на юго-восток. Теперь ареал пшеворской культуры охватывает на юго-востоке Верхнее Поднестровье и верхнюю часть бассейна Тисы¹.

Поселения пшеворской культуры, как и в предшествующее время, неукрепленные и характеризуют обычную картину жизни и быта земледельческого населения. В районах с плодородными почвами плотность пшеворских поселений значительна, здесь они часто находятся в непосредственной близости друг от друга. Обычно для поселений выбирались прибрежные возвышения, иногда труднодоступные места — например, среди заболоченных низин.

Основным типом жилищ пшеворских поселений были наземные дома столбовой конструкции. Форма их главным образом прямоугольная, иногда встречаются и трапециевидные в плане постройки. Средняя площадь жилищ равна 30—35 кв. м. Более крупные постройки очень редки. Например, на поселении Вулька Ласецкая исследована наземная постройка столбовой конструкции длиной 16,2 м при ширине 8,5 м. В большинстве случаев дома состояли из одной камеры, зафиксировано несколько двухкамерных построек. Отмечены многочисленные случаи присоединения к основным постройкам небольших пристроек легкой столбовой конструкции. Некоторые дома имели еще сени или навес.

¹ *Dąbrowska T.* Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim.— In: *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*, II. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973, s. 127—253; *Tejral J.* K interpretaci severovýchodních prvků v hmotné kultuře Moravské oblasti na sklonku starší doby římské.— *Památky archeologické*, 1970, N 1, s. 184—215.

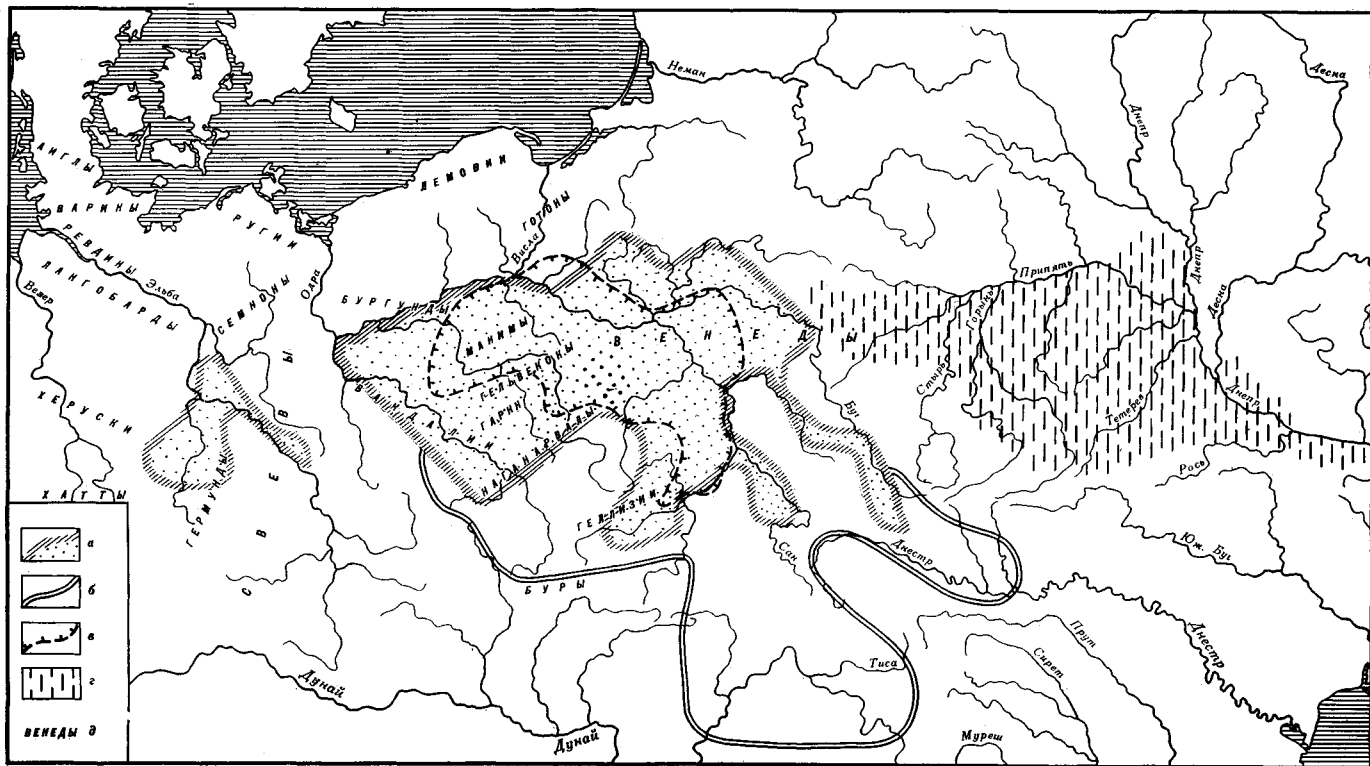

Рис. 8. Славяне на рубеже нашей эры

а — ареал шеворской культуры на рубеже нашей эры; б — граница распространения шеворской культуры в римское время; в — культура подклошковых погребений; г — зарубицкая культура; д — локализация племен, названных в древних письменных памятниках

В большинстве домов обнаружены остатки каменных или глинобитных очагов. Возможно, в отдельных жилищах вместо открытых очагов имелись печи, сложенные из камней и глины.

На некоторых поселениях кроме остатков жилищ были обнаружены и следы небольших наземных сооружений хозяйственного назначения. На всех пшеворских поселениях, помимо того, около домов обычно находят различные ямы-погребя.

По всему ареалу пшеворской культуры вместе с наземными жилищами встречаются полуземлянки. Обычно они имеют прямоугольную форму, площадь 12—18 кв. м. Скорее всего полуземлянки, более теплые, чем наземные постройки, служили зимними жилищами, а наземные дома использовались в остальное время года. В пользу этого как будто бы говорят случаи расположения полуземлянок в непосредственной близости от наземных построек. Так, на поселении Турнава в Опольском повяте полуземлянки группируются с наземными домами². На некоторых пшеворских поселениях раскопками открыты преимущественно углубленные постройки. Отчасти это может быть обусловлено трудностями обнаружения наземных построек и легкостью их разрушения. Но, не исключено, что имелось поселения, где полуземлянки были господствующим типом жилых построек.

Населения пшеворской культуры на территории Силезии состояли из отдельных, образованных одной-двумя жилыми и несколькими хозяйственными постройками групп, разделенных участками, на которых отсутствуют следы строений³. На других поселениях можно предполагать куцевую застройку⁴.

Могильники пшеворской культуры бескурганые⁵. В редких случаях места погребений обозначены камнями. Состоят могильники из нескольких десятков, часто — сотен захоронений. В конце II—I в. до н. э. господствовал обряд кремации умерших. Остатки трупосожжений обычно сыпали непосредственно в могильную яму. Это — продолжение традиции погребального ритуала населения культуры подклошых погребений. Однако теперь остатки трупосожжений, как правило, не накрывали опрокинутыми вверх дном глиняными сосудами. Иногда встречаются и урновые захоронения, но число их среди погребений, относящихся к позднелатенскому времени, невелико.

В I—IV вв. н. э. в пшеворских могильниках заметно увеличивается количество урновых захоронений. В III—IV вв. н. э. появляются и получают некоторое распространение так называемые послонные, или пластовые, захоронения, в которых остатки кремации разбросаны в виде

² *Godłowski K.* Budownictwo, rozplanowanie i wielkość osad kultury przeworskiej na Górnym Śląsku.— WA, XXXIV, 3-4, 1969, s. 306—316.

³ *Godłowski K.* Budownictwo, rozplanowanie i wielkość..., s. 305—328.

⁴ См., например: *Przewoźna K.* Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Słopanowie, pow. Szamotuły.— *Fontes archaeologici Posnanienses*, V, 1953, s. 63—97.

⁵ Погребальный ритуал этой культуры обстоятельно исследован в работе Г. Ф. Никитиной «Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э.» (В кн.: Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э. М., 1974, с. 55—90).

тонкой прослойки по всему дну неглубокой ямы, а иногда и прямо на поверхности. Если в раннее время пережженные кости покойников в могильных ямах лежали вместе с остатками погребального костра, то в позднеримское время появляются погребения, в которых кальцинированные кости умерших тщательно очищены от остатков погребального костра.

В ямных, т. е. безурновых, погребениях часто встречаются обломки глиняных сосудов, ритуально разбитых в момент захоронения. Большинство таких погребений — безынвентарные, в сравнительно немногих из них найдены железные ножи, шилья, пряжки.

В урновых захоронениях, кроме урн, иногда имеются сосуды-приставки. Возможно, их ставили в захоронения с ритуальной пищей. В погребениях встречено довольно много различных бытовых предметов, украшений, оружия. В ряде случаев они повреждены огнем, а предметы вооружения нередко поломаны или согнуты согласно ритуалу.

В некоторых могильниках пшеворской культуры обнаружены единичные захоронения по обряду труположения. Скелеты лежат в овальных или неправильной формы ямах, изредка — в деревянных колодах. Положение и ориентировка умерших различны.

На территорию распространения пшеворской культуры, кроме того, заходят так называемые княжеские погребения. Часто это курганные погребения по обряду труположения. Они совершены в обширных прямоугольных ямах, обложенных камнем или деревянными стенками и перекрытых сверху настилом из бревен. Эти погребения выделяются богатством инвентаря, включающего римские импортные изделия.

Вполне очевидно, что труположения, как рядовые, так и «княжеские», в пшеворской культуре составляют инородный элемент. В польской литературе уже давно укоренилось мнение, что единичные труположения в пшеворской культуре появились в результате воздействия кельтских племен, погребальный обряд которых характеризуется исключительно ингумацией умерших⁶. Г. Ф. Никитина указала на два серьезных аргумента, мешающих согласиться с этой точкой зрения. Во-первых, для кельтских погребений характерны вытянутые на спине труположения, а в пшеворских намятниках захоронения скорченные, причем часто умершие погребены на боку, что вообще неизвестно в кельтских древностях. Во-вторых, пшеворские и кельтские труположения серьезно отличаются по ориентировке — для кельтских погребений характерна северная ориентировка, а среди пшеворских преобладает южная⁷.

Все же возможность появления части труположений в пшеворских могильниках под влиянием кельтской похоронной обрядности не исключена. Более приемлемой, однако, представляется гипотеза о распространении обряда труположений в пшеворском ареале, в Южной Прибалтике и Скандинавии в результате рассредоточенной инфильтрации ски-

⁶ *Kostrzewski J.* Groby szkieletowe późnolateńskie w Wielkopolsce.— *Sprawozdania Polskiej Akademii nauk*, 41, 1936, s. 180—183; *Woźniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce.— *Archeologia Polski*, XV, 1, 1970, s. 181.

⁷ *Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений..., с. 68—71.

фо-сарматского населения из областей Северного Причерноморья. В пользу этого говорят и сходство деталей (устройство могильных ям, сооружение деревянных камер, положение костяков и пр.) погребальных сооружений так называемых княжеских погребений со скифскими, и свидетельства античных авторов о сарматах на южном побережье Балтийского моря, и отдельные соответствия скандинавской и иранской мифологии⁸.

Как и в погребальном обряде, в керамике пшеворских памятников прослеживается преемственность с керамкой культуры подклошových погребений. На первых порах ленная глиняная посуда пшеворской культуры мало отлична от керамики культуры подклошových захоронений. Это яйцевидные горшки с двумя ушками наверху, миски с загнутыми наружу краем, чаши с ушком и др. Поверхность сосудов лощеная или сглаженная, есть сосуды с «хрповатым» туловом. В то же время в пшеворских памятниках появляются, по-видимому под кельтским влиянием, кувшинообразные сосуды так называемой обратногогрушевидной формы, а также вазовидные сосуды с характерным граненым венчиком.

В самом начале нашей эры пшеворская керамика эволюционирует — сосуды становятся более тонкостенными, исчезают некоторые их формы, зато распространяются ленные чернолощенные горшки и высокие вазообразные миски, нередко украшенные геометрическим или меандровым орнаментом. В развитии пшеворской глиняной посуды безусловно сказывается латенское воздействие.

Начиная с III в. н. э. на памятниках пшеворской культуры появляются сосуды, изготовленные на гончарном круге. Это главным образом горшки, кувшины, миски с ручками с серой заглаженной или шершавой поверхностью. С распространением гончарной керамики происходит огрубение форм и выделки лепных сосудов. На смену нарядным, часто чернолощенным сосудам приходят грубые выпуклобокие горшки с нелощеной, иногда «хрповатой» поверхностью.

Коллекция металлических орудий труда, оружия и бытовых предметов из памятников пшеворской культуры многочисленны и весьма разнообразны. Среди них в раннее время наряду с изделиями, развившимися из местных форм предшествующего времени, появляются новые типы, возникшие в результате кельтского культурного воздействия. Таковы предметы вооружения и воинского снаряжения — двулезвийные мечи латенского типа, листовидные наконечники копий, железные ножны,

Металлические детали одежды представлены фибулами, поясными скренами и пряжками. Распространенные в культуре подклошových погребений булавки почти полностью вытесняются фибулами. Весьма ходовые в раннее время фибулы с ножкой, отогнутой наружу и соединенной со спинкой (лучковой, прямоугольной или трапециевидной), возникли под латенским влиянием. Поясные пряжки отчасти наследуют формы предшествующего времени, отчасти проникают с северо-запада, из германских областей. В пшеворских погребениях, относящихся к римскому

⁸ Седов В. В. Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и Южной Балтики. — В кн.: Тезисы докладов Шестой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. 1. Таллин, 1973, с. 109.

времени, встречаются стеклянные бусы и немногочисленные нагрудные привески.

Среди орудий труда и предметов быта имеются железные ножи, пружинные ножницы, бритвы, шилья, топоры. В раннеримское время на пшеворских памятниках встречаются ключи, замки и костяные гребни.

С начала нашей эры ощущаются связи населения пшеворской культуры с Римской империей. На пшеворских памятниках I—IV вв. н. э. встречаются дорогие серебряные, бронзовые и стеклянные сосуды, *terra sigillata*, некоторые орудия труда и предметы вооружения, привезенные из метрополии Римской империи или ее провинций. В то же время в ареале пшеворской культуры появляются римские монеты, клады которых сосредоточены в основном вдоль так называемого янтарного пути, проходящего от Балтийского моря к Дунайской низменности по Варте и Одеру.

Основу хозяйственной жизни пшеворских племен составляло земледелие. На пшеворских поселениях обнаружены железные сошники, свидетельствующие о совершенствовании сельскохозяйственных орудий труда. Судя по обугленным зернам, найденным при раскопках, возделывали пшеницу, рожь, ячмень, просо, овес, гречиху, горох и коноплю.

В состав стада пшеворских поселений входили коровы, лошади, свиньи, овцы и козы.

В римское время у пшеворских племен наряду с домашними ремеслами существовали особые центры по производству железа и изготовлению металлических изделий и глиняной посуды. В окрестностях Кракова (Иголомья, Тропишов, Зофишоль) исследовано более сотни гончарных горнов. Гончарные сосуды, изготовленные в этих центрах, поступали во многие районы пшеворского ареала. Известно и несколько специализированных центров, выплавляющих железо из местных руд для целой округи (Свентокшиские горы, Новая Гута, Тархалице и др.).

Имеются все основания полагать, что в своей основе пшеворская культура развилась из предшествующей ей культуры подклошковых погребений. Большинство элементов погребальной обрядности пшеворской культуры продолжает традиции, свойственные похоронному ритуалу культуры подклошковых захоронений (табл. 2). Различия между ними (широкое распространение безурновых захоронений в пшеворской культуре, увеличение процента погребений с остатками погребального костра, явление ритуала разбивания глиняных сосудов при похоронах и т. п.) могут быть объяснены эволюцией похоронной обрядности. Что же касается различий между пшеворскими древностями и древностями предшествующего времени, наблюдаемых в материальной культуре, то они в значительной степени обусловлены явным воздействием на племена Повисленья и Висло-Одерского междуречья латенской и провинциально-римской культур.

Вместе с тем пшеворская культура характеризуется и такими существенными элементами, которые не могут быть результатом эволюции местной погребальной обрядности. К их числу принадлежит обычай класть в могилы предметы вооружения — мечи, копья, дротики, умбоны щитов. Этот ритуал не был известен ни в культуре подклошковых погре-

Таблица 2. Генетические связи культур подклошových погребений и пшеворской

Особенности, свойственные только культуре подклошových погребений	Элементы, общие для культур подклошových погребений и пшеворской	Новые элементы пшеворской культуры
Обычай накрывать захоронения большим ссудом-клошом, опрокинутым вверх дном	<p>Селища с наземными домами столбовой конструкции и полуземлянки</p> <p>Хозяйственная деятельность</p> <p>Бескурганые могильники с индивидуальными захоронениями по обряду трупосожжения на стороне</p> <p>Обычай ссыпать сожженные кости с остатками погребального костра непосредственно в могильную яму</p> <p>Слабопрофилированные горшки с паибольшим расширением в верхней трети</p> <p>Яйцевидные сосуды с двумя ушками</p> <p>Миски с загнутым наружу краем</p> <p>Чашн с ушками</p> <p>Сосуды с ошершавленной («хрповатой») поверхностью</p> <p>Поясные пряжки</p>	<p>Обычай разбивать сосуды при захоронениях</p> <p>Обычай класть оружие в могилы</p> <p>Обычай вбивать оружие или колющие орудия в захоронение</p> <p>Ритуал помещения костей птиц в могилы</p> <p>Некоторые орнаментальные мотивы</p> <p>Кувшины</p> <p>Еззообразные сосуды</p> <p>Фибулы</p> <p>Типы предметов вооружения</p> <p>Единичные труположения</p>
		<p>Участие в формировании культуры наряду с племенами культуры подклошových погребений инородного населения</p> <p>Кельтско-латекское культурное воздействие</p>

бений, ни в лужицких могильниках. Зато он широко представлен в более западных культурах германских племен.

В пшеворской культуре известен также новый для ее ареала обычай вбивать оружие или орудия труда в захоронения. Для этого использовались чаще всего копья, реже — ножи, ножницы или мечи. Этот ритуал, по-видимому, порожден был поверием, согласно которому умерший может выйти из состояния неподвижности и причинить вред живым. Колющими и режущими предметами пробивали останки умерших, помещенные в урны или ямы, чтобы лишить покойника возможности покинуть могилу.

Этот ритуал был распространен у германских племен. В латекское время обычай вбивать оружие или орудия труда в могилы неоднократно отмечен в могильниках ясторфской культуры. В Скандинавии этот обычай бытовал и в средневековый период, вплоть до распространения христианства.

Новая существенная деталь пшеворских погребений — находки в могилах костей птиц, а в редких случаях — костей медведя и домашних животных. Они отражают обычай сопровождать захоронения заупокойной нищей или ритуалы иного смысла. Появление птичьих костей в погребениях безусловно связано с религиозными представлениями древних племен и не может быть результатом культурных контактов с соседями.

Эта деталь погребальной обрядности пшеворского населения опять-таки имеет параллели в могильных памятниках германских племен. На Готланде кости птиц встречаются в погребениях латенского периода, а в Скандинавии — в могильниках римского времени и позднее, в средневековье.

Эти особенности похоронной обрядности пшеворской культуры не были известны населению культуры подклошковых погребений. С другой стороны, они исчезают в Висло-Одерском междуречье вместе с пшеворскими поселениями и могильниками, не имея какого-либо продолжения в дальнейшем. Следовательно, перечисленные особенности пшеворской обрядности являются инородными элементами для исследуемого ареала.

К числу инородных элементов нужно отнести и некоторые орнаментальные мотивы пшеворской керамики. Ю. Костшевский отметил, что орнаменты на пшеворской керамике, нанесенные зубчатыми колесиками, но своим видам и символике имеют прямые аналоги в синхронных германских древностях более западных областей⁹. Известно, что орнаментация в большей степени, чем другие элементы культуры, связана с этносом.

Все это позволяет допустить, что в момент сложения пшеворской культуры в ареале культуры подклошковых погребений имела место инфильтрация иноэтничного населения. Была ли она значительной или ничтожной, одновременной или продолжительной, — пока сказать трудно. Зато ясно, что осуществлялась эта инфильтрация с запада или северо-запада, из области расселения германских племен, и следовательно, пришлым этническим компонентом в составе племен — носителей пшеворской культуры, очевидно, были германцы.

О том, что в ареале пшеворской культуры наряду с венедами-славянами жили и германские племена, говорят и письменные источники. Выше (см. раздел «Древние авторы о славянах») речь шла исключительно о венедах, записавших в первые века нашей эры какую-то часть территории между Балтийским морем и Карпатами. Но из сочинений античных авторов видно, что в том же ареале жили и восточногерманские племена.

Плиний подразделяет германцев на пять групп, из которых одну составляли восточногерманские племена вандалов (вандалов). На этом основании некоторые исследователи называют восточногерманские племена вандалскими. По Плинию в эту группу входили бургундионы, варины, харины и гутоны¹⁰.

⁹ *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit, I. Leipzig — Würzburg, 1919, S. 197—204.

¹⁰ *Plinius Secundus C.* Naturalis historia, IV. Leipzig, 1895, p. 96—99.

Большой достоверностью отличаются сведения о расселении германских племен Тацита — автора сочинения «О происхождении германцев и местоположении Германии» (98 г. н. э.)¹¹. Хотя сам Тацит и не бывал в Германии, он располагал широкой информацией, почерпнутой из не дошедших до нас сочинений более ранних авторов, а также из донесений римских полководцев и рассказов римских легионеров и купцов, побывавших за Рейном.

Тацит называет следующие восточногерманские племена: вандилии, яугии, ругии, бургундионы, лемовии, готоны, манимы, гельвеконы, гарнии, наганарвалы, гелизии. На востоке он упоминает еще пеукинов (бастарнов), но не знает, следует ли их причислять к германцам.

К середине II в. н. э. относятся сведения о германских племенах греческого географа Птолемея, а исторические события III—V вв. н. э. нашли отражение в сочинениях многих современников¹².

На основе данных различных авторов в I—II вв. н. э. готоны (готы) отчетливо локализируются в нижнем течении Вислы (там же жили геицы — первоначально одно из готских племен), лемовии и ругии (ульмеругии Птолемея) — по побережью Балтийского моря, на запад от Вислы (рис. 8). Бургунды (бургундионы) помещены Птолемеем, по-видимому, в бассейне Варты, в ближайшем соседстве с западными (прнэльбскими) германцами. К северу от Кариат, между Одером и Вислой, обитали германские племена гарнии, гелизии, гельвеконы, манимы и наганарвалы, входившие в состав племенного объединения лугиев. По среднему течению Одера жили вандилии (вандалы). Со II в. н. э. они стали постепенно продвигаться на юг. Согласно Диону Кассию, вандалы-силинги и вандалы-хаздинги занимали верхнюю часть бассейна Одера. «Готский (т. е. восточногерманский по современной терминологии.— В. С.) диалект занимает, таким образом,— писал Ф. Энгельс,— довольно компактную территорию между Вандальскими (Исполиновыми) горами, Одером и Балтийским морем до Вислы и за этой рекой»¹³.

Этническая интерпретация пшеворской культуры в археологической литературе имеет два основных направления. Большинство польских ученых называют эту культуру венецкой, поскольку она находится на той же территории и относится к тому же времени, что и упоминаемые античными авторами венецы-славяне. Другим аргументом в пользу славянской принадлежности пшеворской культуры для польских археологов служит непрерывное, якобы, культурное развитие в пшеворском ареале до периода, когда здесь живут документированные раннесредневековыми источниками славяне. Заметные отличия культуры славян раннего средневековья от пшеворской, по мнению этих исследователей, обусловлены хозяйственными и социальными сдвигами¹⁴.

¹¹ *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах, т. I. Л., 1969, с. 353—373. Тацит говорит о германцах и в других своих исторических сочинениях.

¹² Древние германцы. Сборник документов. М., 1937.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 484.

¹⁴ *Kostrzewski J.* Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich. Poznań, 1961; *idem.* Zur Frage der Siedlungsetetigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II Jahrtausends v. u. Z. bis zum frühen Mittelalter. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

Напротив, многие немецкие ученые рассматривали пшеворскую культуру как германскую. Большинство исследователей при этом просто ссылались на свидетельства античных авторов о расселении германских племен в ареале пшеворской культуры. Однако имеются и попытки археологического обоснования этой точки зрения. Так, было обращено внимание на близость части пшеворской керамики Силезии к глиняной посуде области Вендсиссель на севере Ютландского полуострова. Обнаружилось и некоторое сходство в погребальной обрядности тех же территорий. На этом основании была построена теория, что германское племя вандалов (название местности Вендсиссель будто бы связано с этим этнонимом) до рубежа II—I вв. до н. э. жило на северной окраине Ютландии, а потом переселилось в междуречье Одера и Вислы, создав здесь пшеворскую культуру¹⁵.

Основной ошибкой этих исследователей является невнимание к местным элементам в развитии пшеворской культуры. Например, погребения по обряду труносожжения в грунтовых ямах без урн имеют в пшеворском ареале глубокие местные традиции, а не привнесены из Ютландии. Сходство же в керамике германских племен северной Ютландии и носителей пшеворской культуры Силезии, как отметил датский археолог О. Клиндт-Иенсен, могло быть обусловлено независимым развитием форм глиняной посуды, заимствованных из одного и того же источника — кельтской культуры¹⁶.

В археологической литературе предпринимались попытки связать регионы пшеворской культуры с отдельными германскими племенами. Так, юго-западный регион пшеворского ареала обычно приписывали синлингам — одному из вандальских племен. Недавно Р. Хахманн на основе показаний античных авторов высказал предположение, что готы в I—II вв. п. э. жили не в плавьях Вислы, как обычно считается в литературе, а южнее, в среднем течении этой реки. Исследователь связал с готами мазовецкую локальную группу пшеворской культуры¹⁷. Гипотеза Р. Хахманна встречает непреодолимые препятствия — мазовецкая группа пшеворской культуры сформировалась на основе эволюции культуры подклошковых погребений, а последнюю, как и поморскую культуру, ни в коем случае невозможно считать германской.

Отвергая как недостаточно обоснованные попытки приписать пшеворскую культуру целиком германцам, все же нельзя не признавать наличия в этой культуре германских черт и отрицать свидетельства письменных источников о расселении восточногерманских племен в части пшеворского ареала. Очевидно, нужно полагать, что на территории распространения пшеворской культуры наряду с венедами-славянами жило и германское население. Видимо, пшеворская культура объединила в себе элементы, связанные с различными этническими общностями. Эти элементы

---

¹⁵ *Pescheck Chr.* Die frühwandalische Kultur in Mittelslesien. Leipzig, 1939; *Jahn M.* Die Wandalen.— In: *Vorgeschichte der deutschen Stämme*, III. Berlin, 1940, S. 946—951.

¹⁶ *Klindt-Jensen O.* Denmark. London, 1962, p. 99, 100.

¹⁷ *Haehmann R.* Die Goten und Skandinaviern. Berlin, 1970.

были в значительной степени сnivelированы воздействием латенской и провинциально-римской культур. Их нивелировке способствовало значительное территориальное смешение славянских и германских племен и неизбежная при этом метисация.

Вопрос о дифференциации пшеворских древностей на венедские (славянские) и германские находится в самой начальной стадии изучения. Высказываемое в научной литературе предположение о принадлежности славянам-вепедам восточных районов территории пшеворской культуры и о германском этносе посетителей этой культуры в ее западной части пока остается не аргументированным¹⁸.

Материальная культура племен, обитавших в пределах пшеворского региона, в целом была однородной. Очевидно, что пшеворское население пользовалась одинаковыми орудиями труда, предметами вооружения и бытовым инвентарем. Эти вещи, являясь продуктом ремесленного производства, не могут быть использованы для этнической характеристики носителей пшеворской культуры. Среди женских украшений пшеворских племен не было этноопределяющих. Население несмотря на этническую неоднородность пользовалось, видимо, однообразными украшениями и металлическими принадлежностями одежды, которые также не могут быть использованы для этнической дифференциации пшеворского населения.

Не исключено, что в дальнейшем, когда будут в достаточном числе и по всему региону пшеворской культуры исследованы поселения, удастся выявить ее этнические компоненты по особенностям домостроительства. Но пока единственным источником для этой цели остаются могильники. Для этнической дифференциации весьма существенны мельчайшие детали погребальной обрядности. К сожалению, в распоряжении исследователей имеются лишь сведения по единичным могильникам, раскопанным в основном в последние десятилетия. Эти данные пока недостаточны для анализа этнической структуры пшеворских племен.

Пшеворские погребения прежде всего подразделяются на урновые и ямные (безурновые). Такое сочетание свойственно целому ряду археологических культур, в том числе и таким, моноэтничность которых не подлежит сомнению. Однако в последних вещевые материалы и керамика урновых и безурновых захоронений обычно не отличаются друг от друга: и те и другие более или менее равномерно рассредоточены по ареалам этих культур. Анализ же пшеворских урновых и ямных могил обнаруживает некоторые различия в их вещевых инвентарях и их неравномерное географическое распределение.

Так, сразу же обращают на себя внимание количественные различия сопровождающих вещей урновых и ямных погребений. Если урновые содержат, как правило, самые различные предметы (оружие, бытовые вещи, украшения, принадлежности одежды, глиняные сосуды), то ямные обычно вообще безинвентарны или сопровождаются немногочисленными,

---

¹⁸ Jankuhn H. Germanen und Slawen.— In: Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie, Bd I. Berlin, 1970, S. 55—74.

порой единичными изделиями. Различаются они и по составу вещевого материала.

Результаты сравнительного анализа урновых и ямных захоронений пшеворской культуры приведены в таблицах 3 и 4, в которые включены материалы шести наиболее исследованных могильников — Вымыслово Гостыньского повята¹⁹, Домарадзице Равичского повята²⁰, Карчевец Венгровского повята²¹, Конин одноименного повята²², Млодзиково Сродского повята²³ и Хорула Кrapковицкого повята²⁴.

Из таблиц 3 и 4 видно, что урновые захоронения характеризуются специфическими особенностями, почти не свойственными ямным погребениям. К числу таковых принадлежит обычай класть в могилу предметы вооружения. В рассматриваемых шести могильниках около трети урновых захоронений содержат оружие — копья, мечи, дротики, стрелы, умбоны (сюда же можно отнести и находки шпор, поскольку они в пшеворское время были принадлежностью воина-всадника), в то время как ямные погребения с оружием единичны. К тому же следует заметить, что ямные могилы, как правило, содержат единичные предметы вооружения — одно копьё, или обломки умбопа, или шпоры, тогда как в урновых погребениях эти вещи часто встречаются комплексно — два копья, умбон, две шпоры.

Довольно характерны для урновых погребений также ножницы, кресала, замки и ключи. В ямных захоронениях многих пшеворских могильников, а также в могильниках, где господствуют безурновые погребения, эти вещи почти не встречаются.

Выделяются урновые захоронения по наличию сосудов-приставок. Свыше трети урновых погребений отмеченных шести могильников (табл. 3, 4) содержат по одному или несколько глиняных сосудов, поставленных, видимо, с ритуальными целями.

Обычай сопровождать умершего заупокойной пищей, отраженный в находках костей птиц, оказывается характерным также для урновых захоронений. Так, в могильнике Хорула из 28 погребений с находками птичьих костей 26 были урновыми. Интересно, что в десяти из них найдены копья, в семи — умбоны, в четырех — шпоры, в шести — ножницы, в пяти — кресала, в стольких же — замки, в четырех — ключи. Очевидно, ритуал, отраженный находками в погребениях костей птиц, характерен прежде всего для урновых захоронений с предметами вооружения и другими типичными для них вещами.

¹⁹ *Jasnosz S.* Cmentarzysko z okresu późno-lateńskiego i rzymskiego w Wymysłowie, pow. Gostyń. — In: *Fontes praehistorici Posnanienses*, II, 1952, s. 1—284.

²⁰ *Kostrzewski B.* Cmentarzysko z okresu późno-lateńskiego i rzymskiego w Domaradzicach, pow. Rawicz. — In: *Fontes archaeologici Posnanienses*, IV, 1954, s. 143—274.

²¹ *Dąbrowska T.* Cmentarzysko kultury przeworskiej w Karczewcu, pow. Węgrów. — In: *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*, II. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973, s. 383—531.

²² *Kostrzewski B.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie (woj. Poznańskie). — *Przegląd archeologiczny*, VII, 2, 1947, s. 192—294.

²³ *Dymaczewski A.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Młodzikowie, pow. Sroda. — In: *Fontes archaeologici Posnanienses*, VIII—IX, 1958, s. 179—442.

²⁴ *Szydlowski J.* Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Choruli, pow. Krapkowie. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964.

Таблица 3. Различия урновых и ямных погребений пшеворских могильников по вещевому инвентарю (количественно)

Типы погребений	Могильники	Вещевые предметы												Общее количество раскопанных могил
		Безымятные	С сосудами-приставками	С мечами	С копьями	С дротиками и стрелами	С умбонами	Со шпорами	С ножницами	С кресалами	С ключами	С замками	С костями птиц	
Урновые	Вымыслово	8	35	2	15	1	4	3	6	4	9	7	0	81
	Домарадзице	1	12	3	9	0	7	4	6	2	5	6	0	30
	Карчевец	2	6	0	2	1	1	0	0	0	0	0	0	11
	Конин	9	12	0	7	2	4	1	0	0	5	4	0	49
	Млодзиково	9	56	3	26	2	8	6	9	13	19	22	0	106
	Хорула	6	9	0	38	8	24	14	28	20	14	14	26	100
	Итого:	35	130	8	97	14	48	28	49	39	52	53	26	377
Ямные	Вымыслово	100	4	0	5	0	4	2	3	1	0	0	0	204
	Домарадзице	66	0	0	5	1	2	1	1	0	2	2	0	127
	Карчевец	88	4	1	8	0	0	2	0	0	0	0	0	161
	Конин	9	0	0	3	0	0	0	0	0	1	3	0	37
	Млодзиково	60	9	0	3	0	4	4	0	6	3	6	0	163
	Хорула	15	0	0	4	1	2	2	0	2	0	4	2	42
	Итого:	338	17	1	28	2	12	11	4	9	6	15	2	734

Различие урновых и ямных захоронений в шести пшеворских могильниках наглядно иллюстрирует график (рис. 9).

Аналогичное различие урновых и безурновых погребений выявляется и при анализе других могильников пшеворской культуры. В могильниках, состоящих целиком из ямных захоронений, предметы вооружения, ножницы, кресала, ключи, замки и глиняные сосуды-приставки обычно не встречаются или попадают как редкое исключение. Так, в могильнике римского времени в Грудзичах, где все исследованные захоронения были безурновыми, такие предметы не обнаружены вовсе²⁵. Предметы, характерные для урновых погребений, иногда отсутствуют и в могильниках, в которых ямные захоронения составляют свыше 90% (например, могильник Щитно, где на 40 исследованных погребений приходится 38 безурновых)²⁶.

Выявляемое различие урновых и ямных захоронений пшеворской культуры могло бы быть объяснено какими-либо иными, неэтнографиче-

²⁵ Godowski K. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Grudziecach w pow. Opolskim.— Przegląd archeologiczny, XVI, 1964, s. 154—162.

²⁶ Miśkiewicz J. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w miejscowości Szczytno pow. Wołowiek.— In: Materiały starożytne, V. Warszawa, 1959, s. 259—289.

Таблица 4. Различия урновых и ямных погребений пшеворских могильников по вещевому инвентарю (в %)

Типы погребений	Могильники	Безыпечные	С сосунами-приставками	С оружием	С ножницами	С кресалами	С замками и ключами	С костяными иглами
Урновые	Вымыслово	9,9	40,7	24,7	7,4	4,9	13,6	—
	Домарадзице	3,3	40,0	36,7	20,0	6,7	16,7	—
	Карчевец	18,2	54,5	18,2	—	—	—	—
	Кониш	18,4	24,5	16,3	—	—	16,3	—
	Млодзиково	8,5	52,4	27,4	5,7	8,5	26,4	—
	Хорула	6,0	9,0	47,0	28,0	20,0	16,0	26,0
	Итого:	9,3	34,5	30,5	13,0	10,3	18,0	6,9
Ямные	Вымыслово	49,0	2,0	4,4	1,5	0,5	0	—
	Домарадзице	52,0	0	6,3	0,8	0	2,4	—
	Карчевец	54,2	2,5	5,0	—	—	—	—
	Кониш	24,3	0	8,1	—	—	8,1	—
	Млодзиково	36,8	5,5	6,1	2,4	0	6,8	—
	Хорула	35,7	0	14,3	0	4,8	9,5	4,8
	Итого:	46,0	2,3	6,1	0,5	1,2	2,6	0,3

ческими обстоятельствами, если бы не анализ лепной керамики. Изготовленная без помощи гончарного круга глиняная посуда имеет перво-степенное значение для этнической дифференциации пшеворской культуры.

Корреляция определенных форм глиняной посуды с урновыми и ямными захоронениями непосредственно не может быть установлена, так как ямные погребения, как правило, не содержат целых сосудов. Фрагменты же керамики, сопутствующие как урновым, так и ямным погребениям и отражающие определенный ритуал погребальной обрядности, не могут быть использованы для этих целей. Поэтому типы лепной посуды здесь рассматриваются в связи с присутствием или отсутствием предметов вооружения, ножниц, ключей и замков, т. е. вещей, характерных для урновых погребений.

Таблица, составленная по материалам пшеворского могильника Спицымеж²⁷ и проверенная по данным других кладбищ (рис. 10), определенно показывает, что захоронениям с предметами вооружения и другими вещами, характерными для урновых погребений, свойственны в

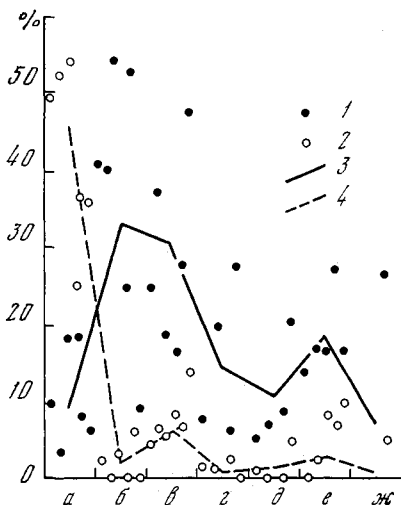
²⁷ Kietlińska A., Dąbrowska T. Śmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w wsi Spiczymierz, pow. Turek.— In: Materiały starożytne, IX. Wrocław — Warszawa — Kraków. 1963, s. 143—254.

основном сосудах трех типов. Это, во-первых, округлобкие горшки с наибольшим расширением посредине высоты и примерно равными по диаметру дном и горлом; во-вторых, биконические горшки, с наибольшим диаметром также в средней части и равными по диаметру горлом и дном; в-третьих, миски с ребристым профилем, поддоном и ушками.

Наоборот, для захоронений, не сопровождаемых оружием и другими предметами, свойственными урновым могилам, характерны иные формы лентных сосудов. Это, во-первых, сравнительно высокие горшки с наибольшим расширением в верхней трети их высоты, с усеченноконическим туловом и слабопрофилированным венчиком. Сразу же можно отметить,

Рис. 9. График распределения урновых и ямных погребений шести могильников пшеворской культуры (Вымыслово, Домарадзице, Карчеец, Конин, Млодзиково, Хорула)

- 1 — урновые могилы;
- 2 — ямные могилы;
- 3 — средняя урновых погребений;
- 4 — средняя ямных захоронений;
- а — безы Inventарные погребения;
- б — могилы с сосудами-приставками;
- в — могилы с оружием;
- г — могилы с ножицами;
- д — могилы с кресалами;
- е — могилы с замками и ключами;
- ж — могилы с костями птиц

что по форме и пропорциям такие сосуды очень сходны со славянскими горшками VI—VII вв., получившими название керамики пражского типа. Во-вторых, это невысокие, относительно широкие сосуды, опять-таки с наибольшим расширением в верхней трети, усеченноконическим туловом и почти цилиндрическим верхом. Они также напоминают славянские горшки более позднего времени.

В пшеворских могильниках и на поселениях горшки, близкие к сосудам пражского типа, встречаются нередко. Они бытовали в течение всего периода существования этой культуры. Аналогичные по форме сосуды очень характерны для культуры подклошвых погребений. Очевидно, рассматриваемая пшеворская керамика продолжает традиции глиняной посуды культуры подклошвых захоронений. С другой стороны, из этой пшеворской посуды развилась славянская керамика пражского типа, о чем пойдет речь ниже.

На основе анализа лентной керамики можно уверенно говорить об этнографическом своеобразии пшеворских погребений с оружием. Поскольку эти погребения обычно бывают урновыми, нужно полагать, что выявленное выше различие между урновыми и ямными захоронениями отражает бизитичность пшеворского населения.

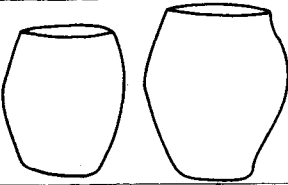
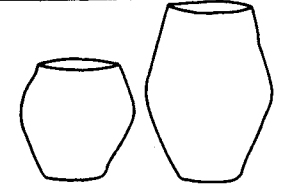

Количество погребений	В том числе с оружием (% от общего)	Типы сосудов	
13	8 61,5%		
12	7 58,3%		
19	13 68,4%		
25	2 8%		
33	5 15,1%		

Рис. 10. Типы лепной керамики могильника Стыцьеж и их встречаемость в могилах с оружием

Возникающие по этому поводу сомнения снимает картография урновых и ямных захоронений пшеворской культуры. Картирование погребений этих типов выявляет в пшеворском ареале два региона (рис. 11): восточный, или Висленский (рис. 12), в котором господствуют могильники с заметным преобладанием ямных захоронений, и западный, или Одерский (рис. 13), где большинство составляют могильники преимущественно с урновыми захоронениями. Вполне понятно, что какое-то число могильников с преобладанием ямных захоронений есть и на среднем Одере и, наоборот, могильники с урновыми погребениями попадают в Повисленье. Очевидно, жесткой границы между намечаемыми этнографическими группами внутри пшеворской территории не могло быть.

Правомерность выделения двух этнографических регионов в пшеворской культуре подкрепляют следующие наблюдения. Свыше 95% могил с находками птичьих костей, отражающих важный для этнографии ритуал, принадлежат Одерскому региону. В этом же регионе паходится свыше 80% погребений, в которых отмечен ритуал вбивания

в дно могильной ямы или в содержимое погребальной яры оружия или орудий труда. Почти все пшеворские захоронения с камнем над погребением расположены в пределах западного региона.

Члепение территории пшеворской культуры на западный и восточный регионы подтверждается картографией ряда вещевых паходок. Так, основная масса широких железных фибул с цилиндрическими головками, имеющих аналогии в германских древностях, происходит из западного региона²⁸. Преимущественно с этим регионом связаны и находки бронзовых изделий, происходящих из Нижнего Повисленья²⁹. Только в

²⁸ Tejral J. K interpretaci severovýchodních prvků..., s. 201, obr. 6.

²⁹ Tejral J. K interpretaci severovýchodních prvků..., s. 204, obr. 7.

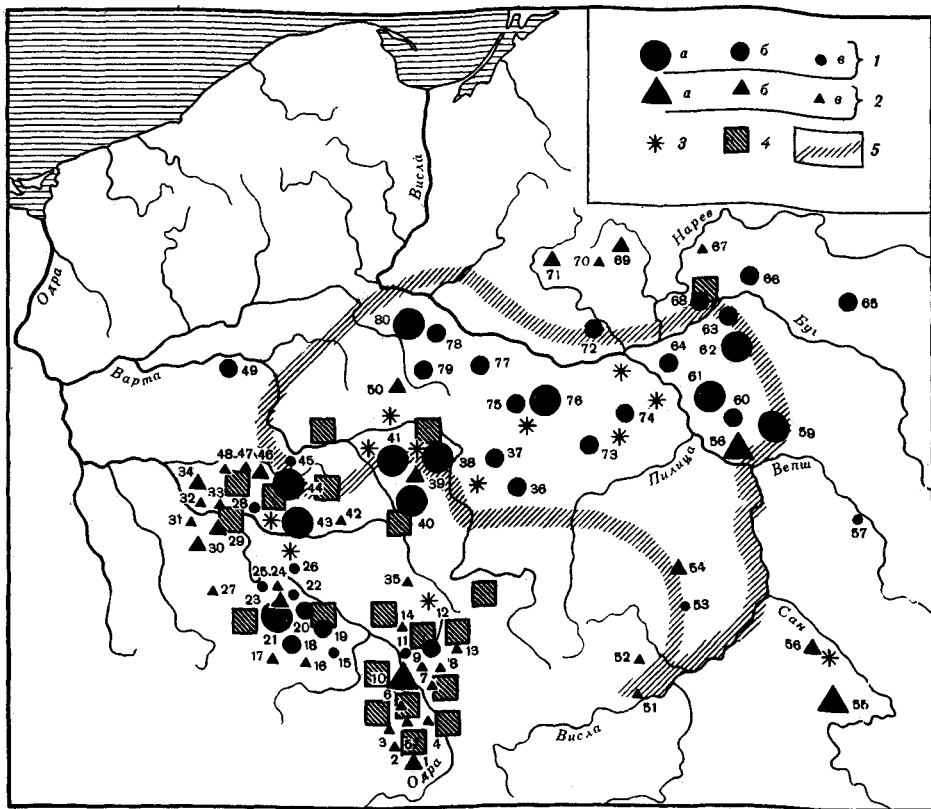

Рис. 11. Два региона пшеворской культуры

1 — могильники с преобладанием (более 60%) ямных захоронений: а — исследовано свыше 50 погребений; б — исследовано от 10 до 50 погребений, в — исследовано до 10 погребений (могильники с единичными раскопанными погребениями не картированы); 2 — могильники с преобладанием (более 60%) урновых захоронений (значения а, б, в — те же); 3 — могильники, в которых найдены урны — прототипы первой группы славянской керамики VI—VII вв.; 4 — могильники с находками костей птиц в захоронениях; 5 — ареал культуры подклошковых погребений

1 — Кетж; 2 — Нова Церква; 3 — Лисицице; 4 — Реньска Весь; 5 — Грудына Мала; 6 — Глубцице; 7 — Гоголин-Стжебниув; 8 — Калиновице; 9 — Стжебниув; 10 — Хорула; 11 — Грудзице; 12 — Пабццо; 13 — Шумишув; 14 — Шчедзык; 15 — Гродзешовице; 16 — Клокочице; 17 — Иордапов Шленски; 18 — Яксонув; 19 — Собоциско; 20 — Жерники Вельки; 21 — Нова Весь Вроцлавска; 22 — Казанув (Вроцлав); 23 — Опорув (Вроцлав); 24 — Страховице; 25 — Любянж; 26 — Кобыляце; 27 — Нова Весь Легница; 28 — Вансош; 29 — Носоцице; 30 — Данковице; 31 — Глогув; 32 — Вогамице; 33 — Сербы; 34 — Котла; 35 — Цецежин; 36 — Залев; 37 — Лежницы Вельки; 38 — Спиццемеж; 39 — Жезав; 40 — Задовице; 41 — Весульки; 42 — Коможно; 43 — Домарадзице; 44 — Вымыслово; 45 — Пышанц; 46 — Нацлав; 47 — Чаньча; 48 — Кокочин; 49 — Слопаново; 50 — Лахмировице; 51 — Гняздовице; 52 — Кавчице; 53 — Пестжеп; 54 — Страховице; 55 — Гаць; 56 — Копки; 57 — Ящув; 58 — Масув; 59 — Ключев; 60 — Неценлин; 61 — Осецк; 62 — Карчевец; 63 — Стара Бесь; 64 — Кавенчин; 65 — Гриневиче; 66 — Брулино-Коски; 67 — Ростки; 68 — Тухля; 69 — Пястув; 70 — Славогура; 71 — Ксензы Двур; 72 — Дроздово; 73 — Домарадзи; 74 — Гродзяск Мазовецкий; 75 — Здуны; 76 — Белавы-Лубы; 77 — Щитно; 78 — Адольфи; 79 — Пиотркув; 80 — Бодзаново

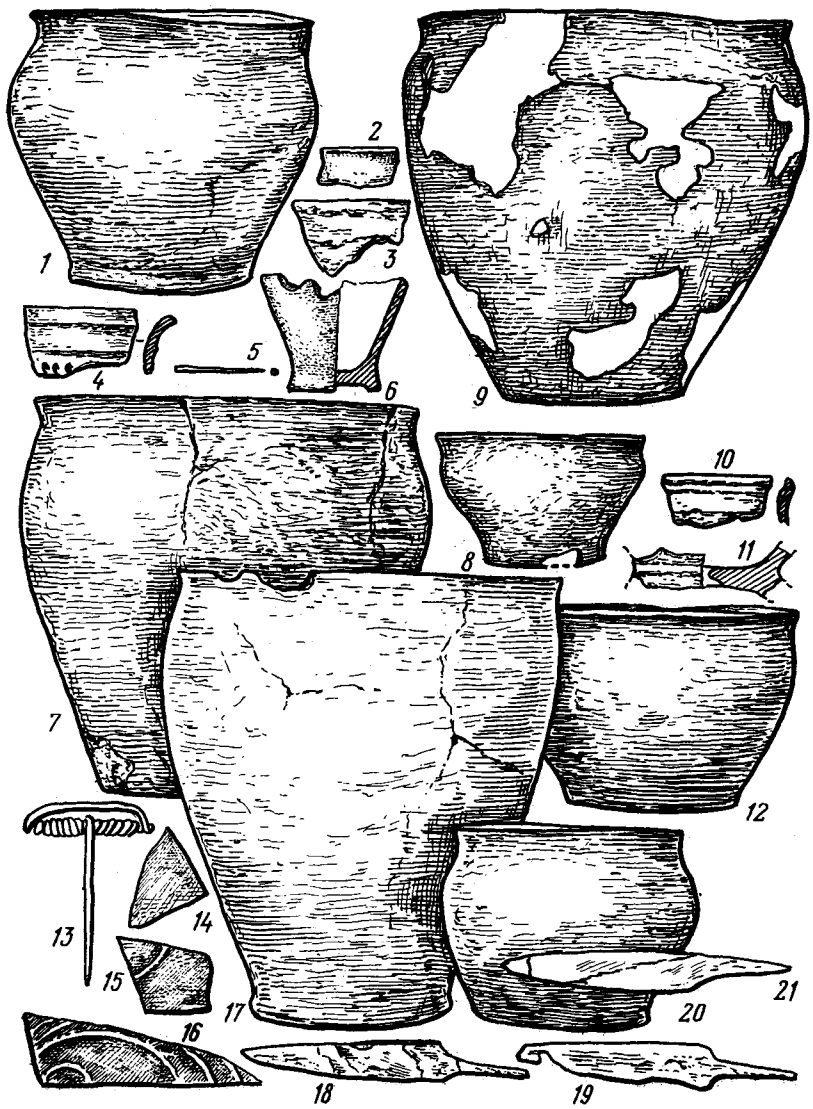

Рис. 12. Могильник Спицымеж. Предметы из погребений, характерных для восточного региона пшеворской культуры

1 — погребение 115; 2—8 — погребение 138; 9—11 — погребение 129; 12 — погребение 190; 13—19 — погребение 175; 20, 21 — погребение 191

западном регионе встречены специфически германские привески (Kapfelanhänger)³⁰.

Восточный регион пшеворской культуры характеризуется широким распространением лепной керамики, близкой по форме славянским сосудам пражского типа. Здесь эта керамика обычна не только в могильниках, но сравнительно часто и на поселениях.

Существенно и то, что восточный регион пшеворской культуры целиком находится в пределах территории распространения культуры подклошковых погребений и, очевидно, сформировался на основе последней. Наоборот, западный регион пшеворской культуры лежит главным образом за пределами культуры подклошковых погребений, видимо, его сложение происходило в иных условиях. Отмеченные выше особенности Одерского региона — ритуал вбивания в дно могильной ямы острых или колющих предметов, ритуал, связанный с находками костей птиц в захоронениях, и др. — никак не связаны с обрядностью культуры подклошковых погребений.

Со славянской культурой раннего средневековья эволюционно связываются пшеворские древности Висленского региона. Преемственность устанавливается как по формам лепной керамики, так и по погребальной обрядности. Еще Л. Нидерле показал, что славянские захоронения средневековья, в отличие от погребений соседних племен — балтских, финно-угорских и др., безынвентарны или сопровождаются единичными вещами, поврежденными на погребальном костре. Предметы вооружения, орудия труда, глиняные сосуды-приставки не свойственны славянским захоронениям. Именно таковы и многие пшеворские погребения восточного региона.

Ряд особенностей западного региона пшеворской культуры обнаруживает параллели в достоверно германских древностях, что наряду со свидетельствами письменных источников позволяет говорить о принадлежности значительной части пшеворского населения бассейна Одера восточным германцам.

В связи с предлагаемой дифференциацией пшеворской культуры необходимо сделать одну оговорку. Выявляемые различия урновых и ямных погребений и их неравномерное распределение по территории не дают оснований рассматривать присутствие или отсутствие урны в захоронениях в качестве этноопределяющего признака. Ни в коем случае нельзя все урновые захоронения считать германскими, а безурновые — славянскими.

Безусловно, что среди ямных захоронений пшеворских могильников немало неславянских и, наоборот, какая-то часть урновых могил оставлена славянами. К тому же совместное и длительное проживание двух этнических групп на одной территории вело к метисации населения. В пшеворском ареале славяне и германцы жили не изолированно друг от друга. Очевидно, здесь имелись и общие славяно-германские поселения, следствием чего было двуязычие в отдельных местах. В результате

³⁰ Kleemann O. Zwei ostgermanische Kapfelanhängen aus Glogau und die Verbreitung der Kapfelanhänger.— In: Altschlesien, Bd 8. Breslau, 1939, S. 76—85, Abb. 10.

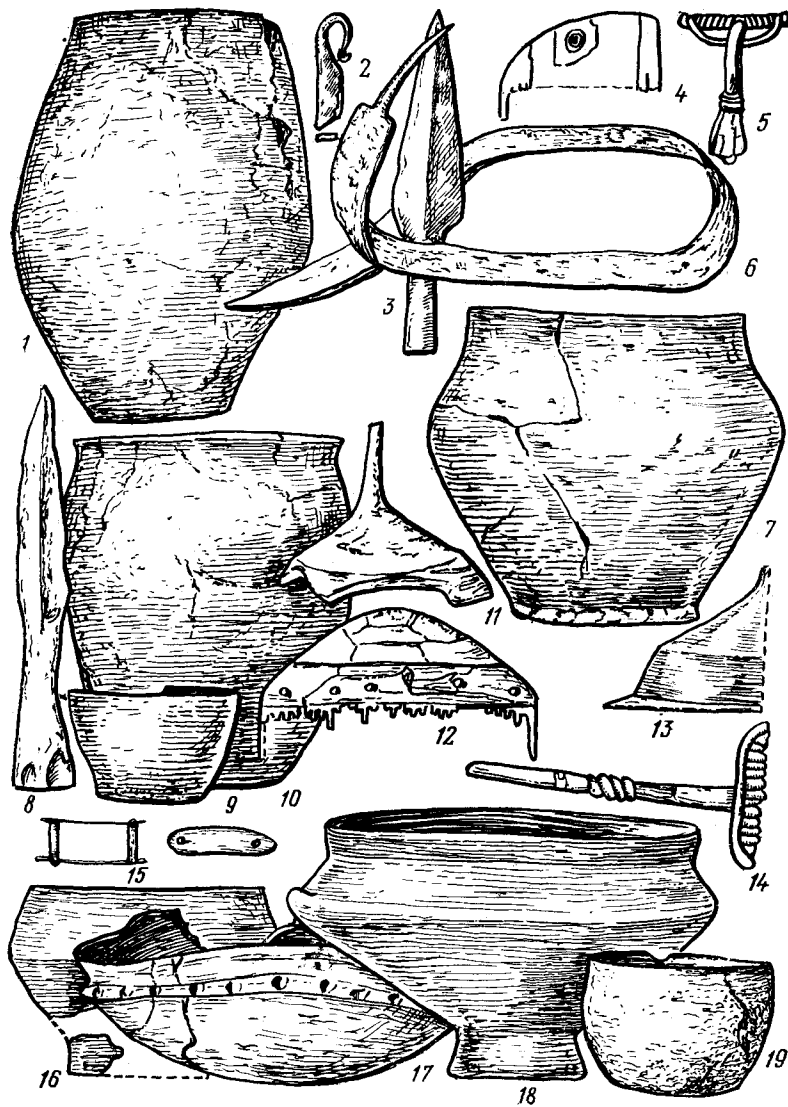

Рис. 13. Могильник Спицымеж. Предметы из погребений, характерных для западного региона пшеворской культуры

1—3 — погребение 38; 4—7 — погребение 50; 8—12 — погребение 79; 13—19 — погребение 107; 20—25 — погребение 223; 26—29 — погребение 224; 30—32 — погребение 226; 33—43 — погребение 274

брачных связей этнографические признаки нивелировались. Археология пока еще не может выявить детали процесса взаимодействия двух этнических групп в течение многих поколений. В этих условиях было бы нецелесообразно определять этническую принадлежность каждого индивидуального пшеворского погребения. Дифференциация пшеворских древностей позволяет говорить лишь о наличии в этой культуре двух этнических компонентов и о различной их концентрации в Висленском и Одерском регионах.

Хронологически пшеворская культура соответствует среднему этапу развития праславянского языка (по периодизации Ф. П. Филина). Как уже отмечалось, этот этап характеризуется серьезными фонетическими изменениями и эволюцией в грамматике языка славян, что, по всей видимости, явилось результатом тесного взаимодействия славян с другим этносом.

Лексические материалы свидетельствуют, что именно в это время (судя по фонетическим особенностям) славянский язык пополнился значительным числом германских терминов. Таковы, в частности, *kъnъzь* 'князь', *chlěbъ* 'печеный хлеб', *котъль* 'котел'; *bl'udo* 'блюдо'; *kupiti* 'купить', *chlěvъ* 'хлев', *šelmъ* 'шлем', *хълмъ* 'холм', *хрса* 'разбой', *dъlgъ* 'долг', *meъ* 'меч', *osъlъ* 'осел' и многие другие³¹. Таким образом, языкознание позволяет утверждать, что наиболее тесными в то время были славяно-германские связи³².

Независимо от лингвистики археология привела нас к тем же, но более конкретным историческим выводам.

Зарубинецкая культура

Трудно сказать, как далеко на восток от Повисленья простиралась славянская территория в период позднего латена. Не исключено, что она достигала Среднего Поднепровья. Рядом с пшеворским ареалом в Припятском Полесье и в прилегающих к нему среднеднепровских землях в конце II в. до н. э. формируется зарубинецкая культура (рис. 8), по-видимому, имеющая непосредственное отношение к славянскому этногенезу.

Сводное исследование по зарубинецким древностям выполнено Ю. В. Кухаренко³³. На основе строгого анализа материалов исследователю удалось очертить область расселения собственно зарубинецких племен и датировать их памятники временем от конца II в. до н. э. до начала II в. н. э. Зарубинецкие древности Киевского Поднепровья позднее были проанализированы Е. В. Максимовым³⁴.

Поселения зарубинецкой культуры принадлежат к числу неукрепленных. Некоторые из них располагались на труднодоступных возвышенностях, другие — в открытых, низких местах. Материалов, чтобы судить о размерах и планировке селищ, пока очень мало. По-видимому, распространенным типом жилища были небольшие наземные дома (от 4×4 до 4×6 м) столбовой конструкции с открытыми очагами. Для поселений среднеднепровского региона характерны слегка углубленные в землю

³¹ *Kiparski V.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934; *Бернштейн С. В.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 95—99; *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 104, 137.

³² Г. Шевелов утверждает, что результатом контакта славян с германцами было не только проникновение в славянский язык германской лексики, но и фонологическое воздействие на славянский язык (*Shevelov G.* A Prehistory of Slavic. N. Y., 1965, p. 617—619).

³³ *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, вып. Д1-19, 1964.

³⁴ *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.

жилые постройки с очагом или печью в центре. В Полесье встречаются также небольшие четырехугольные полуземлянки с глинобитными очагами.

Могильники зарубинецкой культуры бескурганпы. Захоронения устраивались в сравнительно неглубоких, обычно овальных, реже — круглых в плане ямах. Обряд погребения — трупосожжение. Наиболее распространены ямные захоронения, в которых остатки кремации сыпаны в кучку или разбросаны по дну ямы. Сравнительно небольшой процент составляют урновые захоронения в округлых ямах. Редким исключением являются труположения, обнаруженные лишь в единичных зарубинецких могильниках. Погребения с трупосожжениями обычно содержат различные предметы — глиняные сосуды, фибулы, булавки и другие детали одежды или украшения, изредка попадают орудия труда, бытовые предметы или оружие.

Согласно положениям Ю. В. Кухаренко, истоком формирования зарубинецкой культуры были культуры поморская и подклошовых погребений Повисленья. Зарубинецкая культура возникла как ответвление поморской, в результате расселения носителей последней на юго-восток. Первоначально поморские племена появились в западной части Припятского Полесья, где среди древностей есть достоверно поморские элементы, и оттуда распространились на восток, в области Среднего и частично Верхнего Поднепровья³⁵.

П. Н. Третьяков, возражая Ю. В. Кухаренко, показал, что припятская группа зарубинецких памятников не старше днепровских, поэтому последние не могут быть выведены из полесских древностей³⁶. Однако это правильное замечание П. Н. Третьякова не может служить аргументом для отрицания участия поморского населения в генезисе зарубинецкой культуры. Видимо, ближе к истине подходит Д. А. Мачинский, который, заново изучив все стороны проблемы происхождения зарубинецкой культуры, пришел к выводу о сложении трех локальных групп зарубинецкой культуры (припятской, среднеднепровской и верхнеднепровской) не путем постепенного расселения ее носителей, а за счет притока населения из разных регионов поморской культуры и культуры подклошовых погребений. Исследователь полагает, что миграция из различных районов Повисленья происходила несколькими путями³⁷.

Вместе с тем несомненно участие местного населения в генезисе зарубинецкой культуры. Зарубинецкая культура в значительной части сформировалась на территории, принадлежавшей племенам милоградской культуры. П. П. Третьяков и О. Н. Мельниковская, занимавшиеся вопросом о взаимоотношениях милоградских и зарубинецких древностей, настаивали на отсутствии генетической преемственности между ними³⁸.

³⁵ Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — СА, 1960, № 1, с. 289—300.

³⁶ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 214, 215.

³⁷ Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — КСИА, 107, 1960, с. 3—8.

³⁸ Третьяков П. Н. Моховское второе городище. — КСИА, 81, 1960, с. 43—48; Мельниковская О. Н. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культуры в Южной Бе-

Однако на Гомельщине обнаруживаются особенности, свойственные как милоградской, так и зарубинецкой культурам и объяснимые только сосуществованием их носителей на одной территории, в результате чего племена милоградской культуры были ассимилированы.

Еще более отчетливо роль местного (очевидно, скифского) населения в сложении зарубинецкой культуры проявляется в среднеднепровских областях. Как показал Е. В. Максимов, здесь местными по происхождению оказываются нелощеная керамика, составляющая большую часть находок на поселениях, домостроительство и отдельные детали погребального обряда³⁹.

В итоге можно считать, что формирование зарубинецкой культуры явилось результатом взаимодействия пришлых племен — носителей поморской культуры и культуры подклошовых погребений, принесших сюда латенские культурные традиции, с местным населением — милоградскими племенами на севере и скифскими — на юге.

Поскольку в сложении зарубинецкой культуры, как и в генезисе пшеворской, участвовали поморско-подклошовые племена, то можно утверждать, что зарубинецкое и пшеворское (или часть его) население было родственным в этноязыковом отношении. Однако отождествлять на этом основании все зарубинецкое население со славянами было бы преждевременным. Судя по культурным остаткам, активность местного и пришлого населения в разных частях зарубинецкой территории была весьма различной. Так как зарубинецкая культура сложилась в основном в милоградском ареале, принадлежавшем балтам, то не исключена ее балтская атрибуция. Ведь поморская культура в Нижнем Повисленье также связана с крайними балтами или балто-славянами. Поэтому представляется вероятным, что зарубинецкие племена принадлежали к отдельному диалекту, занимавшему в некоторой степени промежуточное положение между славянским языком и очень близкими к нему западнобалтскими говорами. В зависимости от обстоятельств они могли стать и балтами, и славянами.

Формировавшаяся во II в. н. э. черняховская культура, характеристике которой посвящен следующий раздел, охватила южную часть зарубинецкого ареала. Здесь потомки зарубинецких племен, очевидно, приняли участие в генезисе славянского ядра черняховского населения.

Севернее черняховского ареала судьба зарубинецкого населения была иной. Еще в начале нашей эры носители зарубинецкой культуры постепенно начали расселяться в поречье Десны, среди юхновского населения. А на рубеже I и II вв. н. э. сюда направляется значительная масса зарубинецкого населения. Во всех полесских и среднеднепровских могильниках зарубинецкой культуры в это время перестают хоронить. Влияние зарубинецкой культуры на севере достигает окрестностей Смоленска и охватывает бассейны Десны, Сожа и могилевского течения Днепра.

лоруссии (по материалам раскопок Милоградского городища).— СА, 1963, № 1, с. 32—41.

³⁹ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры, с. 116—129.

В результате взаимодействия зарубинецкого населения с местным в Верхнем Поднепровье складывается несколько культурных группировок. Культура деснинских поселений с зарубинецкими элементами названа А. К. Амброзом почепской⁴⁰. На Днепре синхронные памятники обычно именуются древностями типа Абидни, а в верховьях Сожа — культурой типа среднего слоя Тушемли. Во многом близки к верхнеднепровским и деснинским поселениям позднезарубинецкие памятники северных районов Среднего Поднепровья. Это пойменные памятники типа Казаровичей. Днепровские древности II—V вв. н. э., сформировавшиеся при значительном воздействии зарубинецкой культуры, обычно объединяются общим названием «позднезарубинецкая культура»⁴¹.

Со II—III вв. н. э. зарубинецкие элементы появляются и в древностях бассейна верхней Оки. Очевидно, потомки зарубинецкого населения из Подесенья расселились далее в северо-восточном направлении. В результате их взаимодействия с местным балтским населением в бассейне верхнего течения Оки формируется мощная культура.

П. Н. Третьяков и его сторонники утверждают, что зарубинецкая культура оставлена славянами. Расселение посетителей зарубинецкой культуры в северо-восточном направлении, по мнению этих исследователей, отражает процесс славянизации верхнеднепровских областей, ранее принадлежавших балтам. Носителями позднезарубинецкой культуры были славяне — потомки зарубинецких племен и славянизированное местное население. В последних работах П. П. Третьякова исключение делается только для мощинской культуры. На верхней Оке, как утверждает П. Н. Третьяков, расселившиеся потомки зарубинецких племен оказались ассимилированы местным балтским населением⁴².

Между тем, как известно, культурная ассимиляция далеко не всегда совпадает с этноязыковой. Результаты этнического взаимодействия зарубинецкого населения с верхнеднепровскими балтами во всех деталях пока не могут быть выяснены. Однако позднезарубинецкие древности и эволюционирующие из них древности третьей четверти I тысячелетия н. э. типа Тушемли — Банцеровщины — Кочочина не обнаруживают преемственности с верхнеднепровскими, достоверно славянскими памятниками VIII—X вв. Отсюда следует, что позднезарубинецкие древности Верхнего Поднепровья на основе археологии нужно считать дославянскими, а согласно материалам гидронимики — балтскими.

Очевидно, нужно полагать, что расселение зарубинецких племен в северо-восточном направлении не внесло коренных изменений в этноязыковую ситуацию верхнеднепровских и верхнеокских земель. Зарубинецкие племена, в диалектном отношении в равной мере близкие как славянам, так и западным балтам, продвинувшись в области Верхнего Поднепровья и на Оку, пополнили балтское население этого края. Сле-

⁴⁰ Амброс А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. — СА, 1964, № 1, с. 56—71.

⁴¹ Третьяков П. П. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 220—239; Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

⁴² Третьяков П. П. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 190—239; он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 27—71.

дами расселения зарубинецкого населения являются гидронимы западно-балтских типов, отчетливо выявляемые в левобережной части Верхнего Поднепровья и в Верхнеокском бассейне⁴³.

Черняховская культура

Накануне формирования черняховской культуры этническая карта Юго-Восточной Европы выглядела следующим образом (рис. 14):

Почти по всему будущему черняховскому ареалу, от нижнего Дуная на западе до донских и волжских степей на востоке, расселялись сарматы, принадлежащие, как и скифы, к иранской языковой группе. В бассейне Днестра и в Поднестровье они занимали не только степные районы, но и лесостепь, ранее заселенную скифским населением. В низовьях Днестра и в Крыму обитали поздние скифы.

Лесные области Поднепровья с прилегающей к нему частью Волго-Окского междуречья, а также бассейны Немана и Западной Двины заселяли балты. Им, как уже говорилось, принадлежат и позднзарубинецкие древности Верхнего Поднепровья. Отдельную этническую группу, видимо, составляли остатки зарубинецкого населения в Припятском Полесье и на Киевщине.

Западными соседями сарматов были дако-карпские племена, относящиеся к фракийской языковой группе.

Пачина с первых веков нашей эры в Верхнее Поднестровье проникают носители пшеворской культуры. К сожалению, фрагментарность материалов не позволяет определить, к какой группе — висленской или одерской — принадлежат пшеворские древности этой территории. Скорее всего пшеворское расселение в Поднестровье и на Волынь происходило из бассейна Вислы.

В западных районах Припятского Полесья и на Волыни во II в. н. э. появляются племена восточнономорско-мазовецкой культуры. Носителями ее были готы и другие восточногерманские племена, среди которых были и ипоплеменные жители Южной Балтики.

Черняховская культура формируется в основном на скифо-сарматской территории. Очевидно, однако, что ее нельзя рассматривать как результат эволюционного развития сарматской культуры. Представляется бесспорным и то, что сложение черняховской культуры не сопровождалось вытеснением или уничтожением местного ираноязычного населения. Не было и какого-либо хронологического разрыва между сарматской и черняховской культурами. В междуречье Днестра и нижнего Дуная сарматы появляются в I в. н. э., но основная масса их захоронений приходится на II — начало III в. н. э. Именно к этому времени относится здесь распространение черняховской культуры⁴⁴. О непосредственном соприкосновении сарматских и черняховских племен свидетельствуют такие

⁴³ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 42—48.

⁴⁴ Рикман Э. А. Вопрос датировки импортных вещей в намятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — СА, 1972, № 4, с. 84—101.

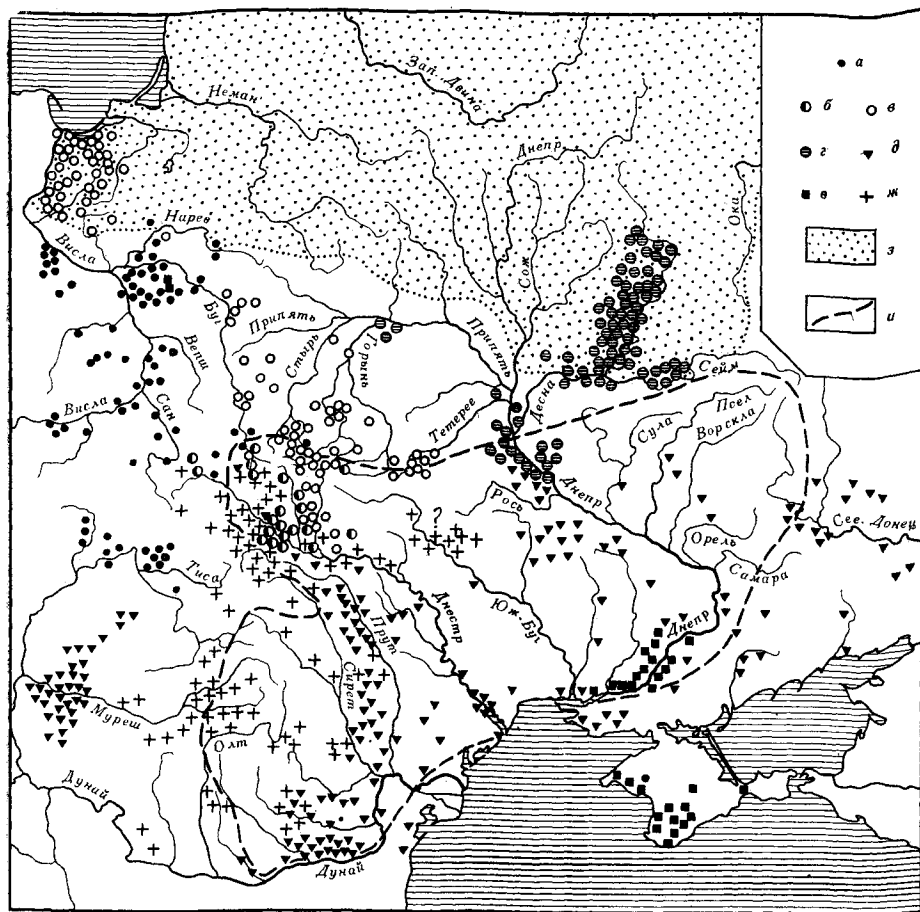

Рис. 14. Юго-Восточная Европа накануне сложения черняховской культуры

а — памятники пшеворской культуры; б — памятники предположительно пшеворские; в — восточнопоморско-мазовецкие памятники; г — позднезарубинецкие памятники; д — сарматские памятники первых веков нашей эры; е — позднескифские памятники; ж — фракийские памятники (поселения и могильники гето-дакские, карпские и культуры карпатских курганов); з — ареал балтских племен (культуры восточнопрусская, штрихованной керамики, днепровская, верхнеокская и южновская); и — общая граница черняховской культуры

могильник, как Тыргшор⁴⁵, в которых есть захоронения того и другого населения.

В Поднепровье среди сарматских памятников имеются такие, которые определенно свидетельствуют о проживании здесь сарматов вплоть до черняховского времени. Таковы, в частности, Журовка, где впускное сарматское погребение кургана 406 относится ко второй половине II — пер-

⁴⁵ Diaconu G. *Tîrgșor. Necropola din secolele III—IV e. n.* București, 1965.

вой половине III в. н. э.⁴⁶; Петрик, где предметы из могилы, открытой в 1873 г., датируются временем от конца I до начала III в. н. э.⁴⁷; Цветна, где имеется погребение с вещами второй половины II — первой половины III в. н. э.⁴⁸

Поскольку вопрос о вкладе скифо-сарматского населения в черняховскую культуру, как будет показано далее, имеет непосредственное отношение к проблеме славянского этногенеза, его необходимо исследовать подробно.

Работы по этому вопросу немногочисленны. Впервые некоторые сарматские элементы в черняховских памятниках Поднепровья были описаны два десятилетия назад Ю. В. Кухаренко⁴⁹. В то время и черняховские и сарматские древности Поднепровья и Северного Причерноморья были исследованы еще слабо, и незначительные сарматские особенности в черняховских могильниках были расценены как результат контакта черняховских племен, занимавших более северные территории, с сарматами, жившими преимущественно в степях.

В другой работе Ю. В. Кухаренко утверждал, что черняховская культура развилась из скифской. Генетическая связь их обосновывалась сходством погребальных обрядов, близостью керамических форм и совпадением территорий. Черты отличия, по мнению Ю. В. Кухаренко, обусловило в основном воздействие провинциально-римской культуры⁵⁰. Напротив, Э. А. Сымонович, подчеркивая, что удельный вес скифских особенностей в материальной культуре черняховского населения невелик, отрицал возможность развития ее из скифской⁵¹. К сожалению, исследователь сосредоточил внимание на различиях культур, оставив вне поля зрения элементы их сходства. Г. Б. Федоров рассмотрел этот вопрос на молдавских материалах и пришел к мысли о существенном вкладе сарматов в культуру черняховских племен. В частности, обряд ингумации в черняховской культуре, по его мнению, появился в результате сарматского влияния⁵².

К настоящему времени по черняховской культуре собраны значительные материалы, позволяющие определенно решить вопрос о роли иранского компонента в ее развитии. В результате анализа черняховских древностей выявляются особенности, которые можно считать скифо-сарматскими по происхождению, поскольку ни одна из них не характерна для других археологических культур, участвовавших в формировании черняховской.

⁴⁶ Бобринский А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ.— ИАК, 14, 1905, с. 29, 30.

⁴⁷ Обзорные некоторых губерний и областей России в археологическом отношении.— ЗРАО, XI, 1-2, 1899, с. 261, 262.

⁴⁸ ОАК за 1896 г., с. 88, 89.

⁴⁹ Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда).— СА, XIX, 1954, с. 111—120.

⁵⁰ Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 64—83.

⁵¹ Сымонович Э. А. К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры.— СА, 1962, № 2, с. 39—49.

⁵² Федорова Г. Б. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии).— СА, 1958, № 3, с. 238—243.

К числу таких особенностей принадлежит прежде всего устройство в черняховских погребениях подбоев и земляных склепов. Подбойные могилы появляются еще в савроматское время и получают широкое распространение в прохоровской культуре⁵³. В Северном Причерноморье захоронения в подбоях представлены в сарматских могильниках последних веков до нашей эры и первых столетий нашей эры⁵⁴. По-видимому, под влиянием сарматов подбойные могилы появляются и в нодпескифских могильниках нижнего Днепра.

Погребения в земляных склепах в предчерняховское время получили распространение в нодпескифских могильниках Нижнего Поднепровья и Крыма. Вход в склеп обычно закрывали вертикально поставленной каменной плитой, а входную яму заполняли камнями⁵⁵. Подобное устройство могил выявлено и на некоторых черняховских кладбищах. Скифское происхождение таких могил, как и сарматское — подбойных, представляется бесспорным.

Труположения с согнутыми в коленях или скрещенными ногами, встречаемые в черняховских могильниках, обычны для сарматов на различных стадиях эволюции их культуры, начиная с савроматской⁵⁶ и кончая шиповским этапом⁵⁷. Поэтому связь подобных черняховских захоронений с сарматским погребальным ритуалом представляется очевидной.

Отдельные труположения с перекрещенными или согнутыми ногами встречены также в немногочисленных могильниках римского времени в низовьях Вислы, на Готланде и в южной Швеции. Однако и здесь этот обряд скорее всего является отражением сарматского воздействия на культуру древних германцев⁵⁸.

Обычай ссыпать в могилы раскаленные древесный уголь и золу отчетливо проявляется уже у савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья⁵⁹. В Северном Причерноморье он неоднократно зафиксирован в сарматских погребениях, относящихся к последним столетиям до нашей эры и первым векам нашей эры. Безусловно, наследием этого по-

⁵³ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вын. Д1-10, 1963, с. 23.

⁵⁴ *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Пого-Филипповка.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 220—244; *Махно Е. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яниці.— В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. IX. Київ, 1960, с. 24—38; *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олошешты.— СА, 1962, № 1, с. 195—208; *Федоров Г. Б.* Позднесарматский могильник у с. Криничное.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 248—253.

⁵⁵ *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972.

⁵⁶ *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, вын. Д1-9, 1963, с. 20, табл. V.

⁵⁷ *Рикман Э. А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья.— СЭ, 1966, № 1, с. 73; *он же.* Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1976, с. 48; *Bichir Gh.* Les Sarmates sur le territoire de la Roumanie.— In: Actes du VIII Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques t. 1. Beograd, 1971, p. 277.

⁵⁸ *Седов В. В.* Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и Южной Балтики.— В кн.: Тезисы докладов Шестой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. Таллин, 1973, с. 109.

⁵⁹ *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, с. 20, табл. VI.

хорошего ритуала сарматов являются остатки костров, паходимые чаще около головы или руки погребенного в черняховских могильниках.

Среди сарматских племен был распространен обычай класть в могилы пищу для «заупокойных трапез». В погребениях прохоровской культуры помещали в основном куски туш баранов или овец, в редких случаях — части туши лошади. В сарматских погребениях северопричерноморских областей в качестве «заупокойной пищи» использовались также туши овец или баранов, реже в этих захоронениях встречаются кости лошади, еще реже — кости крупного рогатого скота.

Подобный ритуал зафиксирован во многих могильниках черняховской культуры. В качестве жертвенных животных здесь также употребляли в основном мелкий рогатый скот. Свыше 70% захоронений, в которых отмечен этот обряд, содержали кости мелкого рогатого скота. В сравнительно немногих могилах обнаружены кости коровы или лошади, в единичных — кости свиньи⁶⁰.

Состав животных, используемых для заупокойного ритуала в черняховской культуре, со всей определенностью свидетельствует о сарматском происхождении этого обряда. Обычай сопровождать умерших «заупокойной пищей» известен и другим племенам латенско-римского времени, но для этих целей они использовали других животных. Так, в пшеворских могилах Одерского региона, как уже отмечалось, встречаются кости птиц и как редкое исключение — кости медведя и лошади, для кельтских погребений характерны преимущественно кости свиньи и т. п.

Ритуал сопровождения умерших «заупокойной пищей» отражают и глиняные сосуды, которыми обставлены некоторые черняховские труположения. Число сосудов в таких могилах колеблется от 4—5 до 10—16. Расположение их в погребениях различно: у ног, около головы, справа и слева от туловища, иногда только вокруг головы, иногда только около ног, в частности и между ногами.

Нельзя сказать, что аналогичный обряд был широко распространен среди сарматского населения Северного Причерноморья. Обычно в сарматских могилах встречаются единичные глиняные сосуды. Однако известны и погребения, обставленные многочисленными сосудами⁶¹. Но все они принадлежат к среднесарматскому времени. Позднее сарматские труположения, непосредственно предшествующие черняховской культуре, обычно сопровождаются одним — тремя сосудами.

Все же можно предполагать, что черняховский ритуал сопровождения умерших многочисленными глиняными сосудами восходит к сарматскому обряду. В пользу этого свидетельствует корреляция такого ритуала в черняховских труположениях с другими сарматскими особенностями (табл. 5).

⁶⁰ Так, в трех черняховских могильниках Румынии (Тыргшор, Снанцов, Лунка) раскопано 34 погребения с костями жертвенных животных. Из них в 25 захоронениях (73,5%) встречены овечьи кости, в шести — кости быка и в четырех — кости свиньи (*Bolomey Alexandra. Ofrande animale în necropole din secolul al IV-lea e. n. — Studii și cercetări de antropologie, 1967, N 1, p. 25—36*).

⁶¹ *Вязьмитина М. И., Иллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т. Кургани біля с. Пого-Пилинівки і радгоспу «Аккермень».* — В кн.: *Археологічні пам'ятки УРСР, т. VIII. Київ, 1960, с. 22—135.*

Таблица 5. Взаимовстречаемость скифо-сарматских особенностей в погребениях черняховских могильников

Скифо-сарматские особенности	Сосуды с жертвенной пищей (4 и более)	Кости животных	Остатки костра	Труноположения со скрещенными ногами	Труноположения с подогнутыми ногами
Подбойные могилы	5	8	3	1	2
Склепы-катакомбы	5	5	2	—	—
Труноположения с подогнутыми ногами	21	16	6	—	—
Труноположения со скрещенными ногами	5	2	1	—	—
Остатки костра	16	19	—	—	—
Кости животных	73	—	—	—	—

Таблица 6. Ориентировка погребенных в черняховских могилах со скифо-сарматскими особенностями

Скифо-сарматские особенности	Ориентировки								
	СВ	С	СЗ	З	ЮЗ	Ю	ЮВ	В	?
В подбойных могилах	1	18	—	1	—	—	—	—	2
В склепах-катакомбах	—	6	1	—	—	—	—	—	1
Труноположения с подогнутыми ногами	5	65	6	11	3	3	1	2	8
Труноположения со скрещенными ногами	—	14	4	2	1	—	—	—	—
Погребения с остатками костра	2	37	5	6	1	—	—	—	2
Погребения с костями животных	3	114	15	5	1	—	1	—	10
Погребения с четырьмя и более сосудами	13	173	24	18	13	3	1	1	28

Наконец, к числу достоверно сарматских особенностей нужно отнести такие элементы черняховских могил, как кусочки мела или краски и обычай искусственной деформации черепов.

Отмеченные сарматские погребальные особенности свойственны прежде всего черняховским труноположениям с северной ориентировкой. Всего в черняховских могильниках раскопано более 800 захоронений с северной ориентировкой и 300 — с западной (табл. 6). В связи с этим возникает вопрос, не является ли сама меридиональная ориентировка погребенных в черняховской культуре наследием местного сарматского ритуала?

Ориентировка погребенных у сарматских племен не была стабильной, а претерпевала изменения со временем. В раннесарматскую эпоху господствующей была ориентировка умерших головой к югу. Такое положение свойственно и ранним сарматским могилам Поднепровья (Вороная, Михайловка, Ушкалка)⁶². Зато в среднесарматский период в будущем черняховском регионе заметно преобладают погребения северной ориентировки⁶³. Они господствуют здесь и в позднесарматское время, накануне сложения черняховской культуры⁶⁴.

Меридионально ориентированные труположения характерны также и для некоторых других племен Средней Европы, в частности для кельтов. Однако кельтские могильники во всех своих важнейших чертах существенно отличаются от черняховских⁶⁵. Полное отсутствие в погребальном ритуале черняховской культуры каких-либо кельтских особенностей исключает предположение о кельтском происхождении черняховских труположений с северной ориентировкой.

В I в. н. э. обряд ингумации с помещением умерших в могилы головой к северу появляется в восточнопоморско-мазовецкой культуре Нижнего Повисленья, где он сосуществует с обрядом кремации. Во II в. н. э. племена этой культуры расселяются в южном и юго-восточном направлении, достигая западных районов Припятского Полесья и Волыни. По мере распространения восточнопоморско-мазовецкой культуры на юг процент трупосожжений в ее могильниках заметно возрастает. Врест-Тришинский могильник в Белоруссии и Дытыничский на Волыни содержат уже исключительно трупосожжения⁶⁶. Это обстоятельство исключает предположение о генезисе всех черняховских меридиональных труположений от восточнопоморско-мазовецких. Правда, в последние годы на Волыни, на южной окраине восточнопоморско-мазовецкой культуры, открыты и могильники, содержащие труположения с северной ориентировкой⁶⁷. Однако они относятся к III—IV вв. н. э., т. е. уже синхронны черняховским. Поэтому черняховские меридиональные захоронения никак не могут быть производными от восточнопоморско-мазовецких. Скорее всего, наоборот, волыпские труположения являются следствием черняховского воздействия.

Скифо-сарматские погребальные особенности⁶⁸ зафиксированы в небольшом количестве во многих могильниках черняховской культуры

⁶² Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 191—196.

⁶³ Абрамова М. П. Сарматские погребения Допа и Украины II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1961, № 4, с. 107.

⁶⁴ Рикман Э. А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья, с. 73.

⁶⁵ Filip J. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956; Powel T. G. E. The Celts. London, 1958.

⁶⁶ Смішко М. Ю., Свешніков І. К. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитинці Ровенської області.— МДАПВ, 3, 1961, с. 89—114; Кушаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин.— КСИА, 100, 1965, с. 97—101.

⁶⁷ Кротошкин В. В. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской обл.— СА, 1972, № 4, с. 255, 256.

⁶⁸ Для настоящей работы членение выявленных особенностей на сарматские и скифские не имеет смысла. Сарматское завоевание Скифии, но-видимому, представляло собой диффузную миграцию отдельных сарматских групп в среду скифов. Среди последних

(табл. 7) почти по всей территории ее распространения (рис. 15). Это дает основание утверждать, что местное ираноязычное население вошло в состав черняховских племен в качестве одного из основных этнических компонентов.

О том, что население, оставившее черняховские труположения, происходит от скифо-сарматского, очень отчетливо свидетельствуют и материалы антропологии. Черняховское население, представленное труположениями, принадлежит к мезодолхокранному антропологическому типу. К этому же типу отнесется и скифское население как степных, так и лесостенных регионов. Сооставление деталей строения черепов из скифских и черняховских могильников приводит антропологов к выводу, что черняховцы в значительной части были потомками местного ираноязычного населения⁶⁹.

Собственно сарматскими, обнаруживающими сходство с краниологическими материалами пажневоложских сарматов, обычно считаются черепа, характеризующиеся мезобрахикранией и более широким лицом. Подобные краниологические материалы обнаружены в единичных черняховских могильниках — Будештском⁷⁰, Эрбиценах — и в меньшем количестве — в других⁷¹. На этом основании можно говорить о сравнительно небольшом участии пришлого сарматского элемента в генезисе черняховского населения. Но поскольку сарматизация северопричерноморских областей не сопровождалась полным вытеснением местного ираноязычного населения, то вклад последнего в формирование черняховских племен в какой-то степени отражает и долю участия сарматизированных потомков скифов.

Вклад скифо-сарматского населения в материальную культуру черняховских племен менее выразителен, поскольку черняховская культура сформировалась при активном воздействии провинциально-римской культуры. Только единичные лепные сосуды из черняховских памятников сопоставимы с сарматскими и скифскими и, видимо, происходят от них⁷².

Сарматское происхождение имеют и некоторые гончарные черняховские сосуды⁷³.

распространилась сарматская культура, а язык скифов, принадлежащий к северо-восточной подгруппе восточноиранских языков, приобрел особенности, свойственные диалекту сарматов, относящихся по языку к той же подгруппе восточных иранцев. Особая скифская культура сохранилась лишь на нижнем Днестре и в Крыму.

⁶⁹ Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972.

⁷⁰ Великанова М. С. Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии. — Труды Института этнографии, XXI, 1961, с. 26—52; она же. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1972, с. 70—90.

⁷¹ Ploșor-Nicolăescu D. Contribuții paleoantropologice la rezolvarea unor probleme istorice privind perioada migrației popoarelor în spațiul Carpato-Dunărean. — Revista muzeelor, 1967, 2, p. 101—110.

⁷² Сымонович Э. А. Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днестра. — КСИИМК, 68, 1957, с. 17—19; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — МИА, № 89, 1960, с. 120; Рикман Э. А. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, с. 20—22.

⁷³ Корпусова В. М. Біконічні посудини верхніх століть нашої ери з Причорномор'я. — Археологія, 3, 1971, с. 75—82; Магомедов Б. В. До вивчення черняхівського гончарного посуду. — Археологія, 12, 1973, с. 83.

Таблица 7. Скифо-сарматские особенности в чернязовских могильниках

Могильник	В подбоях	В склепах-катакомбах	С подошвами ногами	Со скрещенными ногами	С остатками костра	С костями животных	Обставлено сосудами (¼ и более)	С кусочками мела или краски	С деформированным черепом
Адлени	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Балцаты I	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Балцаты II	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Бережанка	—	—	1	—	—	4	4	—	—
Будешты	1	1	13	5	4	5	29	1	—
Бырад-Каса	—	—	—	—	—	—	3	—	—
Викторовка	3	—	1	2	2	1	3	—	—
Водяное	—	—	—	—	—	—	3	—	—
Войсковое	—	—	6	—	—	2	1	—	—
Гавриловка	1	—	2	—	9	6	11	—	—
Гогошари	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Городница	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Гречанки	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Данилова Балка	—	—	—	—	—	1	1	—	—
Дедовщина	—	—	1	—	1	—	—	—	—
Деревянное	—	—	1	—	1	2	—	—	—
Дубняги	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Гурбинцы	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Жовнии	—	—	×*	×	—	1	—	—	—
Журовка Ольшанская	—	—	11	—	10	18	13	—	1
Запказы	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Запорожье	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Заячевка	—	—	1	—	1	1	2	—	—
Изворул	—	—	3	—	—	1	9	—	—
Индепенденца	—	—	5	—	—	4	8	—	—
Каборга	×	—	×	—	×	×	—	—	—
Калбени	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Каменка Днепровская	—	—	—	—	1	1	1	—	—
Кантемировка	1	1	2	—	2	4	2	1	—
Коблево	6	6	2	—	7	14	6	—	—
Комнанийцы	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Коротяк-Перепелицыно	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Косаново	—	—	4	—	3	3	13	—	—
Лецкани	—	—	2	3	—	10	14	—	—
Лохвица	—	—	3	—	—	—	1	—	—
Лунка	—	—	—	—	—	8	—	—	—
Малаешты	1	—	4	—	1	5	7	—	—
Малый Ржавец	—	—	—	—	—	—	×	—	—
Маслово	—	—	6	2	2	12	13	1	—
Неполоковцы	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Новоалександровка	—	—	—	—	—	1	1	—	—

Таблица 7 (окончание)

Могильник	В подбоях	В склепах-катакомбах	С полугнутыми ногами	Со скрепленными ногами	С остатками костра	С костями животных	Обставлено сосудами (4 и более)	С кусочками мела или краски	С деформированным черепом
Обыршепи-Войнешти	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Одобеску	—	—	4	—	—	—	5	—	—
Оселывка	—	—	—	—	—	1	1	—	—
Переяславль-Хмельницкий	2	—	—	—	—	4	5	—	—
Привольное	—	—	1	—	—	1	1	—	—
Раковец	1	—	2	—	2	4	4	—	—
Ранжевое	4	—	—	—	—	—	3	—	—
Редкодубы	—	—	—	—	—	×	—	—	—
Рвзино	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Ромашки	—	—	1	—	—	—	2	—	—
Ружичанка	—	—	—	—	—	×	—	—	—
Рыжевка	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Спанцов	—	—	5	1	—	11	25	—	1
Сынтана-де-Муреш	—	—	3	2	—	—	10	—	—
Телешовка	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Тыргшор	—	—	8	—	4	15	22	—	—
Усенка	—	—	4	—	—	2	1	—	—
Устье	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Фурмановка	×	—	—	—	—	1	2	—	—
Хэрэшти	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Четатеа Веке	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Чернилов Русский	—	—	—	—	1	—	1	—	—
Черняхов	1	—	2	—	4	8	30	—	1

* × — несколько.

Можно говорить и о сарматском происхождении некоторых вещевых находок из черняховских памятников. Румынские археологи причисляют к ним костяные украшения призматической формы, орнаментированные кольцевым узором, и ожерелья, составленные из бус⁷⁴. Может быть, к наследию сарматов относятся бусы некоторых типов — мелкие цилиндрические, чечевицеобразные, сферические спяшные, встречаемые как в сарматских, так и в черняховских памятниках.

В западной части ареала черняховской культуры в этногенезе ее носителей участвовали местные карпские и дакийские племена. Это прояв-

⁷⁴ Diaconu Gh. Despre pandantivele prismatice de os din necropola de la Tirgşor.— SCIV, 1962, N 2, p. 441—446; Аурулиан П. Следы культуры Черняхов — Сынтана де Муреш в Малой Скифии.— Dacia, VI, 1962, p. 235—256.

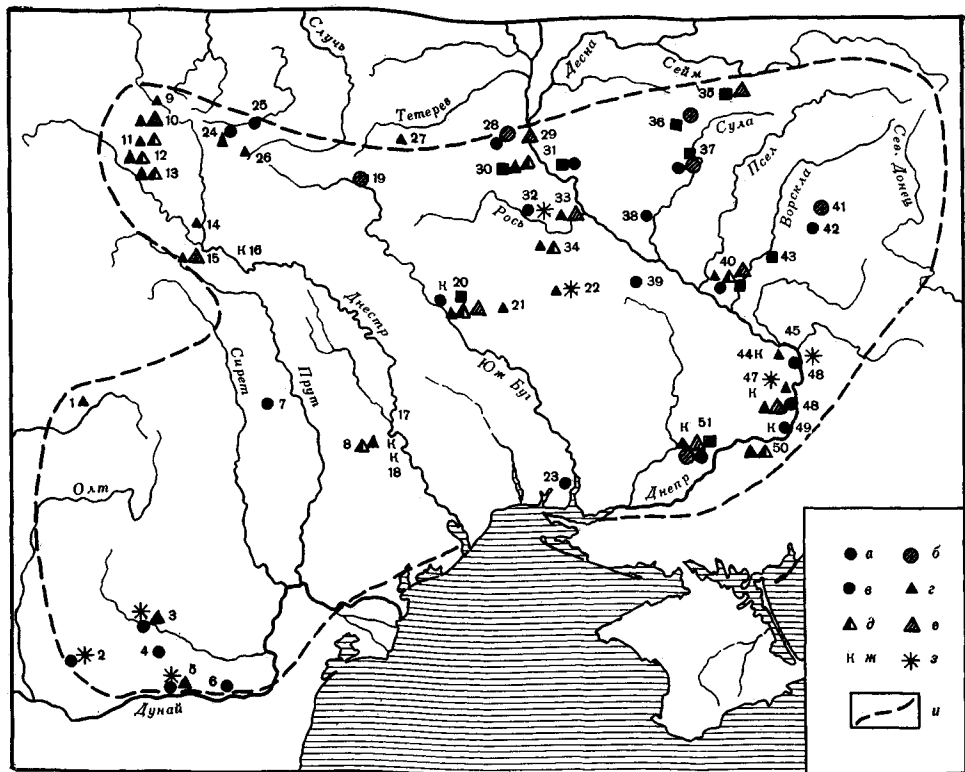

Рис. 15. Распространение скифо-сарматских элементов в черняховской культуре

а — могильники с надбойными погребениями; б — могильники со склепами-катакомбами; в — могильники с труположениями с подогнутыми и скрещенными ногами; г — могильники с захоронениями, содержащими остатки костра; д — могильники с погребениями, содержащими кости животных; е — могильники с погребениями, обставленными сосудами (четырьмя и более); ж — могильник с погребениями, в которых обнаружены куски мела или краски; з — могильники с деформированными черенами; и — общая граница черняховской культуры
 1 — Сыштана-де-Муреш; 2 — Изворул; 3 — Гогошари; 4 — Ойнак; 5 — Хэршти; 6 — Четатеа Веке; 7 — Спанцов; 8 — Одобеску; 9 — Тыргшор; 10 — Индепенденца; 11 — Вырлад-Каса; 12 — Обыршени-Войнешти; 13 — Алдени; 14 — Калбени; 15 — Неполоковцы; 16 — Лецкани; 17 — Одобеску; 18 — Чернилов; 19 — Городница; 20 — Оселивца; 21 — Устье; 22 — Малаешты; 23 — Балцаты; 24 — Балцаты 2; 25 — Будешты; 26 — Редкодубы; 27 — Ружичанка; 28 — Залчевка; 29 — Косаново; 30 — Данилова Балка; 31 — Ризино; 32 — Рыжевка; 33 — Заплазы; 34 — Ранжеево; 35 — Коблево; 36 — Викторовка; 37 — Каборга; 38 — Журовка; 39 — Маслово; 40 — Коротляк; 41 — Рановец; 42 — Бережанка; 43 — Дедовщина; 44 — Дервянское; 45 — Гречаники; 46 — Перяславль Хмельницкий; 47 — Телешовка; 48 — Черняхов; 49 — Ромашки; 50 — Малый Ржавец; 51 — Успенка; 52 — Гурбинцы; 53 — Лохвица; 54 — Жовнин; 55 — Дубляги; 56 — Комнанийцы; 57 — Кантемировка; 58 — Волянское; 59 — Войсковое; 60 — Новоалександровка; 61 — Привольное; 62 — Запорожье; 63 — Каменка Днепровская; 64 — Гавриловка

ляется и в деталях похоронного ритуала, и в отдельных элементах материальной культуры⁷⁵. Были среди черняховского населения, несомненно, и готы. Вклад восточноиомерско-мазовецкой культуры в черняховскую еще предстоит внимательно исследовать, но очевидно, что он не был ни решающим, ни существенным.

К славянскому этногенезу прямое отношение имеют пшеворские и зарубинецкие компоненты черняховской культуры. И для пшеворской, и для зарубинецкой культур был характерен обряд трупосожжения. Поэтому вклад этих культур прежде всего ощутим среди черняховских захоронений по обряду кремации.

Исследуя черняховские трупосожжения, Н. М. Кравченко классифицировала эти погребения на несколько типов, среди которых есть сопоставимые с пшеворскими или зарубинецкими по обрядовым признакам⁷⁶.

По основным признакам с погребениями пшеворской культуры прежде всего сопоставимы черняховские трупосожжения, в которых остатки кремации помещены на дно могильной ямы вместе с фрагментами глиняной посуды, вторично обожженной, или сложены в глиняную урну, опять-таки с явными следами вторичного обжига. Захоронения с обрядовыми признаками, свойственными пшеворской культуре, известны почти по всему черняховскому ареалу (рис. 16), по наибольшая концентрация их наблюдается в области Поднепровья.

Особый тип черняховских захоронений составляют рассредоточенные трупосожжения, в которых остатки кремации вперемешку с землей разбросаны в сравнительно больших овальных или округлых ямах. В заполнении этих ям встречаются отдельные обломки глиняных сосудов, иногда вторично обожженные в огне. Основным районом распространения сожжений этого типа на черняховской территории является Поднепровье. Такие погребения господствуют в тех черняховских могильниках, где преобладают сожжения. Замечено, что рассредоточенные трупосожжения получили наибольшее распространение на позднем этапе эволюции черняховской культуры.

Аналогичные трупосожжения характерны для пшеворской культуры. В Силезии могильники с рассредоточенными сожжениями выделяются в особую добродзеньскую группу этой культуры.

Черняховские погребения, в которых кальцинированные кости наполняют неприкрытую глиняную урну или помещены кучкой на дне погребальной ямы вместе с сосудами-приношениями, Н. М. Кравченко связывает с зарубинецким погребальным ритуалом. Такие трупосожжения известны в основном вдоль северной границы распространения черняховской культуры, там, где прежде обитало зарубинецкое население, причем именно в этом регионе на черняховских памятниках встречается керами-

⁷⁵ Рикман Э. А. О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 178—188; Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КСИИ, 121, 1970, с. 44—51.

⁷⁶ Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения..., с. 44—51.

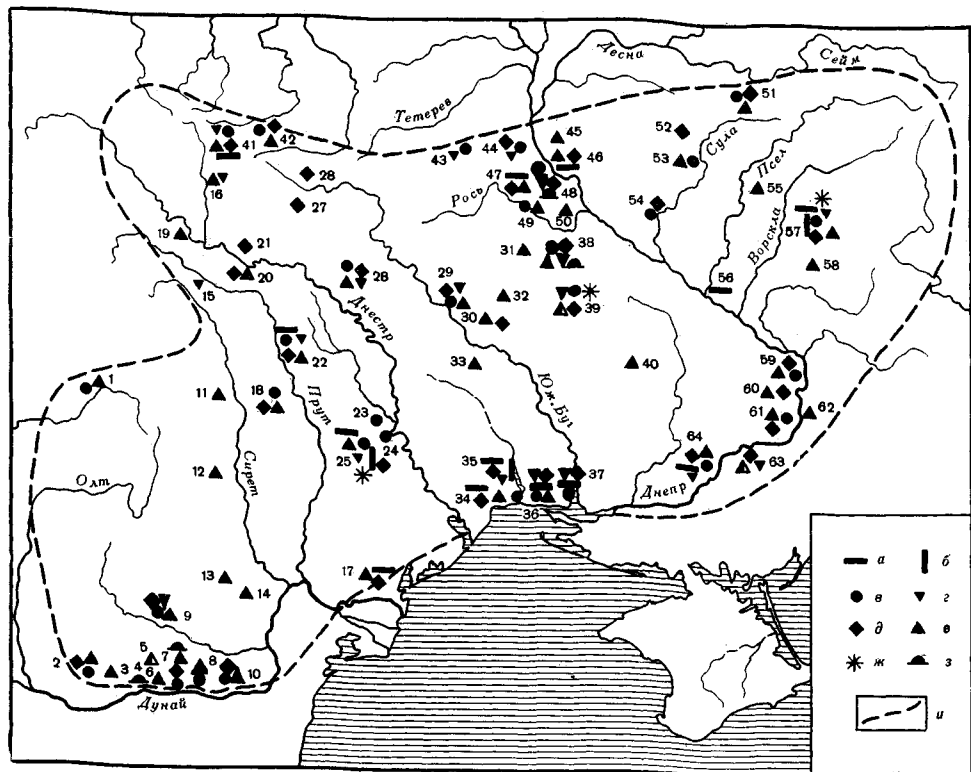

Рис. 16. Распространение пшеворско-зарубинецких элементов в черняховской культуре

а — могильники с пшеворскими особенностями в погребальном обряде; б — могильники с зарубинецкими особенностями в погребальном обряде; в — могильники с рассредоточенными погребениями; г — памятники с лепной керамикой пшеворских типов; д — памятники с лепной керамикой пшеворско-зарубинецких типов; е — памятники с лепной керамикой зарубинецких типов; ж — могильники, в которых зафиксировано применение камня в трупосожжениях; з — могильники, в которых в захоронениях по обряду сожжения присутствуют кости птиц; и — общая граница черняховской культуры

1 — Сыштана-де-Муреш; 2 — Олтени; 3 — Тыргшор; 4 — Хэрэшти; 5 — Спацков; 6 — Индепенденца; 7 — Лецнани; 8 — Будешты; 9 — Неслухов; 10 — Черепин; 11 — Ришнев; 12 — Демьянов; 13 — Бовшев; 14 — Городница; 15 — Комаров; 16 — Устье; 17 — Балцаты 1; 18 — Балцаты 2; 19 — Вилы Ярузские; 20 — Косаново; 21 — Рыжевка; 22 — Маслово; 23 — Каборга; 24 — Раковец; 25 — Бережанка; 26 — Сухостав; 27 — Прлжев; 28 — Деревяново; 29 — Жуковка; 30 — Черняхов; 31 — Переяславль Хмельницкий; 32 — Ромашки; 33 — Ломоватое; 34 — Журовка; 35 — Успенка; 36 — Гурбинцы; 37 — Лохвица; 38 — Жовнин; 39 — Завадовка; 40 — Компанийцы; 41 — Кантемировка; 42 — Новоселовка; 43 — Писаревка; 44 — Федоровка; 45 — Волошское; 46 — Войсковое; 47 — Новоалександровка; 48 — Привольное; 49 — Августиновка; 50 — Каменка; 51 — Гавриловка

ка, близкая к зарубинецкой. В иных регионах черняховской территории трупосожжения этого типа выступают как единичные явления.

Другим элементом, свидетельствующим о значительном вкладе пшеворских и зарубинецких племен в черняховскую культуру, является

лешая керамика. Региональной характеристике этой керамики были посвящены статьи В. Д. Барана и Э. А. Сымоновича⁷⁷. Анализ и классификацию всей лепной посуды из памятников черняховской культуры успешно провела Г. Ф. Никитина⁷⁸.

Типы лепной посуды черняховской культуры находят самые различные аналоги. Одни из них имеют параллели среди дако-гетских древностей Северо-Западного Причерноморья, другие сходны с восточнопоморско-мазовецкой керамикой, третьи — с посудой северопричерноморских городов, четвертые обнаруживают близкие аналогии в памятниках приэльбских германцев и т. п. Но наиболее распространенными в черняховской культуре были лепные сосуды, сопоставимые по формам и другим деталям с пшеворской и зарубинецкой глиняной посудой.

Аналогии в пшеворской культуре имеют черняховские горшки всех трех групп классификации Г. Ф. Никитиной. Таковы сосуды группы «а» (с отогнутым венчиком) типов 5 (приземистые, округлобокие, с наибольшим расширением в средней части и зауженным низом), 6 (приземистые, с сильно раздутой средней частью тулова), 8 (с биконическим туловом и коротким венчиком), 10 (вытянутых пропорций, с овальным туловом), 11 (с раздутым туловом на плитчатом поддоне) и 14 (при высоте, равной диаметру венчика, и с узким дном); горшки группы «б» (с прямым венчиком) типа 1 (с крутыми плечиками при наибольшем диаметре в верхней части); горшки группы «в» (с вогнутым венчиком) типов 3 (вытянутые, с равномерно раздутым туловом) и 4 (вазообразные).

С зарубинецкой керамикой обнаруживают параллели черняховские лепные горшки типов 3, 12 (1) и 13 группы «а». Немало типов сосудов (например, горшки типов 7 и 9 группы «а»; типа 3 группы «б»; типа 1 группы «в»; миски типов 2, 10 и 11) может быть сопоставлено как с зарубинецкой, так и с пшеворской керамикой.

Пшеворское происхождение, возможно, имели и некоторые другие сосуды черняховской культуры. В. В. Кропоткин обратил внимание на присутствие в черняховских памятниках мисок и мискообразных сосудов трех видов, очень характерных для пшеворской культуры: 1) с высокими поддонами, 2) с Х-образными ручками и 3) с налпными шишкообразными ручками-упорами⁷⁹. В археологической литературе не раз отмечалось сходство элементов орнаментации черняховской керамики с пшеворской⁸⁰.

⁷⁷ Сымонович Э. А. Лепная керамика памятников черняховской культуры нижнего Днестра, с. 14—19; Баран В. Д. До питання про ліпну кераміку культури полівоховань черняхівського типу у межиріччя Дністра і Західного Бугу.— МДАПВ, 3, 1961, с. 77—87.

⁷⁸ Никитина Г. Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры.— СА, 1966, № 4, с. 70—85.

⁷⁹ Кропоткин В. В. Могилини черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (к вопросу о происхождении черняховской культуры).— *Slavia antiqua*, XVIII, 1974, с. 197—205. Впрочем, такие же сосуды есть и на памятниках восточнопоморско-мазовецкой культуры.

⁸⁰ Сымонович Э. А. Орнаментация черняховской керамики.— МИА, № 116, 1964, с. 345—361.

Многочисленность пшеворских и в несколько меньшей степени зарубинецких особенностей в погребальных памятниках и среди лепной керамики черняховской культуры (табл. 8) говорит о значительном участии пшеворско-зарубинецких племен в сложении черняховского населения. Пшеворско-зарубинецкие элементы в черняховской культуре количественно занимают второе место после местных скифо-сарматских. Очевидно, пшеворско-зарубинецкие племена вместе с местными ираноязычными составили основное ядро черняховского населения.

Имеются некоторые пшеворские черты и среди прочих элементов материальной культуры черняховского населения. Так, в Компашевском могильнике были обнаружены меч, копье и умбон; наконечник копья встречен в одном из захоронений Августиновского могильника; в погребении 6 Малаешт найден умбон. Для черняховских могил предметы вооружения абсолютно не характерны, и, очевидно, этот обычай был занесен сюда пшеворскими переселенцами. В отдельных погребениях Будештского, Косановского и Спанцовского могильников встречаются ключи и замки, в Заячевском могильнике найдены ножицы, т. е. опять-таки предметы, характерные для пшеворской культуры. В отдельных черняховских трупосожжениях обнаружены кости птиц, зафиксированы также немногочисленные случаи применения камня. Однако все эти пшеворские особенности явно не получили в черняховской культуре широкого распространения, оставаясь редким исключением.

Это, на первый взгляд, противоречит выводу о значительной доле участия пшеворского населения в черняховском этногенезе, полученному при анализе погребальной обрядности и лепной керамики. Однако обычай помещать в могилы предметы вооружения, ключи и замки, ритуал жертвоприношения птицы и т. п. были характерны не для всей пшеворской культуры, а преимущественно для племен, занимавших Одерский регион. Очевидно, пшеворское население, характеризующееся этими особенностями и принявшее участие в миграционном потоке в юго-восточном направлении, было относительно малочисленным. Основную же массу пшеворских переселенцев в северопричерноморских областях составили выходцы из Висленского региона, т. е. славяне.

Нужно полагать, что черняховское население, сформировавшееся в условиях территориального смешения нескольких племенных групп, оставалось пестрым в этническом отношении. Видимо, в разных частях обширного черняховского ареала имели место различные языковые и ассимиляционные процессы, может быть, оставшиеся незавершенными из-за относительной кратковременности черняховской культуры. Об этом, в частности, отчетливо свидетельствует неравномерная в разных областях черняховского ареала концентрация элементов, унаследованных черняховской культурой от слагаемых древностей: скифо-сарматских, фракийских, пшеворских, зарубинецких и восточнопричерноморско-мазовецких.

Отдельные пшеворские элементы встречаются широко, почти по всей территории распространения черняховской культуры. Вместе с тем в черняховском ареале отчетливо выявляется регион их большой концентрации (рис. 17). Он охватывает в основном поднепровские земли — Среднее Поднепровье и поречье порожистой части Днестра — и поэтому назван

Таблица 8. Пшеворско-зарубинецкие элементы в черняховских памятниках

Могильник	Пшеворские особенности обряда	Зарубинецкие особенности обряда	Расеинные погребения	Лепная керамика пшеворских типов	Лепная керамика зарубинецких типов	Лепная керамика пшеворско-зарубинецких типов	Примежение камня в трупопожжениях	Кости птиц в трупопожжениях
Августиновка	× *	—	—	—	—	—	1	—
Балцаты I	—	—	—	—	—	—	1	—
Балцаты II	—	—	—	—	—	—	1	—
Бережашка	1	—	—	—	—	—	—	—
Бовшев II	—	—	—	×	—	×	—	—
Будешты	—	—	—	6	—	1	—	—
Вилы Ярузские	—	×	—	—	—	—	—	—
Войсковое	×	—	—	—	—	—	×	×
Волошское	—	—	—	1	—	—	—	—
Гавриловка	×	×	1	6	—	2	1	—
Городница	—	—	—	×	—	—	—	—
Гурбинцы	—	×	×	—	—	—	—	—
Демьянов II	—	—	—	×	—	×	—	—
Завадовка	×	—	—	—	—	—	—	—
Жовнин	—	—	3	—	—	—	—	—
Жуковка	—	—	—	—	1	—	—	—
Журовка	—	—	—	4	—	1	—	—
Индепенденца	×	—	—	—	—	—	—	—
Каборга	×	—	—	—	—	—	—	—
Каменка	—	—	—	1	—	2	—	—
Каптемировка	—	×	—	—	—	—	—	—
Комаров	—	—	—	2	1	—	—	—
Компанийцы	×	—	307	9	2	2	—	—
Комрат	—	—	—	1	—	—	—	—
Косаново	×	—	68	5	2	3	1	—
Лецкани	×	—	—	—	—	—	—	—
Ломоватое	—	—	—	3	1	—	—	—
Лохвица	×	×	×	—	—	—	—	—
Маслово	—	—	—	—	—	1	—	×
Неслухов	—	—	—	×	—	—	—	—
Повоалександровка	—	—	—	—	1	—	—	×
Повоселовка	—	—	5	—	—	—	—	—
Олтени	×	—	—	—	—	—	—	×
Переяславль Хмельницкий	×	—	×	—	—	—	—	—
Писаревка	—	—	43	—	—	—	—	—
Привольное	×	—	—	—	1	1	1	—
Пряжев	—	—	—	1	—	—	—	—
Раковец	×	—	—	2	—	—	—	—

* × — песчолько.

Таблица 8 (окончание)

Могильник	Ишеворские особенности обряда	Зарубиенские особенности обряда	Расеянные погребения	Ленная керамика пшеворских типов	Ленная керамика зарубиенских типов	Ленная керамика пшеворско-зарубиенских типов	Применение керамики в трупосожжениях	Кости птиц в трупосожжениях
Рипнев II	—	—	—	×	—	×	—	—
Ромашки	—	×	—	—	—	—	—	×
Рыжевка	—	—	—	2	—	—	—	—
Спанцов	×	—	—	×	—	—	—	×
Сухостав	—	—	—	1	—	—	—	—
Сынтана-де-Муреш	—	—	—	1	—	—	—	—
Тыргшор	×	—	—	×	—	—	—	×
Усенка	—	—	×	—	1	—	—	—
Устье	—	—	—	—	—	—	1	—
Федоровка	—	—	—	—	—	—	1	—
Хэрэшти	×	—	—	—	—	—	—	—
Черепин	—	—	—	3	1	—	—	—
Черняхов	—	—	1	2	—	2	—	—

мною Среднеднепровским регионом⁸¹. На западе он простирается по лесостепи через среднее и верхнее течение Южного Буга до областей Верхнего Поднестровья. Может быть, целесообразнее называть этот регион Подольско-Днепровским. Помимо концентрации ишеворских, а также зарубиенских особенностей, эта область черняховского ареала характеризуется и другими специфическими особенностями (рис. 18).

Погребения по обряду трупосожжения, как известно, встречаются на всей черняховской территории, по процент их в различных ее районах далеко не одинаков. Подольско-Днепровский регион выделяется многочисленностью трупосожжений. Здесь немало могильников, в которых захоронения по обряду кремации количественно преобладают над ингумированными погребениями. Так, в Масловском могильнике трупосожжения составляют около 70% всех исследованных захоронений, в Писаревском — 78, в Компаниевском — свыше 90, в Каменском — около 90 и т. п. Вне этого региона погребения по обряду кремации, как правило, сравнительно немногочисленны.

Наряду с меридиопально ориентированными труположениями в черняховских могильниках встречаются погребенные, обращенные головами на запад. Доля последних среди черняховских труположений неодинакова в различных районах. Подольско-Днепровский регион характеризуется наибольшим распространением труположений с западной ориентировкой. Только здесь известны могильники, в которых такие труполо-

⁸¹ Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднестровья. — СА. 1972, № 4, с. 122—125.

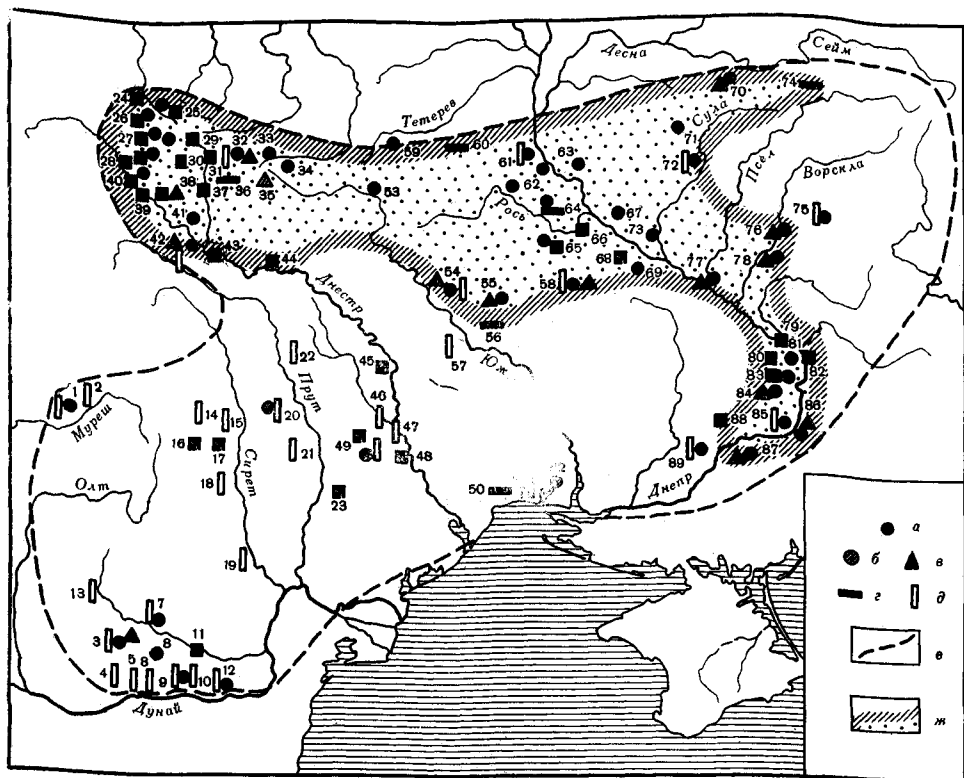

Рис. 17. Подольско-Днепропровский регион черняховской культуры

а — памятники с пшеворско-зарубинецкими особенностями; б — поселения с углубленными жилищами; в — могильники, в которых преобладают трупосожжения; г — могильники, в которых среди труположений господствует западная ориентировка; д — могильники, в которых господствуют меридионально ориентированные труположения; е — общал граница черняховской культуры; ж — приблизительные границы Подольско-Днепропровского региона

1 — Сынтана-де-Муреш; 2 — Тыргу-Муреш; 3 — Олтепи; 4 — Изворул; 5 — Ойнак; 6 — Какалец; 7 — Тыргшор; 8 — Харэшти; 9 — Спапцов; 10 — Одобеску; 11 — Страулешти; 12 — Индепенденца; 13 — Могошани; 14 — Извоар; 15 — Эрбицени; 16 — Костиша-Мяноца; 17 — Куртеа; 18 — Петрис; 19 — Лунка; 20 — Лецкани; 21 — Богдянешти; 22 — Малаешты; 23 — Комрат; 24 — Купче; 25 — Неслухов; 26 — Черепин; 27 — Рипнев II и III; 28 — Демьянов II и III; 29 — Ракобуты; 30 — Чижикив; 31 — Верхний Иванов; 32 — Раковец; 33 — Бережанка; 34 — Сухостав; 35 — Подволочиск; 36 — Романово Село; 37 — Нутятинцы; 38 — Теревовля; 39 — Коростовичи; 40 — Бовшев II и III; 41 — Городица; 42 — Островец; 43 — Незвиско; 44 — Лука Врублевская; 45 — Солончены; 46 — Балцаты 1; 47 — Балцаты 2; 48 — Делакзу; 49 — Будешты; 50 — Ранжеево; 51 — Коблево; 52 — Каборга; 53 — Вилы Ярузские; 54 — Косаново; 55 — Рыжевка; 56 — Данилова Балка; 57 — Кринички; 58 — Маслово; 59 — Пряжев; 60 — Дедовщина; 61 — Деревянное; 62 — Черилхов; 63 — Переяславль Хмельницкий; 64 — Ромашки; 65 — Журовка; 66 — Червоная Слобода; 67 — Новочиньское; 68 — Ломоватое; 69 — Завадовка; 70 — Успенка

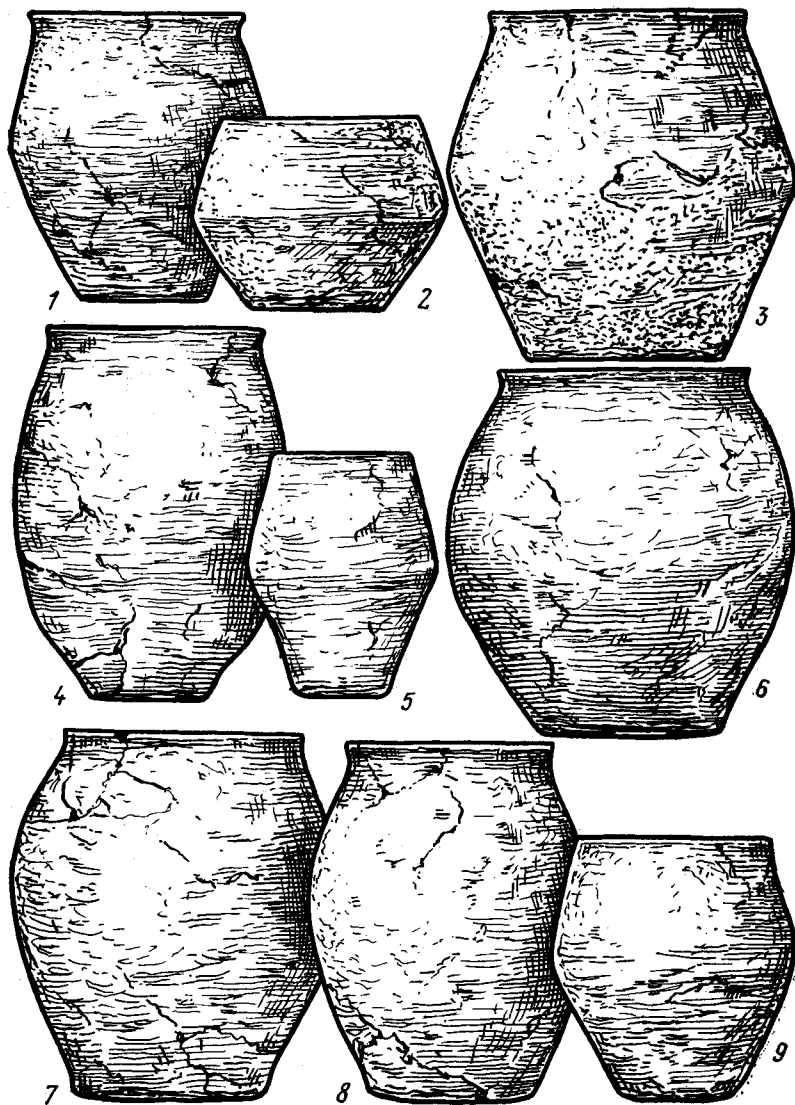

Рис. 18. Лепная керамика чернязовской культуры

1, 8, 9 — Бовшев; 2 — Лохвица; 3, 5 — Компанийцы; 6 — Гавриловка; 7 — Ракобуты

ложения преобладают над меридиональными. Вне Подольско-Днепровского региона, наоборот, господствуют могильники со значительным преобладанием меридионально ориентированных труположений (например, в Малаештах они составляют 88%, в Будештах — 74, Сынтана-де-Муреш — 86, Коблево — 70, Лецкани — 84, Тыргшор, Изворула, Индепенденца — около 100 и т. д.).

Еще одна весьма специфическая этнографическая особенность — жилища-полуземлянки — выделяет Подольско-Днепровский регион черняховской культуры. Черняховское домостроительство, очень разнотипное, отражает сложность этнической структуры населения. На поселениях этой культуры открыты и исследованы и простые наземные жилища деревянной конструкции, и жилища с каменными стенами, и большие многокамерные дома, и углубленные постройки — землянки и полуземлянки.

Черняховские углубленные жилища очень разнохарактерны по всем деталям — форме, размерам, интерьеру. Эта разнотипность, по-видимому, объясняется тем, что постройки не появились в черняховском ареале в готовом виде. Углубленные жилые постройки здесь, очевидно, были новообразованием. Но среди многих типов углубленных жилищ в черняховское время вырабатывается и получает распространение квадратная в плане полуземлянка с нечью или каменным очагом в одном из углов, сопоставимая по всем деталям со славянскими полуземлянками второй половины I тысячелетия н. э.

Такие сформировавшиеся полуземлянки с нечью или очагом в углу открыты на некоторых черняховских поселениях, в том числе в Ракобутах⁸², Черепине, Демьянове, Рипневе и Бовшеве⁸³.

Полуземляночные жилища изредка встречаются на черняховских поселениях и за пределами Подольско-Днепровского региона. Однако там они остаются сравнительно редким исключением, в то время как в Подольско-Днепровском регионе полуземлянки иногда являются господствующей формой жилища, а на некоторых поселениях (например, в Демьянове и Черепине) — единственной формой домостроительства⁸⁴.

Таким образом, можно думать, что основную массу населения Подольско-Днепровского региона черняховской культуры составили потомки местных ираноязычных племен и славяне — носители пшеворской и зарубинецкой культур. Поскольку скифо-сарматское культурное наследие здесь отходит на второй план, пужно полагать, что местное иранское население постепенно было ассимилировано славянами. Об этом свидетельствуют и значительное число могильников с преобладанием захоронений по обряду трупосожжения, и устойчивое сохранение пшеворских особенностей в черняховской обрядности. Очень вероятно, что распространение здесь трупоположений с западной ориентировкой отражает тот же ассимиляционный процесс. Судя по материалам Гавриловского могильника, каких-либо различий в антропологическом строении между северными и западными черняховскими трупоположениями не наблюдается⁸⁵. Поэтому не исключено, что погребенные, обращенные головой к западу, были

⁸² Баран В. Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. — МИА, № 116, 1964, с. 250.

⁸³ Баран В. Д. Поселения перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961, с. 28—49; *он же*. Намятники черняховской культуры бассейна Западного Буга, с. 214—250; Baran V. D. Siedlungen der Chernjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr. — Zeitschrift für Archäologie, 1973, N 1, S. 30—40.

⁸⁴ Вместе с тем в Подольско-Днепровском регионе бытовали и иные типы жилых построек, свидетельствующие о племенной неоднородности населения.

⁸⁵ Кондукторова Т. С. Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской обл. — Советская антропология, 1958, № 2, с. 76.

потомками скифо-сарматского населения, вовлеченного в процесс ассимиляции или уже ассимилированного.

Кроме значительности пшеворских и зарубинецких элементов в культурной характеристике Подольско-Днепровского региона черняховской культуры, о славянской принадлежности его населения можно судить по памятникам V—VII вв. Два существеннейших этнографических признака — лепная керамika и домостроительство — генетически связывают памятники этого региона с достоверно славянскими древностями третьей четверти I тысячелетия н. э. Как будет показано ниже, одна из славянских диалектно-племенных группировок V—VII вв. явилась наследницей населения Подольско-Днепровского региона черняховской культуры.

В отличие от славян Повисленья, славянское население Подольско-Днепровского региона черняховской культуры сформировалось в условиях тесного славяно-иранского взаимодействия. Славяне черняховской культуры — это не только потомки пшеворских и зарубинецких племен, но и ассимилированное скифо-сарматское население.

Необходимо отметить, что процесс славянизации населения в Подольско-Днепровском регионе протекал в сложных условиях и окончательно не завершился. Паряду со славянами и потомками скифо-сарматов здесь, вероятно, обитало и иноэтничное население, о чем свидетельствуют и обнаруживаемые здесь элементы восточнономорско-мазовецкой культуры, и открытые раскопками «большие дома», имеющие аналогии в германском мире⁸⁶.

В истории славяно-иранских языковых и культурных отношений выявляется период, характеризующийся очень значительным воздействием иранского населения на одну из групп славян. Это воздействие охватывает не весь славянский мир, а только юго-восточную часть его. Ироявляется иранское влияние и в языковых материалах, и во многих элементах материальной и духовной культуры славян.

Исследователи давно обратили внимание на иранское происхождение восточнославянских языческих богов Хорса и Симаргла. В. И. Абаев убедительно показал, что эти боги имеют скифо-сарматское начало и должны рассматриваться как заимствованные от иранского населения Северного Причерноморья⁸⁷. Тот же исследователь отметил, что украинский Вий этимологически и семантически восходит к иранскому богу ветра, войны, мести и смерти (скифский *Vauhka-sūra*, пазванный Геродотом)⁸⁸. Обнаруживаются также семантические и этимологические параллели между восточнославянским божеством Родом и осетинским *Naf* (Род)⁸⁹. В языческом пантеоне западных славян божества иранского происхождения неизвестны. Усвоение и переработка частью славянского мира наследия иран-

⁸⁶ Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. — СЭ, 1962, № 3, с. 121—138; Тиханова М. А. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. — КСИА, 121, 1970, с. 89—94.

⁸⁷ Абаев В. И. Скифо-европейские изогlossы. М., 1965, с. 115—117.

⁸⁸ Абаев В. И. Дохристианская религия алан. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 5—7.

⁸⁹ Абаев В. И. Скифо-европейские изогlossы, с. 110, 111.

ской солярной мифологии отражены в митраистских заимствованиях в христианской религии⁹⁰.

Среди русских вождей, подписавших в X в. договор с Византией, были лица с именами иранского происхождения — Сфангдръ, Прастень, Истръ, Фрастенъ, Фуръстепъ и др.⁹¹. Бесспорные иранизмы имеются и в этнонимии юго-восточной части славянского мира. Хорваты, север и, вероятно, русь — этнонимы иранского происхождения⁹². Иранское наследие проявляется и в древнерусской культуре⁹³.

Следы иранского воздействия на юго-восточную часть славянства обнаруживаются в материалах лексики⁹⁴. Очень важно, что оно проявляется в фонетике и грамматике. В. И. Абаев показал, что изменение взрывного *g*, свойственного праславянскому языку, в задненёбный фрикативный *ɣ(h)* произошло в ряде славянских языков в условиях скифо-сарматского воздействия. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждает, что в формировании южной части восточного славянства (будущие украинские и южпорусские говоры) участвовал скифо-сарматский субстрат⁹⁵.

Тот же исследователь допускает, что результатом скифо-сарматского воздействия были появление в восточнославянском языке генетива-аккузива и близость восточнославянского с осетинским в нерфектирующей функции превербов⁹⁶. В. Н. Топоров объясняет беспредложный локатив-датив в славянском языке воздействием иранцев⁹⁷. Эти фонетические и грамматические изменения в славянском языке являются региональными и не могут быть отнесены слишком далеко в глубь праславянской истории.

Количество иранских параллелей в языке, культуре и религии славян настолько значительно, что в научной литературе поставлен вопрос о славяно-иранском симбиозе, имевшем место в истории славянства. Очевидно, это историческое явление затронуло лишь часть славянского мира и часть иранских племен. В этот период, нужно допустить, славяне и иранцы жили на одной территории, смешивались между собой, и в результате ираноязычное население оказалось ассимилированным.

⁹⁰ Делеков Л. А. О некоторых иранских элементах в искусстве древней Руси.— В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 183—190; *он же*. К реконструкции раннеславянской мифологической системы.— Советское славяноведение, 1973, № 1, с. 52—59.

⁹¹ Kalmykov A. Iranians and Slavs in South Russia.— Journal of the American Oriental Society, 45, 1925, p. 68—71.

⁹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 262; Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений.— В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 32; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 130, 131.

⁹³ Рыбаков В. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 99—112.

⁹⁴ Трубачев О. П. Из славяно-иранских лексических отношений, с. 3—81.

⁹⁵ Абаев В. И. О происхождении фонемы *ɣ(h)* в славянском языке.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 115—121.

⁹⁶ Абаев В. И. Превербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 90—99.

⁹⁷ Топоров В. Н. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса.— Краткие сообщения Института славяноведения, 28, 1960, с. 3—11.

География различных элементов иранского воздействия на славян падежно локализует славяно-иранский симбиоз в Северном Причерноморье, где обнаруживается плотная концентрация иранизмов и где ираноязычное население жило длительное время. Упомянутые культурно-языковые явления, отражающие славяно-иранское взаимодействие, не предоставляют возможности для его абсолютной хронологии. Однако очевидно, что рассматриваемый исторический процесс начался на несколько столетий раньше, чем произошло заселение славянами подунайских областей, поскольку иранское влияние коснулось славянского населения и этой территории. Если известно, что славяне начали освоение Подунавья в VI столетии, то славяно-иранский симбиоз должен быть датирован первой половиной I тысячелетия н. э. Таким образом, мы приходим к тому же выводу, который был получен на чисто археологических материалах: славяно-иранский симбиоз имел место в черняховской культуре.

Ираноязычное население, занимая уже относительно небольшой регион, жило в северопричерноморских землях и во второй половине I тысячелетия н. э. Не исключено, что отдельные культурные и лексические иранизмы проникли к славянам в то время. Однако в целом славяно-иранский симбиоз ко второй половине I тысячелетия н. э. отнести невозможно. В это время имели место лишь локальные пограничные контакты между отдельными славянскими племенами и остатками ираноязычного населения. Славяно-иранский симбиоз ни в коем случае не является результатом таких маргинальных контактов. В истории славянства был период глубокого внутрирегионального взаимодействия, охватившего почти половину славянского мира.

Известно и племенное название славянской группировки, сформировавшейся при активном участии иранского этнического компонента. Это — анты, упоминаемые византийскими историками и Иорданом в основном в связи с историческими событиями VI в. Иордан рассказывает об антах и в связи с событиями IV в.⁹⁸

Интересно, что этноним анты имеет скорее всего иранское происхождение. Предположение об этом было высказано учеными еще в конце прошлого столетия⁹⁹. Его разделял М. Фасмер и отстаивали многие исследователи. «Из всех существующих гипотез, как кажется, более вероятной, — отмечает в этой связи Ф. П. Филин, — является гипотеза об иранском происхождении слова „анты“: др. индийское *antas* ‘конец, край’, *antyas* ‘находящийся на краю’, осетин. *ätt'iyä* ‘задний, позади’. Если бы это предположение оказалось правильным, то в таком случае значение слова „анты“ было бы „живущие на Украине, пограничные жители“¹⁰⁰. Антами, но-видимому, были названы ираноязычным населением Северного Причерноморья славянские племена, расселившиеся на юго-восточной окраине славянского мира и находившиеся в тесном контакте со скифо-сарматами.

⁹⁸ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М., 1960, с. 115.

⁹⁹ Hübschmann H. *Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*. Straßburg, 1887, S. 21; Uhlenbeck C. C. *Kurzgefaßten etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache*. Amsterdam, 1898—1899, S. 8.

¹⁰⁰ Филин Ф. П. *Образование языка восточных славян*. М., 1962, с. 60.

Славяне в V—VII столетиях

Славянские древности ранневизантийского периода известны на обширнейших пространствах Средней и Восточной Европы, от Днепра на востоке до Эльбы на западе и от южного побережья Балтийского моря на севере до Балканского полуострова на юге. Их анализ показывает, что самыми существенными этнографическими признаками славян того времени были лепная керамика, домостроительство и погребальный обряд. Именно форма и прочие элементы лепных сосудов отчетливо выделяют славянские древности VI—VII вв. среди синхронных соседних — германских, балтских, тюркских, фракийских и др. Очень характерными для славян являются и полуземляночные жилища со специфическим интерьером. Распространенные в Европе одновременно с ними полуземлянки с печью-очагом, занимавшей срединное положение, или с центральным оноврым столбом, или округло-овальные в плане заметно отличаются от славянских.

Для изучения раннесредневековой славянской керамики большое значение имела работа чешского археолога И. Борковского¹. В ней были описаны и систематизированы в основном лепные сосуды середины I тысячелетия н. э. из славянских намятников Чехословакии. Но исследователь отметил, что аналогичная керамика известна и на территории Польши и Германии. Славянскую лепную посуду этого времени И. Борковский предложил называть пражской, полагая, что она имела автохтонное развитие из культуры полей погребальных урн и кельтской.

После окончания Второй мировой войны начался период бурного накопления материалов. Славянские намятники VI—VII вв. в огромном количестве были выявлены на обширной территории, в том числе в нашей стране. Во многих местах произведены раскопчные исследования. О результатах этих работ написаны сотни статей и публикаций. В последние годы появились и региональные обобщения, в которых значительное место, как правило, занимает характеристика керамического материала.

Обобщающие работы по раннесредневековым славянским древностям по отдельным регионам юго-западной части СССР принадлежат И. П. Русановой (Припятское Полесье)², В. Д. Барану (Волынь и Верхнее По-

¹ *Borkovský I. Staroslovanská keramika ve střední Evropě. Studie k počátkům slovanské kultury. Praha, 1940.*

² *Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. Е1-25, 1973.*

днестровье)³, И. А. Рафаловичу (междуречье Днестра и Прута)⁴, О. М. Приходнюку (Подолія)⁵ и Б. А. Тимошуку (Буковина)⁶.

В Польше получили характеристику пока памятники отдельных микрорегионов⁷. Лодзинский археолог И. Хазегава предпринял интересную попытку обзорной систематизации раннесредневековой керамики западнославянских областей⁸.

Исследованию славянской керамики в Мекленбурге посвятил свои работы Э. Шульдт⁹. Итоги изучения раннесредневековых славянских памятников, расположенных западнее Одера и Нысы, подведены в работе И. Херрманна¹⁰ и в книге «Славяне в Германии», подготовленной ко II Международному конгрессу славянской археологии (Берлин, 1970 г.)¹¹. Важное значение имеет издание Корпуса археологических источников по раннему средневековью ГДР¹².

Славянские древности Моравии исследовались в работах Й. Поулика¹³. Сводка славянской керамики Словакии выполнена Д. Бялековой, а пражская керамика Чехии стала объектом специального анализа И. Земана¹⁴.

К сожалению, сводной работы по раннеславянским древностям Паннонии пока нет, что затрудняет решение некоторых вопросов раннесредневековой истории славянства.

Славянские древности с территории Румынии описаны во многих публикациях¹⁵. Постоянно исследуются славянские памятники VI—VII вв. в Болгарии¹⁶.

³ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.

⁴ Рафалович И. А. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972.

⁵ Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975.

⁶ Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976.

⁷ Hilczekówna Z. Dorzeczcie górnej i środkowej Obry od VI do początków XI wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967; Łosiński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972.

⁸ Hasegawa J. Z badań nad wczesnośredniowieczną ceramiką zachodniosłowiańska. Łódź, 1973; *idem*. Chronologia i rozprzestrzenienie ceramiki typu praskiego w Europie środkowej. Łódź, 1975.

⁹ Schuldt E. Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956; *idem*. Slawische Töpferei in Mecklenburg. Schwerin, 1964.

¹⁰ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neiße und Elbe. Berlin, 1968.

¹¹ Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1970.

¹² Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert), I. Berlin, 1973.

¹³ Poulik J. Staroslovanská Morava. Praha, 1948; *idem*. Jižní Morava, země dávných slovánů. Brno, 1948—1950.

¹⁴ Bialeková D. Nové včasnoslovanské nálezy z juhozápadného Slovenska.— Slovenská archeologia, X, 1962, s. 97—148; Zeman J. Nejstarší slovanské osídlení Čech.— Památky archeologické, 1976, 1, s. 115—235.

¹⁵ Comşa M. Slavii pe teritorial R.P.R. in secolele VI—IX in lumina cercetărilor arheologice.— SCIV, 1959, 1, p. 65—80; *eadem*. La pénétration des slaves dans le territoire de la Roumanie entre le VI et IX siècle à la lumière des recherches archéologiques.— Slavia antiqua, VII, 1960, p. 175—188; *eadem*. Contributions à la question de la pénétration des Slaves au sud du Danube durant les VI—VII siècles d'après quelques données archéologiques de Dobrudja.— In: I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, III. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, p. 322—330.

¹⁶ Вължарова Ж. Н. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от

Из трех этнографических признаков славянской культуры третьей четверти I тысячелетия н. э. важнейшим представляется керамика.

Научное обобщение и систематизацию всего накопленного к настоящему времени керамического материала славян третьей четверти I тысячелетия н. э. следует считать первоочередной необходимостью. Первый шаг в этом направлении был сделан румынской исследовательницей М. Комшей. В докладе на VII международном конгрессе предысторических и протоисторических наук ею был сделан краткий обзор керамических форм, распространенных на славянской территории в VI—VII и в VIII—IX вв.¹⁷

Единственным критерием для определения керамического материала VI—VII вв. как славянского является генетическая преемственность этой посуды с более поздней средневековой керамикой, славянская принадлежность которой несомненна. Именно таким образом определены группы и типы славянской керамики в предлагаемой ниже классификации.

Отнесение к славянской керамике всех форм глиняной посуды, обнаруженной при раскопках памятников, атрибутированных исследователями в качестве славянских, нельзя считать правомерным. Во-первых, этническое определение многих раннесредневековых памятников часто бывает спорным. Так, одни археологи утверждают, что днепровские древности типа Колочина являются славянскими, другие относят их к балтскому населению, или одни исследователи полагают, что среди захоронений в среднедунайских могильниках аварского времени имеется немало славянских, другие отрицают это. Во-вторых, многие раннесредневековые памятники оставлены населением, в этническом отношении смешанным. На таких памятниках обычно присутствует разнотипная керамика. Поэтому для выделения среди керамической массы собственно славянских форм посуды должны быть строгие критерии — преемственность с достоверно славянской керамикой более поздней поры.

Несомненно ошибочна мысль о монолитности славянской керамики VI—VII вв.¹⁸ Она навеяна тем, что в то время славяне еще пользовались общим праславянским языком, и не обнаруживает каких-либо подтверждающих фактов в материалах археологии. Между тем и языковые данные не позволяют говорить о монолитности славянства в третьей четверти I тысячелетия н. э.

края на VI—XI век. София, 1965; *Vážarova Z.* Slaven und Protobulgaren auf Grund archäologischer Quellen.— *Zeitschrift für Archäologie*, 1971, 2, S. 266—288; *Vážarova Ж.* Селища и некрополи (края на VI—XI в.) — *Археология*, 1974, № 3, с. 9—27; она же. Славяни и варабългари по данни на некрополите от VI—XI в. на територията на България. София, 1976.

¹⁷ *Comşa M.* Quelques problèmes concernant l'unité et les variantes régionales de la civilisation slave aux VI—X siècles.— In: *Actes du VIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*, 2. Praha, 1971, p. 1111—1116.

¹⁸ *Ляпушкин И. И.* К вопросу о культурном единстве славян.— В кн.: *Исследования по археологии СССР*. Л., 1961, с. 203—209; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. В последней работе многие выводы являются результатом недооценки средневропейской археологической литературы.

Праславянский язык в то время уже дифференцировался на диалекты, и членение это было довольно глубоким.

Предлагаемая классификация славянской керамики VI—VII вв. основана исключительно на целых сосудах. Фрагментарные материалы, как показала работа над керамикой в музеях и научных учреждениях, иногда приводят к ошибочным результатам, поэтому на первой стадии керамической классификации они не могут быть использованы. Всего удалось собрать в археологических хранилищах, а также по публикациям более 3000 полных сосудов, которые можно считать славянскими. Этот материал вполне достаточен и надежен как для керамической классификации, так и для исторических построений на ее основе.

Первая славянская груннировка — славены древних авторов

Прежде всего выявляются две очень крупные группы славянской керамики VI—VII вв.

Первую группу составляют преимущественно высокие горшки с усеченноконическим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение их всегда приходится на верхнюю треть высоты. Орнаментация отсутствует (рис. 19).

Эту керамику впервые обстоятельно описал И. Борковский как одну из форм пражской керамики¹⁹. Ныне она известна на обширной территории от верхней Эльбы до Киевщины (рис. 20).

Один из коренных регионов распространения славянских намятников с керамикой первой группы охватывает Среднюю и Южную Польшу. Встречена эта керамика на многих поселениях и в погребениях. Наиболее полно исследованы и опубликованы поселения в Новой Гуте-Могиле под Краковом²⁰, в Шелитах близ Плоцка²¹, в окрестностях Брущева Косьмянского новята²², в Бониково того же новята²³ и в меньшей степени некоторые другие. Известны и могильники с лепной керамикой этой

¹⁹ В отличие от И. Борковского и других западнославянских исследователей, И. П. Русанова называет пражской только эту группу лепной керамики (*Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв.*), что нельзя считать оправданным. По-видимому, вслед за румынскими археологами правильнее именовать рассматриваемую керамическую группу VI—VII вв. пражско-корчакской.

²⁰ *Hachulska-Ledwoś R. Wczesnośredniowieczna osada w Nowej Hucie-Mogile.*— In: *Materiały archeologiczne Nowej Huty*, III. Kraków, 1971.

²¹ *Szymański W. Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowieczna.* Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967.

²² *Jasnosz S. Z problematyki badań wczesnośredniowiecznych osad otwartych na podstawie wykopalisk w Bruszczewie, pow. Kościan.*— In: *Fontes archaeologici Posnanienses*, XIV, 1963, s. 198—206; *idem.* Wstępne badania wykopaliskowe na wczesnośredniowiecznym grodzisku w Bruszczewie w pow. kościańskim.— *Przegląd archeologiczny*, 16, 1964, s. 162—173; *idem.* Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy w Bruszczewie, pow. Kościan.— *Fontes archaeologici Posnanienses*, XXII, 1972, s. 30—59.

²³ *Hołowińska Z. Wczesnośredniowieczne grodzisko w Bonikowie w pow. kościańskim.* Poznań, 1956.

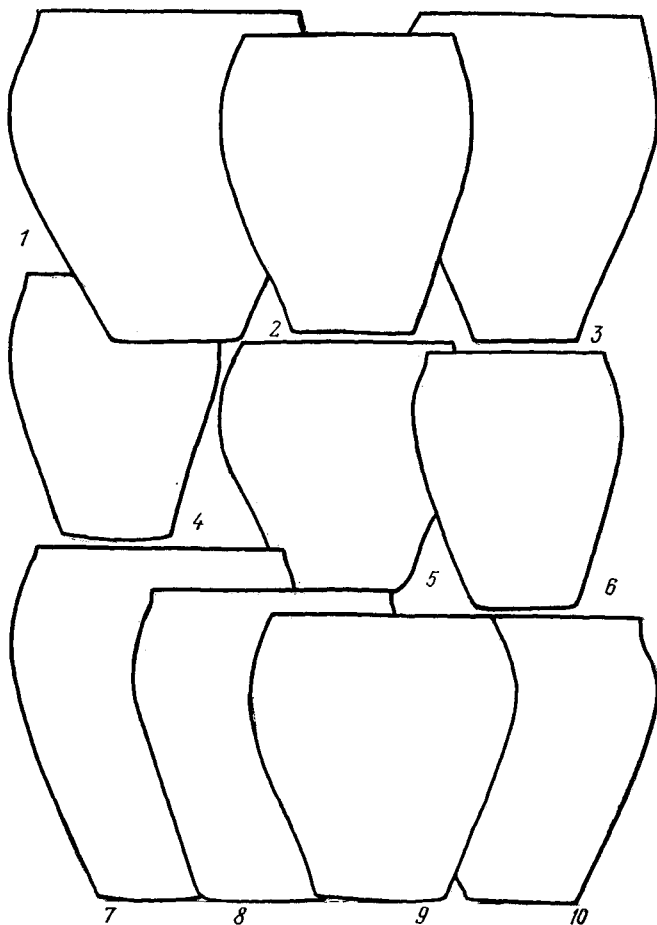

Рис. 19. Славянская керамика V—VII вв. первой группы (пражско-корчакская)

1 — Зялашуры; 2 — Бржезно; 3 — Рыннев; 4 — Корчак IX; 5 — Семице; 6 — Нова Гута-Могила; 7 — Мала-под-Гроном; 8 — Шелиги; 9 — Тетеревка; 10 — Дессау-Мозискау

группы²⁴. Это открытые случайно единичные грунтовые захоронения по обряду трупосожжения. Остатки кремации в них помещены в глиняные урны, изредка — непосредственно в ямки. Однако было бы преждевременно делать на этом основании вывод о распространенности в славянских могильниках третьей четверти I тысячелетия н. э. урновых погребений.

²⁴ Bernat W. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w miejscowości Międzyborów, pow. Grodzisk Mazowiecki.— WA, XXII, 1, 1955, s. 81, 82; Rauhut L. Wczesnośredniowieczny grób ciałopalny ze wsi Nieporęt, pow. Wołomin.— WA, XXIV, 4, 1957, s. 382, 383.

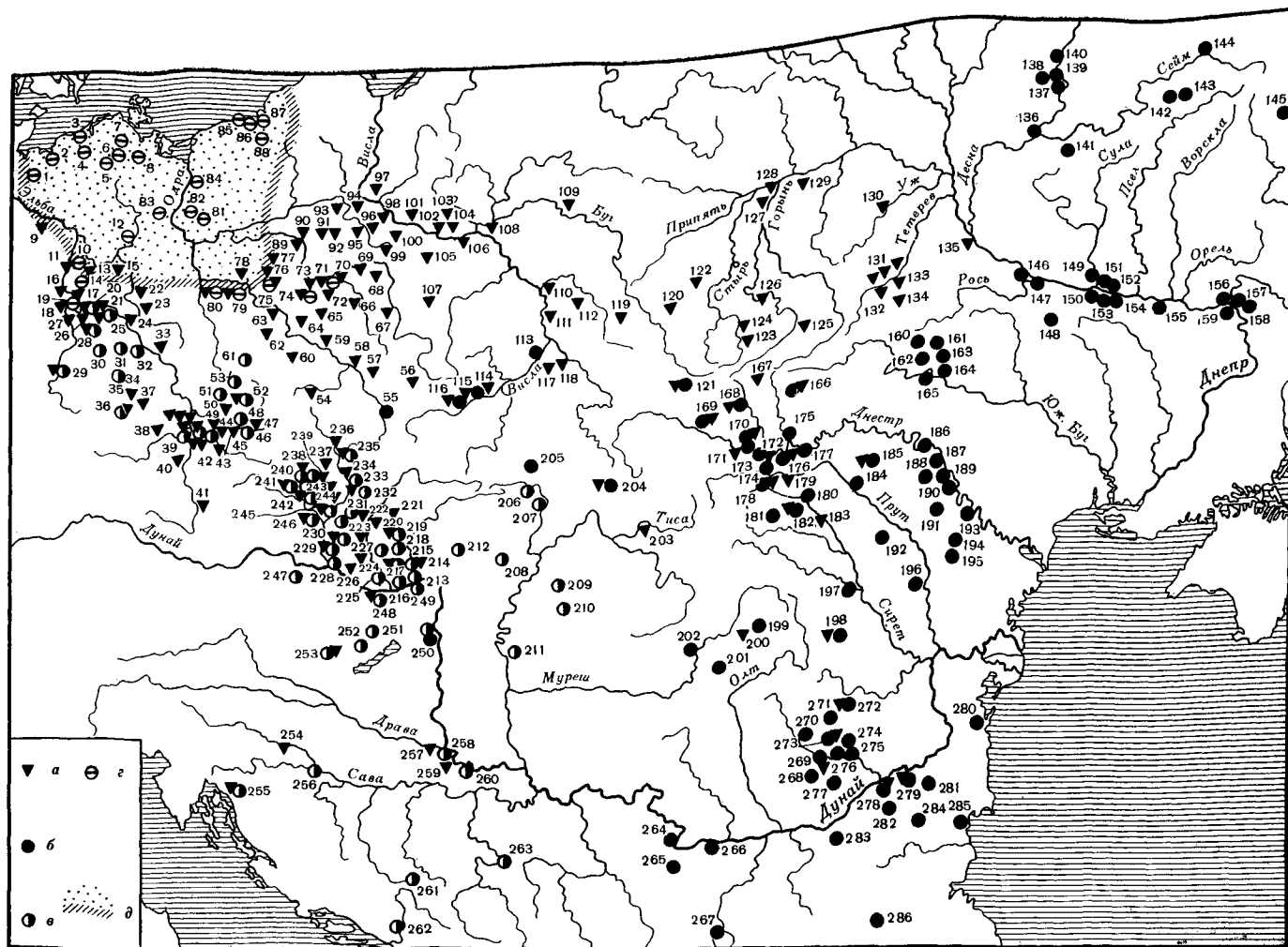

Рис. 20. Славянские памятники V—VII вв.

а — с сосудами первой (пражско-корчакской) группы;

б — с сосудами второй (пражско-пеньковской) группы;

в — с керамикой, происходящей от сосудов второй группы;

а — с сосудами суковского, «неорнаментированного» и дзедзицкого типов;
 б — ареал керамики последних типов, восстанавливаемый по распространению фрагментов
 1 — Грамонсхаген; 2 — Вентшов; 3 — Шульде; 4 — Мюленгеер; 5 — Суков; 6 — Кляйн Марков; 7 — Гяелов; 8 — Гёрне; 9 — Ребелсторф; 10 — Кольвиг; 11 — Хохензедед; 12 — Леегебрух; 13 — Нпрютке; 14 — Ниегрипп; 15 — Захов; 16 — Кенигсборп; 17 — Шартау; 18 — Штеутц; 19 — Менз; 20 — Дессау-Мозикау; 21 — Мершвитц; 22 — Миттенвальде; 23 — Торнов с окрестными поселениями; 24 — Нюнхритц; 25 — Заузелдиг; 26 — Гренцин; 27 — Эддеритц; 28 — Гросс Зеберитц; 29 — Вад Дорренберг; 30 — Заушвитц; 31 — Дюррвайтцен; 32 — Хефген; 33 — Дрезден-Штетт; 34 — Чагвигт; 35—39 — Прага (Градчане, Лоретанская площадь, Бубенец, Подбабе, Либен, Малые Чичовиде и др.); 40 — Завист; 41 — Черный Уезд; 42 — Пржеров; 43 — Либчице; 44 — Жданице; 45 — Старе Коуржим; 46 — Грабешин; 47 — Пляняны; 48 — Пржистоупиме; 49 — Семице; 50 — Пнев-Пржедграды; 51 — Бойетице; 52 — Клуи; 53 — Вржесник; 54 — Хвалкув; 55 — Ратиборц; 56 — Семено-Подмльне; 57 — Ополе-Закжув; 58 — Хорула; 59 — Вроцлав-Злотник; 60 — Ситно; 61 — Доманевиде; 62 — Жуковиде; 63 — Гостын; 64 — Челадец Велька; 65 — Грабонг; 66 — Куша; 67 — Бурденин; 68 — Болещин; 69 — Конин Новы; 70 — Седлемпи; 71 — Житовецко; 72 — Далешин; 73 — Виногура; 74 — Брущево; 75 — Бониково; 76 — Бортовый Млын; 77 — Котово; 78 — Кленца; 79 — Нолупин; 80 — Осечница; 81 — Дзедзицы; 82 — Дерчево; 83 — Мюров; 84 — Щецин-Кжеково; 85 — Колобжег; 86 — Барды; 87 — Кенджыно; 88 — Голанч Поморский; 89 — Позпаны;

90 — Рудки; 91 — Острув Ледницки; 92 — Дзекановиде; 93 — Вискупия; 94 — Крушвица; 95 — Северск; 96 — Поляновиде; 97 — Любич; 98 — Новины; 99 — Радзейув; 100 — Кулява; 101 — Гродня; 102 — Шелиги; 103 — Цепаново; 104 — Слупино; 105 — Тум-Биташевиде; 106 — Мендзборув; 107 — Барковиде Мокре; 108 — Непорент; 109 — Дрогичин; 110 — Лаз Стопки; 111 — Ходлик; 112 — Люблип-Чвартек; 113 — Тжебеславиде; 114 — Злотники; 115 — Иголомья; 116 — Нова Гута-Могила; 117 — Бахуж; 118 — Писко; 119 — Липско; 120 — Зимно; 121 — Рипнев; 122 — Подрижье; 123 — Лица; 124 — Костенец; 125 — Климентовиде; 126 — Зозив; 127 — Хотомель; 128 — Хорск; 129 — Семурадцы; 130 — Селец; 131 — Корчак I, VII и IX; 132 — Тетевека; 133 — Шумск; 134 — Лука Райковецкая; 135 — Киев; 136 — Сосница; 137 — Заярь; 138 — Левкин Бугор; 139 — Лавриков Лес; 140 — Колодезный Бугор; 141 — Коногон; 142 — Замощаны; 143 — Княжий; 144 — Лебяжье; 145 — Дмитровка; 146 — Канев; 147 — Крещатик; 148 — Пастырское; 149 — Жовнин; 150 — Степовка; 151 — Большая Андрусовка; 152 — Макаров Остров; 153 — Луг I; 154 — Луг II; 155 — Дериевка; 156 — Яцева Балка; 157 — Игрень; 158 — Кизлевой; 159 — Волошское; 160 — Голики; 161 — Кальник; 162 — Самчицы; 163 — Кочура; 164 — Скибницы; 165 — Семенки; 166 — Городок; 167 — Лубянка; 168 — Звизяч I и II; 169 — Бовшев; 170 — Зеленый Гай; 171 — Городница; 172 — Нерыбовцы; 173 — Вильховцы; 174 — Задубровка; 175 — Бакота; 176 — Рашков; 177 — Чепоноссы; 178 — Глыбокое; 179 — Кодын; 180 — Фундул Хертей; 181 — Батошана; 182 — Шпигот-Сучава; 183 — Руши-Манствоара; 184 — Старые Малаешты; 185 — Хуча; 186 — Алчедар; 187 — Лопатпа; 188 — Селиште; 189 —

Бранешты; 190 — Снок; 191 — Реча; 192 — Яссы (Круца луй Ферентц); 193 — Кобуска Веке; 194 — Ханска; 195 — Костешты; 196 — Фэлциу-Васлуи; 197 — Цуртеа Домнеасца-Вакэу; 198 — Чернат; 199 — Бэвид; 200 — Зялашури; 201 — Поян; 202 — Ношлак; 203 — Дяково; 204 — Ужгород; 205 — Прешов; 206 — Граничанри-Горпаде; 207 — Сеяя; 208 — Арс; 209 — Дбречен; 210 — Карос; 211 — Спентес; 212 — Желовце; 213 — Штурово; 214 — Мала-над-Гроном; 215 — Бешенев; 216 — Вирт; 217 — Питранский Градок; 218 — Нитра; 219 — Бычаны-Опатовце; 220 — Вельке Гости; 221 — Брезолупы; 222 — Потворице; 223 — Силадице; 224 — Матушково; 225 — Голиар; 226 — Вайноры; 227 — Кошуты; 228 — Загорска Быстрица; 229 — Девинска Нова Вель; 230 — Стунава; 231 — Гбелы; 232 — Скалица; 233 — Злехов; 234 — Старе Место; 235 — Блатец; 236 — Слатинки; 237 — Биловице; 238 — Брно; 239 — Велатиче; 240 — Брно (нодол); 241 — Пржидлуки; 242 — Вржеслав; 243 — Мунетице; 244 — Миккульчице; 245 — Ланжхот; 246 — Поганьско; 247 — Мюнхендорф; 248 — Оросиланы; 249 — Палисмарот-Башахаре; 250 — Дунауйварош; 251 — Баконькопнаны; 252 — Айка; 253 — Покасенек; 254 — Петровина; 255 — Вакар; 256 — Сисак; 257 — Осиек; 258 — Сарваш; 259 — Бинковци; 260 — Сотия; 261 — Мушици; 262 — Нерези; 263 — Рогачица; 264 — Врев; 265 — Райновцы; 266 — Болиндрып; 267 — София; 268 — Чурелу; 269 — Кымнул-Божка-Милитаря; 270 — Дульцанна; 271 — Тыргшор; 272 — Сарата-Монтеору; 273 — Банаеаса; 274 — Стрэулешти-Лунка; 275 — Стрэулешти-Мэйценешти; 276 — Кэцелу Ноу; 277 — Илава; 278 — Гарван; 279 — Деджови Лозя; 280 — Истрия; 281 — Сребрыпа; 282 — Старое Село; 283 — Стырмен; 284 — Нлисса; 285 — Аксаково; 286 — Марица

Польские археологи на многих примерах показали эволюционное развитие описываемой группы славянской керамики в более позднюю средневековую²⁵. Большой интерес представляет определение начальной даты керамики первой группы. Ее бытование в VI столетии в настоящее время не вызывает каких-либо возражений. Имеются основания предполагать, что некоторые из поселений со славянской керамикой первой группы существовали уже в V в. Так, на поселениях в Осечнице и Раджееве в слоях вместе со славянской лепной керамикой обнаружены фрагменты серой («сивой») посуды, широко представленной в пшеворских памятниках и имеющей верхнюю дату V столетие.

Населения с аналогичной керамикой известны и в юго-западных районах СССР. В Припятском Полесье они были выявлены еще С. С. Гамченко и И. Ф. Левицким²⁶, а в последние десятилетия очень плодотворно исследовались И. П. Русановой²⁷. Ею же убедительно показано генетическое развитие более поздней славянской керамики этого региона из посуды VI—VII вв., которая здесь получила название корчакской керамики. Припятское Полесье находилось в стороне от славянских и неславянских передвижений второй половины I тысячелетия н. э., поэтому материальная культура славян развивалась здесь в спокойном русле. И. П. Русановой удалось разработать детальную хронологическую шкалу славянской керамики VI—X вв.

Как и на территории Польши, поселения славян VI—VII вв. в Полесье были небольшими и неукрепленными. Часто они занимали мыс на берегах рек, участки, ограниченные оврагами или иными естественными препятствиями. Площадь их — от 1,5 до 10 тыс. кв. м. В VI—VII вв. строятся и первые городища (Хотомель, Зимно и др.).

В Припятском Полесье известно несколько грунтовых могильников с керамикой первой группы, но они не подвергались раскопчым исследованиям. Кроме грунтовых захоронений, в этом регионе встречаются и курганные могильники с корчакской керамикой²⁸. Сожжения умерших всегда происходили на стороне. Собранные с погребальных костров кальцинированные кости помещали в курганной насыпи в ямке или кучкой и только в редких случаях собирали в глиняную урну.

Славянская керамика первой группы получила распространение также в Поднестровье, в нижнедунайских и среднедунайских землях и на верхней Эльбе. Однако, если в бассейне Вислы и в Припятском Полесье она была господствующей, а порой и единственной формой керамики VI—

²⁵ Hensel W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa, 1965, s. 281—294; Hilscherówna Z. Z badań nad genezą ceramiki wczesnośredniowiecznej.— *Archeologia Polska*, VIII, 2, 1963, s. 318—331; *eadem*. Dorzeczce górnej i środkowej Obry..., s. 50—139.

²⁶ Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья.— *КСИИМК*, 57, 1955, с. 33—38; Петров В. П. Памятники корчакского типа (по материалам раскопок С. С. Гамченко).— *МИА*, № 108, 1963, с. 16—38.

²⁷ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Занадным Бугом.

²⁸ Русанова И. П. Погребальные памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Северо-Западной Украины.— *КСИА*, 135, 1973, с. 3—9; Musianowicz K. Smentarzysko kurhanowe z VI—VIII w. w Klimentowiczach koło Szepietówki (USSR).— *WA*, XXXIX, 3, 1975, s. 325—338.

VII вв., то в более южных областях Европы наряду с глиняной посудой первой группы получили распространение и иные формы славянской керамики.

Уже в Верхнем Поднестровье вместе с керамикой первой группы широко представлена глиняная посуда второй группы, о которой речь пойдет ниже. Здесь имеются единичные поселения, содержащие исключительно керамику первой группы, но в основном эта керамика сосуществует на одних и тех же поселениях с иными формами²⁹. Такая же картина наблюдается и в Северной Буковине. На поселениях в урочище Коды в Черновицкой обл., преимущественно с керамикой первой группы, найдены две железные фибулы типа *Bügelkopffibel*, датируемые IV — первой половиной VI в.³⁰ Не исключено, что не только в повисленских памятниках, но и в Верхнем Поднестровье начальной датой славянской керамики первой группы было V столетие.

Славянская керамика первой группы встречается также на отдельных памятниках Молдовы, Мунтении и Добруджи³¹ и еще южнее — в придунайских районах Болгарии³². Основную же массу славянской керамики VI—VII вв. здесь составляют горшки второй группы. Очевидно, эти земли были освоены в основном славянами, принадлежащими иной племенной группировке. Вместе с тем в миграционном потоке славян участвовали и славяне — носители керамики первой группы, продвинувшиеся в нижнедунайские земли, очевидно, из Западнодунайского и Припятского регионов. К такому же заключению пришла и румынская исследовательница М. Комша, предпринявшая интересную попытку восстановить пути и направления славянского проникновения на территорию Румынии. Выявляются и пути расселения славянской группировки, представленной керамикой первой группы, или керамикой пражско-корчакского типа, по терминологии М. Комши. Это расселение осуществлялось через

²⁹ Лепная керамика славянских поселений VI—VII вв. Верхнего Поднестровья и Западной Волыни исследовалась в ряде работ В. Д. Барана (*Баран В. Д.* Раннеславянские памятники на Западном Буге.— *Slovenská archeológia*, 1965, № 2, с. 319—396; *он же.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 33—50). Однако его типология вынолнена по ным принципам и имеет локальное, а не общеславянское значение. Она не совместима с предлагаемой здесь классификационной группировкой всей славянской керамики третьей четверти I тысячелетия н. э.

³⁰ *Тимошук Б. О.* Слав'яни Північної Буковини V—IX ст., с. 39.

³¹ *Mitreă J.* Contribuții la cunoașterea populației locale dintre Carpați și Siret în sec. V—VI e. n.— In: *Memoria Antiquitatis*, II. Piatra-Neamț, 1970, p. 345—369, fig. 14, 3, 5; *Teodor Dan Ch.* Unele probleme privind evoluția culturii materiale din Moldova în secolele VI—X.— *Carpica*, II, 1969, p. 253—307, fig. 13, 4—6; *idem.* Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie (Moldavie).— In: *Berichte über den II Internationalen Kongress für Slavische Archäologie*, III, Berlin, 1973, p. 201—211, fig. 2; *Székely Z.* Die frühesten slawischen Siedlungen in Siebenbürgen.— *Slavia antiqua*, XVII. Warszawa — Poznań, 1970, S. 125—130, Abb. 1, 1—3; *Cercetări arheologice în București*. București, 1963, fig. 8, 27; *Комша М.* Проникновение славян на территорию Румынской народно-демократической республики и их связи с автохтонным населением.— В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, т. V. М., 1970, с. 275—287, рис. 2, 3, 4.

³² *Въжарова Ж. Н.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры.— В кн.: Славяните и средиземноморският свят VI—XI век. София, 1973, с. 239—266, рис. 2; *Въжарова Ж.* Селища и некрополи, с. 9—27, рис. 2.

верхпеднестровские области из Западной Болыни и из бассейна Тетерева³³.

Иная картина славянского расселения выясняется в среднедунайских землях и в верхней части бассейна Эльбы, т. е. на территориях Чехословакии, ГДР, Югославии, Венгрии и Австрии. Здесь вначале почти безраздельно господствуют поселения и могильники со славянской керамикой первой группы.

Такая керамика опубликована И. Борковским из различных мест территории города Праги (Лоретанская площадь, Бубенеч, Подбаба, Михле, Ливец, Велеславин, Дейвице), а также из Жданиц, Ланжхота, Планин и других³⁴. Й. Поулик исследовал и опубликовал памятники с рассматриваемой керамикой из Ланжхота, Блатеца, Биловиц, Велатиц, Пржитлук, Писарок и других пунктов Моравии³⁵. Материалы из памятников Моравии издавались также В. Грубым, З. Кланицей и другими³⁶. Обильно представлены древности, характеризующие славянскую керамикой первой группы, и на территории Словакии. Наиболее известными памятниками здесь являются Силадице, Матюшково, Потворице, Мала³⁷. Но такая керамика встречена в десятках пунктов, в том числе и в погребениях некоторых славяно-аварских могильников (например, в Девинской Новой Веси)³⁸.

Весьма успешно исследуются славянские памятники с керамикой первой группы и на территории Чехии³⁹. Особо можно выделить пла-

³³ *Comşa M.* Directions et étapes de la pénétration de Slaves vers la péninsule Balkanique aux VIe—VIIe siècles (avec un regard spécial sur le territoire de la Roumanie).— In: *Balcanoslavica*, 1. Prilep—Beograd, 1972, p. 9—28.

³⁴ *Borkovský I.* Staroslovanská keramika ve střední Evropě, tab. I, 1, 3, 4, 7—9; II, 15, 17, 22; obr. 3, 1, 3; 8, 1—3; 9, 1—4; 14, 4; *idem.* Pražský hrad v době přemyslovských knížat. Praha, 1969, obr. 5, 7.

³⁵ *Poulik J.* Staroslovanská Morava, tab. III, 1, 2; IV, 2, 4—6; V, 2, 3; VI, 1—4; obr. 2; *idem.* Jižní Morava, země dávných Slovanů, obr. 92—95; *idem.* Néropole slave à incinération de Přitluku (Moravie).— In: *Investigations archéologiques en Tchécoslovaquie*. Praha, 1966, p. 239, pl. XXVIII.

³⁶ *Hruby V.* Staré Město. Velkomoravské pohřebiště «Na valach». Praha, 1955, tab. 51, 1; *Podborský V.* Stará Břeclav, nécropole du type de Prague (Moravie).— In: *Investigations archéologiques en Tchécoslovaquie*. Praha, 1966, p. 239, tab. XXIX; *Klanica Z.* Pokus o třídění keramiky z Mikulčic.— In: *Sborník Josefu Poulíkovi k šedesátinám*. Brno, 1970, s. 103—112, tab. 6, 5.

³⁷ *Bialeková D.* Nové včasnoslávanské nálezy z juhozápadneho Slovenska.— *Slovenská archeológia*, 1962, N 1, s. 97—148; *eadem.* Osadnictwo slowiańskie nad środkowym Wagiem i górna Nitra.— *Acta archaeologica Carpathica*, IV, 1-2, 1963, s. 177—201; *Chropovský B.* Slovensko na usvite dejin. Bratislava, 1970, s. 15—25; *Dekan J.* Vývoj a stav archeologického výskumu doby predveľkomoravskej.— *Slovenská archeológia*, 1972, N 2, s. 559—577, obr. 1.

³⁸ *Eisner J.* Devínska Nová Ves. Bratislava, 1952.

³⁹ *Kudrnač J.* Vývoj slovanského osídlení mezi pražským Povltavím, Labem, Sázavou a Výrovkou.— *Památky archeologické*, 1963, 2, s. 173—220; *Zeman J.* Les débuts du peuplement Slave de la Tchécoslovaquie et le problèmes de type de Prague.— In: *Investigations archéologiques en Tchécoslovaquie*. Praha, 1966, p. 215—218; *idem.* Beginn der slawischen Besiedlung in Böhmen.— In: *Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit*. Wiesbaden, 1967, S. 3—16; *idem.* Nejstarší slovanské osídlení Čech, s. 115—235; *Веранова М., Сметанка З., Станя Ч.* Археологические исследования славянской эпохи в Чехии и в Моравии в 1966—1974 гг.— *Památky archeologické*, 1975, 1, s. 153—162.

номерные раскопки поселения Бржезно близ Лоуны, давшие интересные материалы как для истории материальной культуры славян раннего средневековья, так и для исследования славяно-германских взаимоотношений⁴⁰. Имеется опыт классификации славянской керамики Чехии⁴¹.

Славянская керамика первой группы с территории Югославии, Австрии и Венгрии немногочисленна. Югославские и австрийские ее находки описаны в работах З. Винского и Х. Митши-Мерхайм⁴². Аналогичная керамика с территории Венгрии пока не получила обобщающей характеристики, что, видимо, обусловлено отсутствием здесь памятников, содержащих исключительно славянскую посуду первой группы. Она встречается на территории Венгрии до сих пор или в могильниках лангобардов⁴³, или уже на памятниках аварского времени⁴⁴. Однако не исключено, что в дальнейшем здесь будут обнаружены и поселения с наслоениями, характеризующимися керамикой рассматриваемого типа.

Крупный вклад в изучение поселений и могильников со славянской керамикой первой группы внесли археологи ГДР. В бассейне средней Эльбы выявлены и обследованы десятки таких памятников⁴⁵. На многих из них произведены раскопочные работы, а отдельные памятники, например Дессау-Мозигкау⁴⁶, стали объектами монографических исследований.

Вопрос о том, когда и какими путями распространились славяне, оставившие керамику исследуемой группы, в среднедунайских землях и в бассейне Эльбы, не раз обсуждался в археологической литературе. Высказанное И. Ворковским мнение об автохтонном развитии пражской керамики на основе нозднелатенских древностей имеет чисто историографи-

⁴⁰ Pleinerová I. Germanische und slawische Komponenten in der altslawischen Siedlung Březno bei Louny.— *Germania*, 43, 1965, S. 121—138; *eadem*. Poznátky a problémy výzkumu v Březně.— *AR*, 1967, 5, S. 648—665; *eadem*. Zur relativen Chronologie der Keramik vom Prager Typus auf Grund der Siedlungsgrabung Březno bei Louny.— *AR*, 1968, 5, S. 645—666; *eadem*. Druhá předběžná zpráva o výzkumu sídlišť z doby stěhování národů a slovanského období v Březně.— *AR*, 1971, 6, S. 700—715.

⁴¹ Pleinerová I., Zeman J. Návrh klasifikace časně slovanské keramiky v Cechách.— *AR*, 1970, 6, S. 721—732.

⁴² Vinski Z. Gibt es slawische Keramik aus der Zeit der südslawischen Landnahme?— In: *Archaeologia Jugoslavica*, 1. Beograd, 1954, S. 71—82; Mitscha-Märheim H. Neue Bodenfunde zur Geschichte der Langobarden und Slawen im österreichischen Donauraum.— In: *Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte*, II. Klagenfurt, 1953, S. 355—378.

⁴³ Bóna I. Über einen archäologischen Beweis des langobardisch-slavischeslawischen Zusammenlebens.— *Studijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akadémie vied*, 16, 1968, S. 35—45.

⁴⁴ Sós A. Cs. Das frühawarenzeitliche Graberfeld von Oraszlany.— *Folia archaeologica*, X, 1958, S. 105—124, Taf. XVII; *eadem*. Jelentés a Pókoszpetki ásátásokól.— *Archaeologiai értesítő*, 1973, 1, p. 66—77, fig. 9.

⁴⁵ Hoffmann W. Die frühslawische Brandgräberfelder im mittleren Elbegebiet.— *Praehistorische Zeitschrift*, XXXVII, 3, 1959, S. 169—174; Schmidt B. Die späte Völkerwanderungszeit im Mitteldeutschland. Halle, 1961, Taf. 27; Krüger B. Zur Nordwestausbreitung der frühslawischen Keramik im weiteren Elbe-Saale-Gebiet.— In: *Varia Archaeologica* (Unverzagt-Festschrift). Berlin, 1964, S. 219—227; *Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik* (7. bis 12. Jahrhundert), I. Berlin, 1973.

⁴⁶ Krüger B. Dessau-Mosigkau. Ein frühslawischer Siedlungsplatz im mittleren Elbegebiet. Berlin, 1967.

ческий интерес. Ныне вполне очевидно, что славянская культура, представленная керамикой первой группы, в Подунавье и на Эльбе является пришлой.

Й. Пoulík первоначально датировал раннеславянскую керамику в Моравии и соседних дунайских землях временем с V в., а поскольку в Пржитлуках пражские сосуды встречены вместе с позднеримскими, он говорил о возможности славянского проникновения в эти области в III—IV вв. Расселение славян в Среднем Подунавье, по мнению этого исследователя, осуществлялось с севера, из нынешних южнополюских земель⁴⁷. Позднее Й. Пoulík стал определять раннюю дату пражской керамики концом V—VI в.⁴⁸

Многие археологи (И. Вернер, Х. Прайдель и другие) полагают, что славяне расселились на среднем Дунае и в бассейне Эльбы после ухода отсюда германских племен, т. е. не ранее второй половины VI в.⁴⁹

Действительно, в области Эльбы славяне начали расселяться только в VI в. Крупные изыскания, проведенные в Бржезно, Дессау-Мозигкау, Лютенберге и других местах, говорят об этом со всей очевидностью. Славянское поселение Лютенберг I надежно датировано И. Херрманном временем с начала VI в., и эта археологическая датировка подкрепляется дендрологической⁵⁰. В Бржезно славяне поселились около середины VI в. Можно предполагать, что первые славяне застали в его окрестностях германское население и находились с ним в культурных контактах.

В последние годы все отчетливее выясняется, что в Моравии и соседних с ней дунайских землях славяне расселяются в VI в. Исследования Я. Тейрала и других археологов показали, что известные здесь древности V в. принадлежат к дославянским⁵¹. Находки раннеславянской керамики в лангобардских могильниках свидетельствуют о том, что славяне расселились в этих землях уже в первой половине VI в. и в ряде мест застали германское население.

Также нет оснований для датировки славянской керамики рассматриваемого облика из Словакии временем ранее рубежа V и VI вв.⁵²

Наиболее вероятным регионом, из которого происходило расселение славян в области среднего Дуная и Эльбы, является бассейн Вислы или Висло-Одерское междуречье, хотя твердых данных для реконструкции этой миграции в распоряжении исследователей пока нет. Ранние же славяне Среднего Подунавья, судя прежде всего по керамике, принадлежали к той же группировке, что и славянские племена Висло-Одерского междуречья и Припятского Полесья.

⁴⁷ Poulík J. Staroslovanská Morava, s. 15—19; *idem*. Staroslovanské mohylové pohřebišťe v Přitlukách na Moravě.— AR, 1951, 1, s. 97—100.

⁴⁸ Poulík J. État des études slaves en Moravie.— In: Investigation archéologiques en Tchécoslovaquie. Praga, 1966, p. 237.

⁴⁹ Preidel H. Die Anfänge der slawische Besiedlung Böhmens und Mährens. Gräfelind, 1959, S. 59—70.

⁵⁰ Herrmann J. Die germanischen und slawischen Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr. Calau. Berlin, 1973, S. 243—265, 359—366.

⁵¹ Teyral J. Mähren im 5 Jahrhundert. Praha, 1973.

⁵² Bialeková D. Nové včasnoslavanské nálezy z juhozápadneho Slovenská, s. 135.

Славянская керамика первой группы в Среднем Подунавье и на Эльбе бытовала сравнительно недолго. В конце VI и начале VII в. развитие этой керамики было прервано⁵³. С конца VI в. здесь получила распространение глиняная посуда иного облика, генетически не связанная с рассматриваемой. Ее характеристика будет дана далее.

Это обстоятельство постоянно подчеркивается исследователями. Имеются различные попытки его объяснения. Высказано даже мнение, отрицающее славянскую принадлежность керамики первой группы предлагаемой классификации. Так, Л. Караман, подчеркивая, что эта керамика не получила какого-либо развития в средневековой славянской культуре Югославии, пробовал связать ее с неславянскими племенами VI в.⁵⁴

Однако славянская принадлежность керамики рассматриваемой группы доказывается ее генетической связью с позднейшими славянскими древностями на материалах Польши и Припятского Полесья. Объяснение смены славянской керамики в Среднем Подунавье может быть одно. Славянские памятники с керамикой первой группы отражают первую волну славянского освоения этой территории. За ней последовала другая миграционная волна. Она шла из другого региона, расселялась иная культурно-этническая группировка славян. В результате вторая волна захлестнула первую.

Мысль о заселении славянами Балканского полуострова двумя нотками относится еще к прошлому столетию. Ее пытались обосновать В. Копинар и Ф. Миклошич. Недавно эта теория получила надежное подкрепление в этнографических и лингвистических материалах. Б. Братанич на основе анализа пахотных орудий выявил на территории Югославии две этнографические зоны, позволившие определенно говорить о двух этапах славянского расселения: первом, охватившем значительную часть южнославянских земель, и втором, ассимилировавшем или вытеснившем на окраины более раннее славянское население⁵⁵. Н. И. Толстой показал, что типы рал, характеризующие эти два потока славянской миграции, разнятся и по своей лингвистической номенклатуре⁵⁶.

Независимо от этих исследований к подобному заключению подошли и археологи. Уже Я. Бем писал о двух славянских культурных группировках в Среднем Подунавье. На археологических материалах Югославии это обосновала М. Любинкович⁵⁷.

⁵³ В отдельных пунктах керамика первого типа продолжала бытовать среди вновь распространившейся до конца VII в. (*Bialeková D.* Zur Datierung der oberen Grenze des Prager Typus in der Südwestslowakei.— AR, 1968, 5, S. 619—625). На средней Эльбе керамика первой группы бытовала, по-видимому, до середины VII в.

⁵⁴ *Karaman L.* Glöse nekojurn pitanjima slovenske arheologie.— Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku, LIV, 1952, s. 55—71. К этому мнению склоняется и З. Трнячкова (*Trňáškova Z.* K datování kostrového hrobu ze Slížán na Moravě.— Památky archeologické, 1962, 2, s. 442—448).

⁵⁵ *Bratanič B.* Uz problem doseljenja južnih Slavena.— In: Zbornik radova (Filozofskog Fakulteta Sveučilišta u Zagrebu). Zagreb, 1951, s. 221—248.

⁵⁶ *Толстой Н. И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований.— В кн.: Проблемы картографирования и языкознания и этнографии. JL, 1974, с. 23—25.

⁵⁷ *Ljubinković M.* Problemi arheoloških istraživanja VI—VII veka u Jugoslaviji, sa posebnim osvrtom na probleme slovenske arheologije.— In: Materijali III Simpozijum

Славянские погребения с керамикой первой группы открыты уже во многих местах. Среди них имеются грунтовые и курганные захоронения. Во всех без исключения случаях это трупосожжения. Кремация умерших совершена на створе. Собранные с погребальных костров кальцинированные кости ссыпаны в ямку и кучки, а иногда помещены в глиняную урну. Погребения в большинстве случаев безынвентарные.

Детали погребальной обрядности позволяют расчленить славянские трупосожжения VI—VII вв. на несколько вариантов⁵⁸. Однако выделить то специфическое, что было бы характерно исключительно для захоронений славян — носителей керамики первой группы, не удастся. Скорее всего славянская группировка, представленная памятниками с этой керамикой, не имела этнографических особенностей. Как известно, многие славянские племена последней четверти I тысячелетия н. э. также не разграничиваются по деталям погребального обряда.

Славянское домостроительство VI—VII вв. в целом исследовал немецкий археолог П. Донат⁵⁹. В области расселения славян выделяются две зоны. Для территории, включающей бассейны Вислы и Одера, а также для Мекленбурга и Бранденбурга характерны наземные бревенчатые дома. В более южных районах славянского ареала господствовали квадратные в плане полуземляночные жилища с печью в одном из углов. В некоторых регионах оба типа жилищ сосуществовали. К таким районам принадлежат Малая Польша, где встречаются полуземляночные постройки при наличии поселений с наземными домами; Моравия, где наряду с поселениями, на которых господствуют полуземлянки, есть поселения с наземными жилищами (например, Микульчице); отчасти Припятское Полесье, где открыты и полуземлянки, и наземные дома (например, Зимно).

Границы двух зон славянского домостроительства (рис. 21) в значительной степени не совпадают с границами регионов, определяемых на основе керамического материала. По-видимому, это закономерно. Также перекрещиваются внутри одного этноса изоглоссы и изолексы. Все же можно отметить, что в коренных областях распространения керамики первой группы, в бассейнах Вислы и Одера, господствовали наземные жилища. Полуземляночные же постройки получили распространение в основном на окраинах территории расселения славянских племен — носителей керамики первой группы, в большинстве случаев там, где они встретились с другим племенным объединением славян.

Переходя к вопросу о происхождении славянской группировки, характеризующейся керамикой первой группы, сразу же можно исключить из территории формирования славян дунайские земли. Они хорошо иссле-

praistorijske i srednjevekovne sekcije Archeološkog društva Jugoslavije. Beograd, 1966, s. 83—94.

⁵⁸ Интересное обобщение по славянским могильникам с трупосожжениями на территории Польши выполнено Е. Цолл-Адамиковой (*Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne s'owian na terenie Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975*).

⁵⁹ *Donat P. Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhäuser. — Zeitschrift für Archäologie, 1970, N 2, S. 250—269; idem. Bemerkungen zur Entwicklung des Slawischen Hausbaues im mittleren und südöstlichen Europa. — In: Balcanoslavica, 4. Prilep — Beograd, 1975, S. 113—126.*

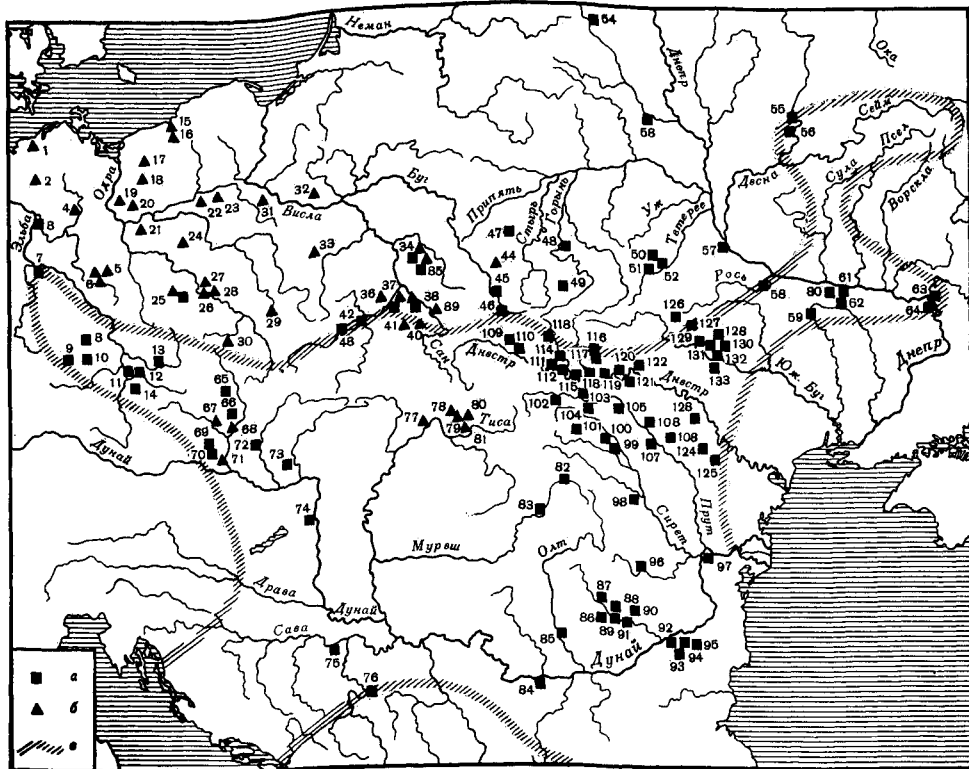

Рис. 21. Распространение славянских жилищ VI—VII вв.

а — поселения с полуземлянками; б — поселения с наземными жилищами; в — приблизительная граница распространения керамики второй группы

1 — Гросштендендорф; 2 — Суков; 3 — Гребел; 4 — Леегебрух; 5 — Торнов; 6 — Лютьенберг I и II; 7 — Дессау-Мозиска; 8 — Бржежанки; 9 — Кадань; 10 — Вржеано; 11 — Прага-Богнице; 12 — Веховице; 13 — Старе Вадры; 14 — Завист; 15 — Барды; 16 — Голанч; 17 — Сельско; 18 — Лобжаны; 19 — Дерчево; 20 — Дзедзипи; 21 — Пщево; 22 — Упше; 23 — Латково; 24 — Котово; 25 — Жуковиче; 26 — Вшемирув; 27 — Челац Велька; 28 — Дембича; 29 — Косцелиска; 30 — Хвалькув; 31 — Радзейув; 32 — Шелиги; 33 — Барновице Мокре; 34 — Люблин Чвартек; 35 — Киркут; 36 — Шавечин; 37 — Бахуж; 38 — Ниско; 39 — Мацькувка; 40 — Хусов; 41 — Жешов; 42 — Злотники; 43 — Нова Гута; 44 — Зямно; 45 — Ромош; 46 — Ришнев; 47 — Подрижье; 48 — Городок; 49 — Липа; 50 — Корчак I; 51 — Корчак VII; 52 — Корчак IX; 53 — Щатково; 54 — Дедиловичи; 55 — Целиков Бугор; 56 — Стрелица; 57 — Киев; 58 — Сахновка; 59 — Пастьрское; 60 — Луг I; 61 — Молочарня; 62 — Андрусовка; 63 — Игрень; 64 — Волонское; 65 — Моржице; 66 — Мутенице; 67 — Подивин; 68 — Микулчице; 69 — Долный Востоницы; 70 — Поганьско; 71 — Девинска Нова Весь; 72 — Силадице; 73 — Нитранский Градок; 74 — Дунауйварош; 75 — Батаковичи; 76 — Мушици; 77 — Сомотор; 78 — Оросиево; 79 — Вовчанско; 80 — Петрово; 81 — Чена; 82 — Нодей; 83 — Морешты-Чипэу; 84 — Волиндры; 85 — Инотешти; 86 — Чурелу; 87 — Дэмэройя; 88 — Тей; 89 — Кецелу Ноу; 90 — Страулешти-Лунка; 91 — Кымпул Вожа Милитаря; 92 — Гарван; 93 — Старое Село; 94 — Джеджови Лозя; 95 — Сребрына; 96 — Киндешты; 97 — Диногешца; 98 — Кургэа-Домнааска; 99 — Шипот-Сучава; 100 — Лозна-Дотохой; 101 — Батошана; 102 — Глубокоэ; 103 — Задубровка; 104 — Кодын; 105 — Ибанешти; 106 — Хуча; 107 — Яссы; 108 — Малаешты; 109 — Волшев; 110 — Демьянов; 111 — Зеленый Гай; 112 — Горошево; 113 — Звиняч; 114 — Колодривка; 115 — Пербыковцы; 116 — Городок; 117 — Куцрин; 118 — Пригородок; 119 — Устье; 120 — Лука Врублевская; 121 — Студеница; 122 — Вакота; 123 — Селиште; 124 — Реча; 125 — Ханска; 126 — Нариевка; 127 — Голики; 128 — Кальник; 129 — Самчанцы; 130 — Чертория; 131 — Семенки; 132 — Кочуров; 133 — Скибинцы

дованы в археологическом отношении, и вполне очевидно, что в эпоху, предшествующую средневековью, эта территория была заселена неславянским населением. Из региона возможного формирования исследуемой славянской группировки, видимо, нужно исключить и западнополюсские земли. Ко II—IV вв. здесь относятся памятники типа Дытыничей — Тришипа, принадлежащие поморско-мазовецкой культуре. Эти древности оставлены восточными германцами, и их своеобразие не оставляет сомнений в отсутствии преемственности между ними и раннесредневековыми славянами.

Для поисков древностей, из которых развилась славянская культура, представленная керамикой первой группы, остаются бассейн Вислы и междуречье Вислы и Одера, т. е. ареал пшеворской культуры. И здесь поиски сразу же приводят к Висленскому региону этой культуры.

Черты сходства между отдельными типами пшеворской посуды и славянской керамикой V—VII вв. подмечены и описаны польскими археологами. В частности, это сделали Ю. Костшевский, Э. Хильчерувна и В. Шиманский⁶⁰. Над этой проблемой работает также И. Н. Русанова⁶¹.

Выделение Висленского региона пшеворской культуры конкретизирует поиски предшественника раннесредневековой культуры славяно-пшеворская ленная керамика, из которой могла развиться славянская посуда V—VII вв. первой группы, коррелируется с определенным типом погребального обряда — ямными трупосожжениями, безынвентарными или же содержащими единичные вещи.

Сравнительный анализ этих могил и славянских раннесредневековых обнаруживает значительное сходство между ними. Оно дает основание говорить о возможности эволюции славянского погребального ритуала V—VII вв. из пшеворских захоронений, характерных для Висленского региона. По всем основным особенностям они тождественны. Правда, в пшеворских захоронениях часто встречаются фрагменты вторично обожженной глиняной посуды. В погребениях VI—VII вв. обломки керамики также встречены во многих трупосожжениях, однако все они без следов вторичного обжига. В ряде регионов славянской территории VI—VII вв. увеличивается процент урновых захоронений, а в некоторых могильниках они господствуют. Накопец, в это время наряду с грунтовыми погребениями появляются курганные славянские захоронения. Все эти различия могут быть объяснены эволюцией славянской погребальной обрядности. А она была неизбежна, ибо широкое расселение славян в VI—VII вв. привело их в соприкосновение с различными неславянскими племенами.

Славянское домостроительство VI—VII вв. в Повисленье, по-видимому, также генетически восходит к пшеворскому. Правда, пока не выделен тип жилища, характерный для славянских племен пшеворской культуры. Поэтому о генезисе славянского жилища Повисленья от римского вре-

⁶⁰ *Kostrzewski J.* Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II Jahrtausends v. u. Z. bis zum frühen Mittelalter. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1965, S. 10—26; *Hilcherówna Z.* Dorzecze górnej i środkowej Oby..., s. 53—78; *Szymański W.* Szeligi pod Plockiem..., s. 308—327.

⁶¹ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв., с. 203—213.

мени к раннему средневековью можно говорить лишь в самых общих чертах. О том, что раннесредневековые славянские дома столбовой конструкции развились из наземных столбовых построек пшеворской культуры, писал Ю. Костшевский⁶². Наземные дома со стенками, сложенными из горизонтально лежащих бревен, копцы которых входили в пазы вертикально стоящих столбов, на поселениях второй половины I тысячелетия н. э. в Новислепье были распространены довольно широко. Однако вместе с ними обычны и срубные наземные постройки, предшествующая история которых пока не может быть выяснена.

Таким образом, на основе трех важнейших этнографических элементов — керамики, домостроительства и погребального обряда — можно говорить о том, что раннесредневековая славянская племенная группировка, представленная керамикой первой группы, ведет начало из Висленского региона пшеворской культуры. Конец провинциально-римской цивилизации привел к огрубению славянской культуры Повисленья. В V и VI вв. новислепская племенная группировка славян расселяется в восточном, западном и южном направлениях, осваивая области Припятского Полесья и Верхнего Поднестровья, дунайские земли и значительную часть бассейнов Одера и Эльбы.

В позднеримское время носители пшеворской культуры пересекают Карпаты и расселяются в бассейне верхней Тисы. Определить, из какого пшеворского региона осуществлялась эта миграция, не представляется возможным. Поэтому нельзя ответить и на вопрос, были ли славяне среди пшеворского населения Закарпатья.

Некоторые словацкие археологи между тем полагают, что пшеворские древности в Словакии оставлены славянами. На их основе здесь на рубеже V и VI вв. будто бы и формируется славянская культура раннего средневековья⁶³.

Географическое распространение славянской керамики V—VII вв., относящейся к первой группе, позволяет предполагать, что эта посуда характеризует племенную группировку славян, которую Иордан называл *scлавени* (склаветы). Историк VI в. сообщает, что «многолюдное племя *вепетов*» ныне известно «под тремя именами: венетов, антов, склаветов»⁶⁴. Приводится и географическая локализация склаветов: «Склаветы живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Да-настра, а на север — до Висклы»⁶⁵.

Интерпретация этих географических данных различными исследователями подробно рассмотрена Е. Ч. Скржинской⁶⁶. Судя по контексту Иордана, отмечает она, город Новиетун и Мурсианское озеро ограничивали территорию расселения склаветов с запада. Поэтому Новиетуном Иордана скорее всего был город Невиодун на реке Саве. Здесь же находи-

⁶² *Kostrzewski J.* Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens..., S. 35, 36.

⁶³ *Točík A.* Slovania na strednom Dunaji v 5—8 stor.— In: O počiatkoch slovenských dejín. Bratislava, 1965, s. 20—33.

⁶⁴ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М., 1960, с. 90.

⁶⁵ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

⁶⁶ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов, с. 213—218.

лось и Мурсианское озеро (около города Мурсы, теперь — Осиек). Е. Ч. Скржинская высказывает предположение, что Мурсианским озером именовалось прежде озеро Балатон (путь к нему начинался для римлян преимущественно от города Мурсы).

Таким образом, географическими координатами расселения склавлен по Иордану служат реки Сава на юго-западе, Висла — на севере и Днестр — на востоке. Эта территория как раз и является основной областью распространения керамики первой группы. В отдельных местах, правда, археологический ареал (Припятское Полесье, бассейн Эльбы и т. п.) выходит за пределы территории, ограниченной координатами Иордана. Но, по-видимому, это обусловлено тем, что сведения Иордана относятся к первой половине VI в., а археологический ареал очерчивается весьма суммарно на основе древностей V—VII вв.⁶⁷

В VI—VII вв. славяне начали широко осваивать пространство Восточноевропейской равнины. К этому времени принадлежат наиболее ранние длинные курганы в Псковской земле⁶⁸ и сопки в Приильменье⁶⁹. Поселения, синхронные этим памятникам, пока не исследованы.

Анализ вещевого инвентаря длинных курганов позволяет выделить около полутора десятков погребений VI—VII вв.⁷⁰ Большинство из них безурновые. Два глиняных сосуда происходят из кургана у д. Михайловское. Это слабопрофилированные усеченноконические горшки с сероватой поверхностью со следами грубого заглаживания⁷¹. Они принадлежат ко второму типу керамики длинных курганов⁷², которая по общей профилировке и пропорциям сопоставима с пражско-корчакскими глиняными сосудами. Среди последних, в основном с территории Польши, можно найти близкие аналогии.

О том, что предки кривичей происходят из славянской группировки, представленной пражско-корчакской керамикой, свидетельствуют и материалы домостроительства. Жилые постройки кривичей, известные, правда, по исследованиям поселений VIII—X вв., принадлежат исключительно к наземным сооружениям. Пути и направления славянского проникновения в бассейны р. Великой и оз. Псковского еще предстоит изучить⁷³.

Из той же праславянской племенной группировки, но-видимому, происходят ильменские словене. Ранние погребения в сопках — безурновые, поэтому керамический материал этих памятников относится лишь к последнему веку I тысячелетия н. э. и обнаруживает влияние местной

⁶⁷ Предположение, что носителями керамики первой группы были склавлены Иордана, высказано мной еще в 1967 г. (*Седов В.* Вивчення етногенезу слов'ян.— Народна творчість та етнографія, 1967, № 4, с. 41—47). Недавно к такому же заключению пришла польская исследовательница З. Курнатовская (*Kurnatowska Z.* Die «Slavepi» im Lichte der archäologischen Quellen.— *Archaeologia Polona*, XV, 1974, S. 51—66).

⁶⁸ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1-8, 1974.

⁶⁹ *Седов В. В.* Новгородские сопки.— САИ, вып. Е1-8, 1970.

⁷⁰ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 34, 35.

⁷¹ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 54, табл. 19, 1, 5.

⁷² *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 26, 27, табл. 19, 1, 5; 21; 22, 2—9.

⁷³ *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвизья. М., 1970, с. 405—408.

прибалтийскофинской глиняной посуды. Наземное домостроительство, более поздние археологические материалы, а также данные других наук склоняют к мысли о приходе славян в Новгородскую землю с запада⁷⁴.

Вторая славянская груннировка — анты

Вторую большую группу славянской керамики третьей четверти I тысячелетия н. э. составляют слабопрофилированные горшки с округлым или овальным туловом. Наибольшее расширение находится в средней части высоты, горло и дно сужены и примерно равны по диаметрам (рис. 22).

Такая керамика в VI—VII вв. получила широкое распространение (рис. 21), по коренным ее регионом было междуречье Днестра и Днепра. В других районах эта посуда, как будет показано ниже, появляется позднее, и ее распространение явно связано с расселением славян из Днестровско-Днепровского региона.

Обстоятельная характеристика памятников с керамикой второй группы в междуречье Днестра и Днепра дана в работах В. Д. Барана⁷⁵, Д. Т. Березовца⁷⁶, П. И. Хавлюка⁷⁷, В. П. Петрова⁷⁸ и других.

Поселениями славян здесь были исключительно селища, расположенные в долинах мелких рек и ручьев или на останцах. Для поселений выбирали места, которые не требовали сооружения искусственных укреплений. Реки, леса и болота служили естественной защитой и делали поселения малодоступными.

Основным типом жилища были полуземляпки, в плане близкие к квадрату. Площадь их колеблется от 6 до 20 кв. м. Глубина котлованов от 0,3—0,4 до 1—1,2 м. Стены домов облицованы деревом. Они имели столбовую или срубную конструкцию: более ранние жилища — часто столбовые, поздние — преимущественно срубные. Печи-каменки занимали один из углов жилища.

Славянская керамика второй группы занимает ведущее место на всех этих поселениях. На поселениях Верхнего Поднепровья вместе с ней иногда присутствует и керамика первой группы, о чем уже говорилось. Преимущественно на южной окраине ареала этой славянской груннировки

⁷⁴ *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 33.

⁷⁵ *Баран В. Д.* Раннеслов'янські пам'ятки Верхнього Подністров'я і Південно-Західної Волині.— МДАПВ, 5, 1964, с. 95—114; *он же.* Раннеславянские памятники на Западном Буге.— *Slovenská archeológia*, 1965, N 2, s. 319—372; *он же.* Некоторые итоги изучения раннеславянских древностей Верхнего Поднепровья и Западной Волини.— *AR*, 1968, № 5, с. 583—593; *он же.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.

⁷⁶ *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине.— *МИА*, № 108, 1963, с. 145—208.

⁷⁷ *Хавлюк Н. Н.* Раннеславянские поселения в средней части Южного Буга.— *СА*, 1963, № 3, с. 187—201; *он же.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— *МИА*, № 108, 1963, с. 320—350; *он же.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 181—215.

⁷⁸ *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясмине).— *МИА*, № 108, 1963, с. 209—233.

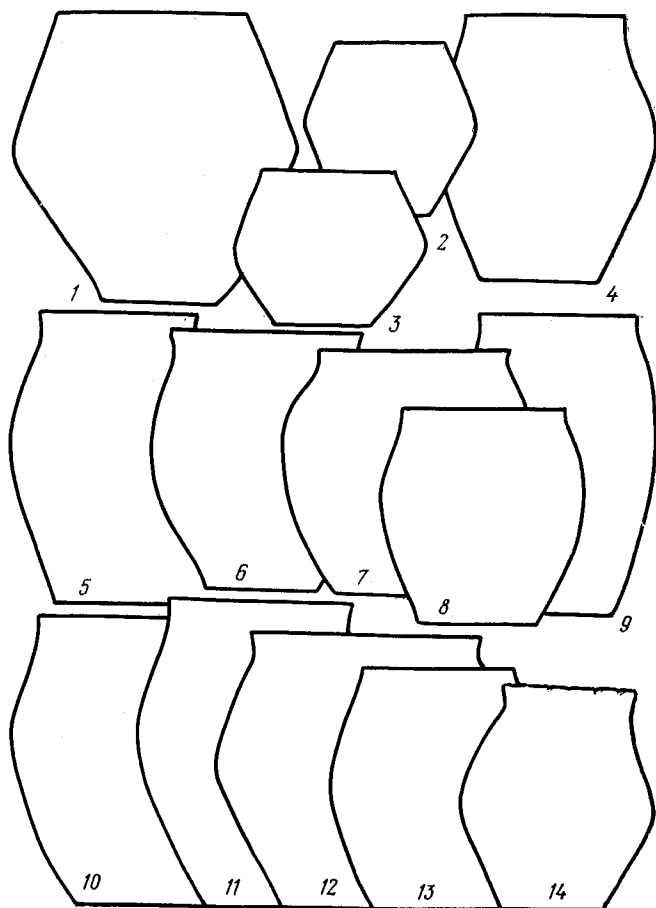

Рис. 22. Славянская керамика второй (пражско-пеньковской) группы

1 — Волошское; 2 — Гайворон; 3, 6 — Семенки; 4 — Старое Село; 5 — Дунауйварош; 7 — Селиште; 8 — Ришне; 9 — Батошана; 10 — Кубуска Веке; 11 — Загорска Быстрица; 12, 14 — Луг I; 13 — Поляц

ки вместе с округлодонными сосудами получили распространение биконические горшки с резким или скругленным ребром, приходящимся на середину высоты. Их называют сосудами пеньковского типа. На некоторых поселениях эти сосуды составляют заметную часть керамического материала, на других они единичны. Горшки пеньковского типа нельзя причислить к этнографическим признакам славянской культуры, поскольку они не обнаруживают развития в более поздних древностях славян. По-видимому, их присутствие на славянских памятниках VI—VII вв. отражает взаимодействие славянского населения с каким-то иным этносом. Следствием такого же взаимодействия, очевидно, являются немно-

гочисленные находки на славянских поселениях слабопрофилированных тюльпановидных сосудов, очень близких керамике, распространенной на памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднпрровье (древности тина Тушемли — Колочина).

На славянских поселениях южной периферии встречается также гончарная керамика настырского тина — сосуды с округлым туловом и орнаментом из пролощенных полос, а иногда и амфоры. Но-видному, ее распространение на памятниках со славянской керамикой свидетельствует о ироживанни здесь наряду со славянами иноэтничного населения⁷⁹. В пользу этого говорит и открытие на некоторых поселениях жилых построек неславянских типов. Так, на селище Стецовка одно из жилищ представляло собой наземное сооружение диаметром 6—7 м, окруженное неглубокой канавкой⁸⁰. На поселения Луг 2 исследована постройка в виде эллипсоидного углубления размерами 6×5 м со столбовой ямой в центре и восьмью — но краям⁸¹. Оба жилища по конструкции сходны с куртами кочевых племен, обитавших восточнее Днпра⁸². Возможно, к ним относятся жилища в виде овального углубления с очагом, зафиксированное в Молочарне⁸³, и жилище в виде неправильно-овального углубления размерами 5×4 м в Дериевке⁸⁴.

Могильные памятники славянского населения рассматриваемого региона пока еще исследованы слабо. Раскапывались лишь могильники в окрестностях с. Великая Андрусовка, недалеко от впадения р. Тясмин в Днепр⁸⁵. Обряд погребения — труносожжение на стороне. Остатки кремации помещены в ямки или в урны, поставленные в такие же ямки.

Металлические предметы на славянских памятниках очень немногочисленны. Среди них есть украшения — налчатые и зооморфные фибулы, браслет с утолщенными концами, вряжки и фигурные бляшки от пояса, серьги настырского типа, проволочные спиральные височные кольца, бронзовая фигурка льва, которые позволяют датировать эти памятники VI—VII вв.

Имеются основания полагать, что наиболее ранние поселения со славянской керамикой второй группы относятся к V в. В. Д. Баран определяет начало поселения у с. Зеленый Гай концом V в. по керамическому материалу⁸⁶. На селнице Куня найдена железная двучленная фибула

⁷⁹ Процент гончарной керамики на этих поселениях невелик (до 5—6%). Керамика настырского тина не может быть для неньковских поселений этническим признаком. Поэтому невозможно согласиться с М. И. Артамоновым, полагавшим, что эти памятники оставлены одной из болгарских племенных групп — кутригурами (Артамонов М. И. Этническата принадлежност и историческо значение на пастирската култура.— Археология (София), 1969, № 3, с. 1—9).

⁸⁰ Петров В. П. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э., с. 216.

⁸¹ Березовец Д. Т. Поселения улйчей на р. Тясмине, с. 166.

⁸² Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая култура. М., 1967, с. 52—58.

⁸³ Березовец Д. Т. Поселения улйчей на р. Тясмине, с. 150.

⁸⁴ Телегин Д. Я. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.— КСИА АН УССР, 12, 1962, с. 16.

⁸⁵ Березовец Д. Т. Могильник улйчів у долині р. Тясмину.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, с. 58—70.

⁸⁶ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 62.

позднего арбалетного тина, характерная для IV—V вв.⁸⁷ Из поселения Жовнин происходит туалетная костяная ложечка, относящаяся, судя по северокавказским аналогиям, ко второй половине IV—V в.⁸⁸

Два важнейших признака культуры славянской груннировки, представленной керамикой второй группы, — глиняная посуда и домостроительство — позволяют искать ее истоки в черняховских древностях. Как уже отмечалось, округлобокие сосуды с максимальным расширением равномерно по середине их высоты, очень близкие к славянским горшкам второй группы, широко распространены на памятниках черняховской культуры и в особенности среди ее древностей Подольско-Днепровского региона.

Типологическая преемственность между славянскими сосудами второй группы и черняховской леиной керамикой довольно убедительно показана пока только на верхнеднепровских материалах⁸⁹. Поэтому сейчас еще трудно сказать, формировалась ли славянская культура рассматриваемого типа в пределах Верхнего Поднепровья или же более широко, в границах Подольско-Днепровского региона черняховской культуры. Последнее представляется более вероятным, поскольку уже в VI в. славянское население, характеризуемое керамикой второй группы, расселилось на обширных пространствах Юго-Восточной Европы.

Жилища-полуземлянки с нечью в углу, весьма характерные для поселений рассматриваемой славянской груннировки третьей четверти I тысячелетия н. э., опять-таки своими корнями восходят к черняховскому домостроительству. Как уже отмечалось, на черняховских поселениях Подольско-Днепровского региона среди разнотипных углубленных построек вырабатывается квадратная в плане полуземлянка с нечью в углу⁹⁰.

Сформировавшаяся в междуречье Днестра и Днпра славянская племенная груннировка уже в VI в. осваивает значительные территории. Славянские памятники с жилищами-полуземлянками и леиной керамикой второй группы известны в большом количестве на территории Молдавии⁹¹. Здесь, как и в Поднепровье, на славянских поселениях встречаются также сосуды биконических форм и в очень небольшом количестве гончарная керамика иастырского тина.

Очевидно, в VI в. славяне — носители керамики второй группы расселяются в юго-западном направлении вплоть до придунайских земель Болгарии. Поселения с квадратными в плане полуземлянками с нечью или каменным очагом в углу и со славянскими округлобокими горшка-

⁸⁷ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 188.

⁸⁸ Рутковська Л. М. Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області.— В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., IV. Київ, 1972, с. 224.

⁸⁹ Баран В. Д. О соотношении культур римского и раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни.— В кн.: I Międzynarodowy kongres archeologii słowianskiej, II. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969; с. 238—257; *он же*. Черняховская культура в междуречье верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований.— КСИИ, 121, 1970, с. 7—13; *Baran V. D. Siedlungen der Cernjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr.— Zeitschrift für Archäologie*, 1973, N 1, S. 24—66.

⁹⁰ *Baran V. D. Siedlungen der Cernjachov-Kultur...*, S. 30—40.

⁹¹ Рафалович И. А. Славяне VI—IX веков в Молдавии; Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.

ми выявлены и обследованы в Румынии — в Молдове, северо-восточной Мунтении, Добрудже⁹², а также на территории Болгарии⁹³. Исследовались здесь и могильники. В одном из румынских могильников — Сэрата-Монтеору — открыто более 1500 труносожжений. Кремацию умерших совершали на стороне. Погребения преимущественно ямные, но есть и урновые⁹⁴.

На некоторых памятниках Днестровско-Дунайского междуречья, как уже отмечалось, наряду с глиняными сосудами второй грунны обнаружена керамика первой грунны. Здесь встретились и перемешались два потока славянской миграции — славенский и антский. Румынские исследователи также различают эти миграционные направления⁹⁵.

Особенность памятников VI—XII вв. на территории Мунтении и соседних районов состоит в том, что здесь славянская керамика часто находится вместе с глиняной посудой тина Ипотешти-Кындешти (Чурел). Некоторые румынские исследователи относят все памятники VI—VII вв. к культуре Ипотешти-Кындешти, которая имела сложный состав и объединяла несколько культурных компонентов, в том числе дако-римский и славянский⁹⁶.

Славянские древности VI—VII вв. рассматриваемого облика известны также в Днепровском лесостепном левобережье — в среднем течении Сулы, Нсла и Борсклы⁹⁷. Севернее лежит область распространения памятников колочинского тина, характеризующихся иными конструктивными особенностями жилищ, своеобразной керамикой и некоторыми другими чертами. Вместе с тем в Черниговском Подесенье и в Курском Посеймье на колочинских памятниках встречаются отдельные глиняные сосуды, по форме тождественные славянской керамике второй группы⁹⁸.

⁹² *Mareş M. D.* Славянские поселения в Сучаве.— *Dacia*, IV, 1960, p. 375—394, fig. 5; *Cercetări arheologice în Bucureşti*, fig. 10, 1, 2, 4—7; *Teodor Dan Ch.* Unele probleme privind evoluția culturii materiale din Moldova în secolele VI—X, fig. 17, 1—3; 18, 5, 9; *Mitreă J.* Contribuții la cunoașterea populației locale dintre Carpați și Siret în sec. V—VI e. n., fig. 11, 8; 13, 3; *idem.* Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie..., p. 204, fig. 2, 4, 5, 10; *Dolinescu-Ferche S.* Așezări din secolele III și VI e. n. în sud-vestul Munteniei.— In: *Cercetările de la Dulceanca*. București, 1974, fig. 52, 4, 6, 7.

⁹³ *Въжарова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища в Българската земи от края на VI—XI век, обр. 3, 5; 81, 2; *Въжарова Ж. П.* Памятники Болгарии конца VI—XI в. и их этническая принадлежность.— *СА*, 1968, № 3, с. 148—159; *она же.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры, рис. 2, в — б.

⁹⁴ *Nestor J.* La nécropole slave d'époque ancienne de Sărata-Monteoru.— *Dacia*, I, 1957, p. 289—295.

⁹⁵ *Comşa M.* Direction et étapes de la pénétration des Slaves vers la Péninsule Balkanique aux VIe—VIIe siècles..., p. 9—28; *Teodor Dan. Ch.* La pénétration des Slaves dans les régions du S-E de l'Europe d'après les données archéologiques des régions orientales de la Roumanie.— In: *Balcanoslavica*, 1. Prilep — Beograd, 1972, p. 29—42.

⁹⁶ *Teodorescu V.* Despre cultura Ipoteshi-Cindești în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei.— *SCIV*, 1964, N 4, p. 485—504.

⁹⁷ *Горюнов Е. А.* Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного левобережья в V — начале VIII в.— *СА*, 1973, № 4, с. 99—112.

⁹⁸ *Третьяков П. П.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В кн.: *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Л., 1974, с. 40—118, рис. 5, 2; 22, 20; *Горюнов Е. А.* Некоторые древности

Поскольку в тех же районах в то же время появляются квадратные в плане полуземлянки с нечью в углу (рис. 21), то, очевидно, нужно полагать, что эти находки отражают проникновение славянского населения в среду племён — носителей колочинских древностей.

Проникали славяне в это время и в районы, входящие в бассейн Северского Донца. В салтовском могильнике близ с. Дмитровка на р. Короче открыто несколько трупосожжений, помещённых в урнах — округлобоких и ребристых горшках⁹⁹.

Славянская атрибуция керамики второй группы доказывается ее преемственностью с глиняной посудой VIII—IX вв. Это прослежено в материалах Ноднестровья, Молдавии и Болгарии. Глиняные сосуды, восходящие к округлобоким горшкам VI—VII вв., составляют часть керамики типа Луки-Райковецкой¹⁰⁰.

Таким образом, славяне, представленные керамикой второй группы, были потомками части черняховского населения. При характеристике черняховской культуры отмечено, что славянская группировка Подольско-Днепровского региона имела этноним анты. Но Иордану анты занимали пространство «от Данастра до Данапра». Очевидно, эти данные относятся к ранней поре расселения антов. Византийский историк Прокопий Кесарийский (середина VI в.) сообщает уже о более широком ареале антов. Согласно сведениям этого автора анты обитали между Дунаем и утигурами, жившими на побережье Меотийского озера (Азовского моря)¹⁰¹. Памятники со славянской керамикой второй группы как раз и занимают эту территорию. Западным пределом их распространения служит поречье нижнего Дуная, на востоке — в Днепровском левобережье и на Северском Донце — они вплотную соприкасаются с памятниками тюркоязычных племён. Археологические материалы показывают, что на нижнем Дунае анты встретились и частично перемешались с другой славянской племенной группировкой — с (к)лавенами. Византийские авторы VI—VII вв. постоянно упоминают о таком же взаимодействии с (к)лавен и антов в области Истра (нижнего Дуная)¹⁰².

Прокопий Кесарийский сообщает, что анты и славяне пользуются одним языком, у них одинаковый быт, общие обычаи и верования, и «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же»¹⁰³. Однако из сведений византийских историков видно, что различия между с (к)лавенами и антами не были чисто территориальными. Анты называются па-

1 тысячулетия н. э. на Черниговщине.— Там же, с. 119—125, рис. 3, 16, 25; *Липкин Ю. А.* Могильники третьей четверти I тысячулетия н. э. в Курском Посеймье.— Там же, с. 136—152, рис. 5, 1, 7.

⁹⁹ *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 108—118.

¹⁰⁰ *Гончаров В. К.* Лука-Райковецкая.— МИА, № 108, 1963, с. 283—319, рис. 7; *Шовкопляс А. М.* Славянская керамика VII—IX вв. из Киева.— КСИА АН УССР, 8, 1959, с. 169—172; *Мезенцева Г. Г.* Канівське поселення полян. Київ, 1965, с. 71—98.

¹⁰¹ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1959, с. 384 (IV, VIII, 4, 9).

¹⁰² *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.— ВДИ, 1941, № 1, с. 236, 241, 243.

¹⁰³ *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей..., с. 237.

равне с такими этническими группировками того времени, как гунны, утигуры, мидяне и др. Византийцы различали славяпина и анта даже тогда, когда они служили наемниками империи (например, «Дабрагаст, родом ант»). Анты и с(к)лавене были отдельными племенными группировками, имевшими своих вождей, свое войско и ведущими самостоятельную политическую деятельность.

Попытки ответить на вопросы, какую часть славянства составляли анты и какова их роль в славянском этногенезе, предпринимались неоднократно. В историко-лингвистической литературе были высказаны самые различные мнения по этому поводу. Значительная группа исследователей (в том числе А. Л. Погодин, А. А. Шахматов, Ю. В. Готье и другие) склонны были видеть в антах восточных славян середины I тысячелетия н. э. Так, по А. А. Шахматову, анты составили первый этап в истории русского племени, а восточнославянские племена, названные в Повести временных лет, возникли в результате распада антского единства¹⁰⁴. Л. Нидерле, А. А. Смицын и многие другие историки считали, что анты охватывали только южную часть восточных славян¹⁰⁵. В западноевропейской литературе было распространено мнение, согласно которому славяне и анты отражали членение праславянского языка на западную и восточную ветви¹⁰⁶. Ныне все эти предположения имеют уже чисто историографический интерес, поскольку археология накопила значительные материалы, позволяющие конкретно решить эти вопросы.

Анты — это группа славян, расселившихся в междуречье Днестра и Днэпра среди ираноязычного населения, которое было ими ассимилировано. Это была диалектно-племенная группировка славян в VI—VII вв., имевшая свои этнографические особенности. Анты не были ни восточными, ни южными славянами. Эта племенная группировка относится еще к праславянскому периоду. Широкое расселение антов и смешение их с другой диалектной группой славян свидетельствуют об участии их в этногенезе восточных, южных и западных славян. Распад праславянского языка был сложным процессом, заключавшимся не только в членении славянской территории, но и в значительной перегруппировке славянских племен. Диалектно-племенное членение славян ранневизантийской поры и существующее ныне трехчастное деление славянства (восточные, западные и южные славяне), являющееся продуктом более позднего исторического процесса, не имеют прямой зависимости.

¹⁰⁴ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 6—14. Ныне такого же мнения придерживается В. Георгиев (*Георгиев Вл.* Венети, анты, склавени и триделението на славянските езици.— В кн.: Славянстичен сборник. София, 1968, с. 5—12).

¹⁰⁵ Грушевський М. Анты («Avrai, Antes»), уривок з історії України — Русь — Записки наукового товариства імені Шевченка, т. XXI, кн. 1. Львів, 1898, с. 1—16; Смицын А. А. Русская историческая география. Пг., 1917, с. 18; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 139—141; Третьяков П. Н. Анты и Русь.— СЭ, 1947, № 4, с. 71—83.

¹⁰⁶ Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, S. 602—604.

* * *

В конце VI—VII в. па обширных пространствах Среднего Подунавья распространяется керамика, которая по всем признакам должна быть причислена ко второй группе славянской глиняной посуды. Большое количество такой керамики происходит из погребений грунтовых могильников аварского времени, которые, по материалам Словакии, Словении, Далмации и Воеводины, оставлены славяно-аварским населением. На этих территориях прослеживается непрерывное эволюционное развитие культуры от VII в. вплоть до развитого средневековья.

В Венгрии культуру славяно-аварских могильников называют аварской и связывают с аварами, не отрицая впрочем того, что в составе ее носителей были и остатки среднедунайского населения римского времени, и славяне¹⁰⁷. Словацкие археологи эти намятники считают метисными, славяно-аварскими, а в некоторых могильниках этой культуры значительно преобладают погребения славян¹⁰⁸.

Большое внимание изучению славяно-аварских древностей уделяют ученые Югославии, которые показали, что широкое славянское расселение относилось здесь ко времени первого аварского каганата (конец VI — начало VII в. н. э.) и славяне пришли сюда вместе с аварами¹⁰⁹. В некоторых регионах распространения славяно-аварской культуры славяне, по-видимому, составляли основное ядро населения. З. Вински замечает, что, судя по византийским источникам, историки раннего средневековья иногда под аварами подразумевали славян¹¹⁰.

В чехословацкой археологической литературе лепная керамика из славяно-аварских могильников получила название иотисской и придунайской¹¹¹. Впрочем нередко описываемую славянскую посуду здесь включают в число пражской керамики. Ведь И. Борковский всю лепную славянскую керамику середины I тысячелетия н. э. пазвал пражской, в том числе и округлобкие сосуды¹¹². Эти сосуды опубликованы среди пражской керамики словацкими археологами Д. Бялековой, Л. Красковской и другими¹¹³. Так же трактуется эта керамика в Чехии¹¹⁴. И. Нлейнеро-

¹⁰⁷ Kovrig J. Remarks of the Question of the Kestzthely-Culture. Budapest, 1958; Sós Agnes. Bemerkungen zur Frage des archäologischen Nachlasses der awarenzeitlichen Slawen in Ungarn.— Slavia Antiqua, X, 1963, S. 301—330.

¹⁰⁸ Čilinska Z. Frühmittelalterliches Gräberfeld in Zelovce. Bratislava, 1973.

¹⁰⁹ Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine.— Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, V, 1971, s. 61—67.

¹¹⁰ Так, Константин Багрянородный, касаясь Далмации, писал: «...славянские племена, которые зовутся аварами», «славяне, называемые и аварами» или «славяне или авары» и др. (Vinski Z. O palazima 6. i 7. stoljeća u Jugoslaviji s posebnim obzirom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog avarskog kaganata.— In: Opuscula archaeologica, III. Zagreb, 1958, s. 13—67).

¹¹¹ Eisner J. Deviška Nova Ves, s. 248—278.

¹¹² Borkovský I. Staroslovanská keramika ve střední Evropě, tab. II, 11, 12.

¹¹³ Bialeková D. Nové včasnoslonské nálezy z juhozápadného Slovenska, s. 97—148, obr. 14, 2, 4, 7; 47, 1; Kraskovská L. Slovansko-avarské pohrebisko pri Záhorskej Bystrice. Bratislava, 1972, s. 90, obr. 54, 6, 7; 55, 8; и другие работы. Сюда же принадлежит сосуды, относимые Л. Красковской к промежуточным между пражской и дунайской керамикой.

¹¹⁴ Poulik J. Jižní Morava, země dávných slovanů, obr. 26; Podborsky V. Stará Břeclav, nécropole du type de Prague..., tab. XXIX.

ва и И. Земан включили округлобкие сосуды в общую классификацию керамики¹¹⁵.

Гончарная посуда (чаще именуемая городищенской), получившая широкое распространение в среднедунайских областях в VII—VIII вв. и вытеснившая ленные сосуды, по формам и проноциям идентична округлобкой керамике, относимой ко второй группе.

На средней Эльбе керамика второй группы распространяется во второй половине VII в. Она названа немецкими исследователями рюсенской. Неосредственная связь ее с подунайской не вызывает сомнения¹¹⁶.

Распространение керамики второй группы в среднедунайских землях, очевидно, было обусловлено этническими перемещениями в Карнатской котловине, которые имели место во второй половине VI столетия. Из глубины Азии в Европу продвигались авары. Пройдя северопричерноморские земли, они пришли в столкновение с антами, а к 562 г. достигли Добруджи и нижнего Дуная. В 567—568 гг. авары обосновались в Паннонии.

Движение аваров привело к миграции других племен, среди которых, вероятно, были анты, заселявшие и северопричерноморские земли и области Нижнего Подунавья. Распространение в Среднем Подунавье славянской керамики второй группы и было вызвано этим движением.

Для решения славяно-аварского вопроса существенные материалы дали раскопки носелений аварского времени. Носеление Дунауйварош расположено в центре Паннонии. В его окрестностях находятся три могильника, которые венгерские археологи считают аварскими. В результате раскопок на этом поселении установлено, что в VII в. основным типом жилых построек были квадратные в плане полуземлянки с печами-каменками в углу, составляющие важнейшую этнографическую особенность славян. Меньшую часть полуземлянок автор раскопок справедливо интерпретирует как юрты, находя аналогии им среди жилищ тюркских племен Восточной Европы¹¹⁷. Типично славянские полуземлянки открыты и на некоторых других носелениях аварского времени. Существенно и то, что поселение Дунауйварош в VII в. имело кучную бес-

¹¹⁵ Pleinerová I., Zeman J. Návřh klasifikace řasně slovanské keramiky v řechách, s. 721—732, tab. III, 3—5.

¹¹⁶ Vogt H.-J. Zur frühslawischen Besiedlung des Elbe-Saale-Gebietes.— In: Berichte über den II Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie, II. Berlin, 1973, S. 395—404.

¹¹⁷ Bona I. VII. századi avar települések és árpád-kori magyar falu Dunaújvárosban. Budapest, 1973. Исследователь предпочитает называть полуземлянки славянского типа восточноевропейскими. Он полагает, что такие жилища были распространены не только среди славянского населения, но и у других племен Восточной Европы. В пользу этого приводится явно неубедительная аргументация. И. Бона отмечает, что полуземлянки строили болгары на Волге (Именьковское городище), болгары на Дунае и венгры в XI—XII вв. Однако именьковские полуземлянки (Старостин П. П. Памятники именьковской культуры.— САИ, вып. Д1-32, 1967, с. 13, 14) по своим конструктивным особенностям не имеют ничего общего со славянскими (в том числе и с дунауйварошскими). Полуземлянки в Дунайской Болгарии принадлежат славянскому населению (Въжарова Ж. Н. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI—XI век, с. 11—88), а полуземляночные жилища Венгрии составляют вариант славянских и, очевидно, заимствованы у славянского населения.

системную планировку, очень характерную для славянских селищ этого времени.

Ближайшими аналогиями дунайварошским полуземлянкам с нечамакменками являются жилища славян-антов на нижнем Дунае, в Поднепровье и Поднепровье¹¹⁸. Печи-каменки, исследованные здесь, имеют параллели исключительно в антском регионе, поскольку полуземляночные жилища среднедунайских, ноэльбских и верхневисленских славян как в VI—VII вв., так и позднее имели очаги, а не печи¹¹⁹.

Наиболее ранняя керамика поселения Дунайварош принадлежит к глиняной посуде, относимой по нашей классификации ко второй группе. Очевидно, можно полагать, что в Паннонии, как и в пределах распространения всей кестельской культуры, вместе с аварами осели и славяне — потомки антского населения. Они наслонились на существовавшее до этого в ряде районов Среднего Подунавья славянское население, представленное керамикой первой группы, и смешалось с ним.

В пользу такого решения вопроса имеется целый ряд косвенных аргументов.

Славянская принадлежность пальчатых фибул Днепровского региона была аргументирована Б. А. Рыбаковым¹²⁰. Позднее И. Вернер еще раз убедительно показал, что в качестве одиночных фибул они были составной частью славянской женской одежды¹²¹. Многочисленные новые находки пальчатых фибул в достоверно славянских поселениях и погребениях VI—VII вв. еще раз подтвердили их этническую атрибуцию¹²².

Картография этих украшений (рис. 23) показывает, что они были характерны не для всех славянских племенных группировок третьей четверти I тысячелетия н. э., а только для антов (рис. 24). Основная часть этих находок происходит из междуречья нижнего Дуная и Днепра, отсюда, где получила распространение славянская керамика второй группы. Кроме того, аналогичные пальчатые фибулы известны в среднедунайских землях. Очевидно, эти находки отражают миграцию сюда антского населения.

В югославской археологической литературе пальчатые фибулы антского типа и другие находки, сходные по формам или идентичные по стилю с предметами, входящими в составы днепровских кладов мартыновского облика, относятся к мартыновской культуре и считаются славянскими. Распространение этих древностей на обширной территории от Адриатики до Днепра, по мнению югославских исследователей, отражает славянское расселение VII в. и определяет направление миграции с

¹¹⁸ *Pannopont P. A.* Древнерусское жилище.— САИ, вып. Е1-32, 1975, с. 17—26.

¹¹⁹ *Donat P.* Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhäuser, Abb. 2.

¹²⁰ *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 57—71; *он же.* Древние русы.— СА, XVII, 1953, с. 23—404.

¹²¹ *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts.— In: Reinecke Festschrift. Mainz, 1950, S. 150—172; *idem.* Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südosteuropäischen Ländern.— Germania, 38, 1960, H. 1-2, S. 114—120.

¹²² *Матей М. Д.* Славянские поселения в Сучаве, с. 383, рис. 7; *Михайлов С.* Ранно-средневековни фибули в България.— Известия на Археологически институт, XXIV, 1961, с. 37—60; *Рафалович И. А.* Поселение VI—VII вв. у с. Ханска.— КСИА, 113, 1968, с. 97, рис. 29, 2.

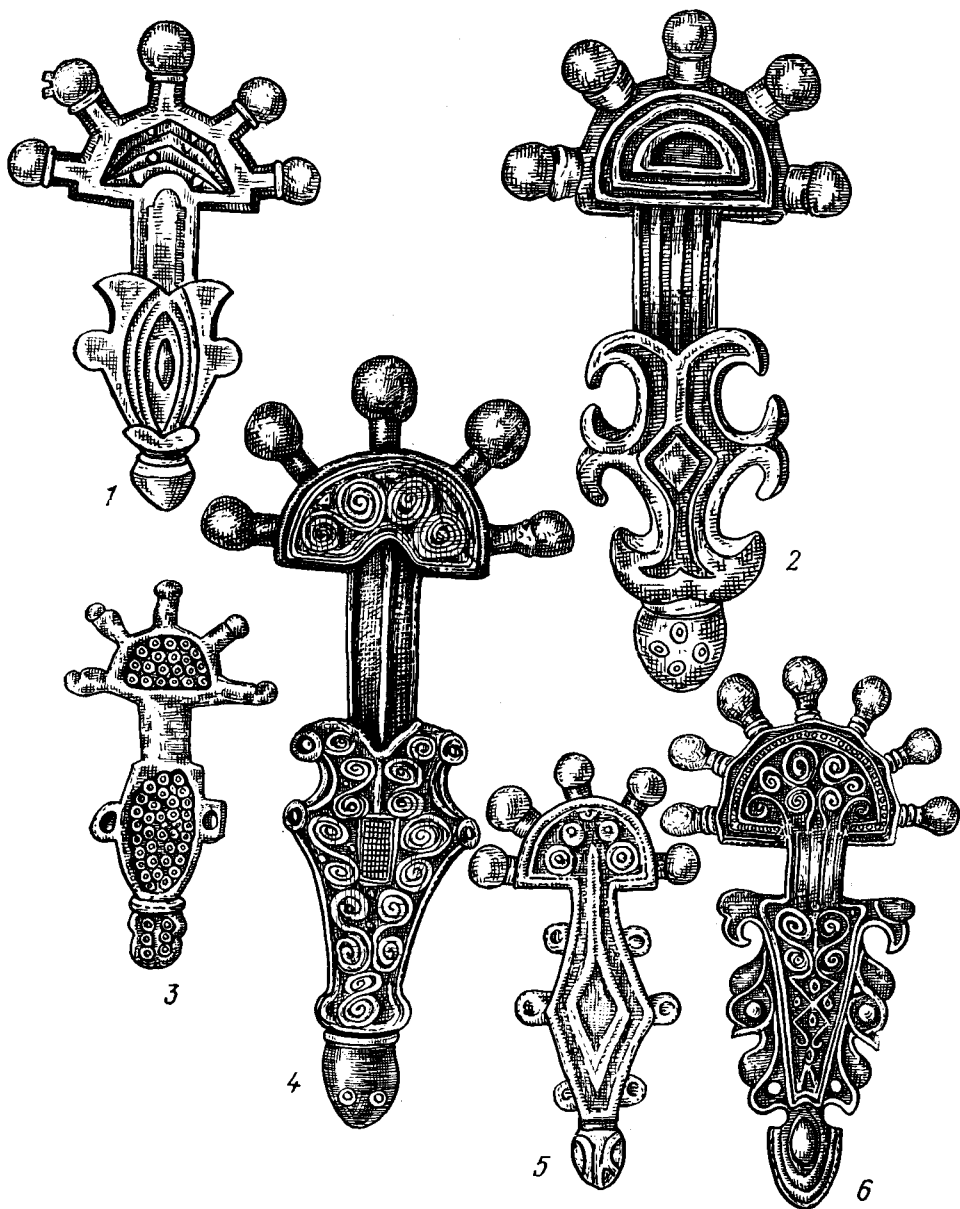

Рис. 23. Пальчатые фибулы

1 — Сучава-Шинот; 2 — Царичин Град; 3 — Морешти; 4 — Маргыновка; 5 — Сэрата-Монтеору; 6 — Кладово

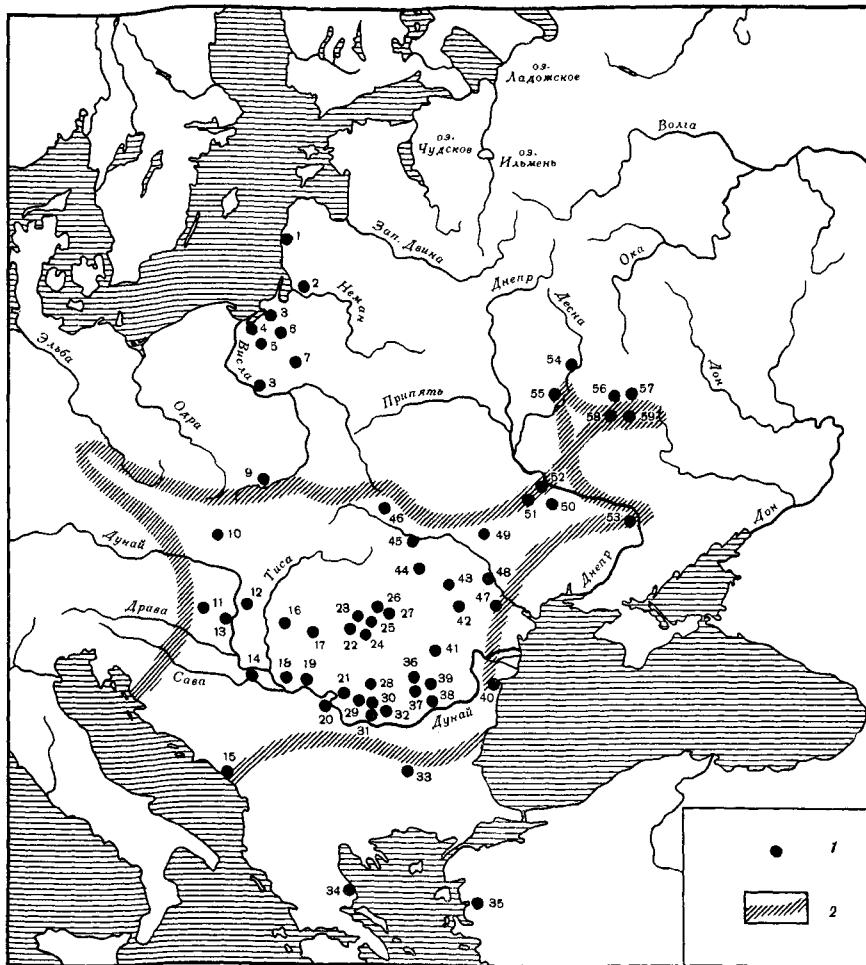

Рис. 24. Распространение пальчатых фибул (с маскообразным основанием и их дериваты)

1 — места находок пальчатых фибул; 2 — граница распространения славянской керамики второй группы

- 1 — Варвен близ Лиенаи; 2 — Штрайтплауцен; 3 — Даумен; 4 — Келларен; 5 — Вацлитц; 6 — Шеуфельдсдорф; 7 — Вышемборг; 8 — Шелиги; 9 — Нова Гута-Могила; 10 — Урчице; 11 — Добого; 12 — Кишкереш; 13 — Чакалу-Урегеды; 14 — Новы Бановцы; 15 — Лаци; 16 — Фёнлак; 17 — Руманишес Банат; 18 — Стара Загора; 19 — Дубовац; 20 — Велесница; 21 — Косовени; 22 — Векцел; 23 — Гыбаш; 24 — Сармицегетуса; 25 — Морешти; 26 — Гамбаш; 27 — Подей; 28 — Пленица; 29 — Вела; 30 — Лазу; 31 — Вырпот; 32 — Орля; 33 — Царичин Град; 34 — Неа Анхиадос; 35 — Пергам; 36 — Дамароя; 37 — Касчиорели; 38 — Ватиману; 39 — Тей; 40 — близ Истрии; 41 — Сарату-Монтеору; 42 — Вуткани; 43 — Круцеа луи Ферентц; 44 — Сучава-Шипот; 45 — Горосево; 46 — Демьянов; 47 — Хапска II; 48 — Селиште; 49 — Семенки; 50 — Пастырское; 51 — Смела; 52 — Канев; 53 — Волошское; 54 — Усок; 55 — Мена; 56 — Моква; 57 — Курск; 58 — Казачья Локня; 59 — Суджа

востока, из северонричерноморских земель, на запад, в области Нодупавья и на Балканский полуостров¹²³.

Показательно и распространение славянского этнонима хорваты. Как отмечалось, это племенное название происходит из иранского языка и зародилось, очевидно, там, где славяне вплотную соприкасались со скифо-сарматским населением, т. е. в среде антов. Упомянутая русская летопись хорваты (хрвате), жившие по соседству с восточнославянскими дулебами и волянынами, занимали часть антской территории (Верхнее Поднестровье)¹²⁴. Отдельно от них названы «хрвате белии», т. е. белые хорваты, которые жили на верхней Висле. Среди чешских племен, перечисленных в учредительной грамоте Пражского епископства 1086 г. (подтверждение старых привилегий 973 г.), названы хорваты, жившие по обе стороны Орлицких гор. В грамоте Генриха II от 1108 г. говорится о хорватах на Заале около Мерзебурга. Масуди упоминает хорватов, живших между Моравой и Чахиным¹²⁵. Наконец, хорваты с VII в. и до сих пор живут в западной части Балканского полуострова.

Разбросанность этих этнонимов свидетельствует о миграции хорватов¹²⁶. Очевидно, все эти хорваты являлись частью одного большого племени, входившего в состав антов. Еще Л. Нидерле полагал, что прикарпатские хорваты подверглись около 560 г. нападению аваров, после чего значительная часть хорватов мигрировала к Адриатическому побережью, а более мелкие группы этого племени расселились в различных местах Среднего Подунавья и на Эльбе. Константин Багрянородный в сочинении «Об управлении империей» рассказывает, что хорваты пришли на Балканский полуостров в период царствования императора Ираклия, приблизительно в 630—640 гг., с севера, со своей древней родины, которая называлась Белая или Великая Хорватия.

Все известные этнонимы хорватов находятся в пределах ареала славянской керамики второй группы (рис. 25), подтверждая предположение Л. Нидерле.

Конечно, хорваты не составляли всей массы славянских переселенцев Среднего Подунавья. Помимо них, в славяно-аварском миграционном потоке участвовали и другие племена славян-антов.

Другой славянский этноним — дулебы, восходящий также к праславянской поре, территориально связан с племенной группировкой славян, представленной керамикой первой группы (рис. 25). Бесспорно, что ду-

¹²³ Korošec J. Archeološki sledovi slovanske naselitve na Balkanu.— Zgodovinski časopis, VIII, 1954, s. 7—26; *idem*. Pravilnost opredeljevanja posameznih predmetov in kultur zgodnjega srednjega veka do 7. stoletja kot slovanskih.— Zgodovinski časopis, XII—XIII, 1958—1959, s. 90—99; *Vinski Z.* Epoque préhistorique et protohistorique en Yougoslavie.— In: Recherches et résultats, Beograd, 1971, p. 385—392; *Čirovič-Ljubinkovič M.* Les Slaves du Centre balkanique du VIe au IXe siècle.— In: Balcanoslavica, 1. Prilep — Beograd, 1972, p. 43—54.

¹²⁴ Тимофеев Е. Н. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв.— СА, 1961, № 3, с. 56—75.

¹²⁵ Сведения о хорватах собраны Л. Нидерле (*Niederle L.* Slovanské starožitnosti, II, Praha, 1906, s. 244, 271; *II. Praha*, 1919, s. 194—223).

¹²⁶ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— ВЯ, 1974, № 6, с. 48—67.

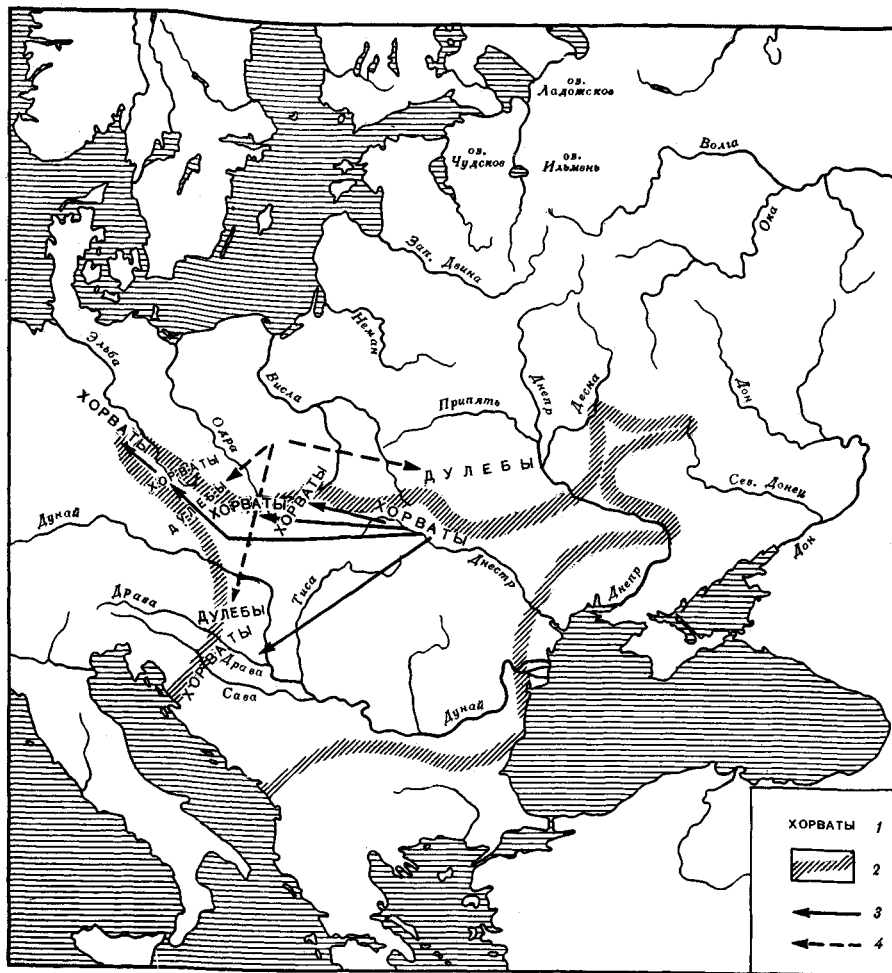

Рис. 25. Распространение праславянских этнонимов в эпоху средневековья

1 — локализация племен; 2 — ареал славянской керамики второй группы; 3 — направления расселения хорватов; 4 — предположительное направление миграции дулебов

лебы составляли какую-то часть этой группировки; наряду с ними в ее составе были и другие праславянские племена, названия которых не дошли до нас. Разбросанность этнонимов дулебы отражает миграции выходцев из этого племени. Где находилась коренная территория дулебов, определить невозможно. Поскольку этот этноним имеет западногерманское происхождение¹²⁷, то, видимо, нужно допустить, что славянское

¹²⁷ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян, с. 52, 53.

племя дулебов сложилось еще в римское время где-то по соседству с западногерманским населением. Оттуда дулебы расселились в разных направлениях. Средневековые письменные источники фиксируют дулебов на Волыни, в Чехии, на среднем Дунае, между озером Балатон и рекой Мурсой, и в Хорутании, на верхней Драве¹²⁸.

При характеристике славяно-иранского симбиоза, вероятно имевшего место в период черняховской культуры, было отмечено, что к элементам иранского субстратного воздействия принадлежит фонема $\gamma(h)$. Ареал этой фонемы кроме южной части восточнославянской территории включает также среднедунайские земли и бассейн верхней Эльбы. Сейчас невозможно определить, когда эта фонема проникла в чешский и словацкий языки. «Но нельзя исключить и возможность того, что чешский и словацкий были охвачены данной изоглоссой еще тогда, когда предки чехов и словаков были расселены в восточнее нынешней территории и жили в непосредственном соседстве с предками украинцев»¹²⁹.

В свете рассмотренных материалов можно полагать, что распространение фонемы $\gamma(h)$ в среднедунайских землях восходит к расселению здесь славянской группировки, представленной в археологических памятниках керамикой второй группы. Наличие этой фонемы в чешском и словацком языках косвенно отражает справедливость исторических построений, предложенных выше.

Наконец, о материалах палеоантропологии. В моей работе, посвященной среднеднепровским славянам, показано, что славяне X—XII вв., характеризующиеся мезокранией при относительной узколицести, являлись в основном потомками черняховского населения, сложившегося в условиях ассимиляции местных ирапоязычных племен¹³⁰. Помимо поднепровских земель, этот антропологический тип в эпоху средневековья получил распространение среди славянского населения Среднего Подунавья и известен на верхней Эльбе (рис. 3). Не исключено, что этот факт отражает расселение потомков антских племен, как оно вырисовывается на археологическим материалам.

Области распространения славянской керамики первой группы ареально соответствуют мезокранный и долихокранный широколицые типы. Интересно, что в Среднем Подунавье наряду с мезокранным среднеличьим типом встречается и мезокранный относительно широколицый тип, что полностью коррелирует с археологическими материалами.

Племена северо-западного региона

Древности третьей четверти I тысячелетия н. э. в северо-западной части территории славянского расселения (рис. 20) подразделяются исследователями на три очень близкие культурные группировки, слабые раз-

¹²⁸ Niederle L. Slovanské starožitnosti, II, s. 369, 370.

¹²⁹ Абаев В. И. О происхождении фонемы $\gamma(h)$ в славянском языке.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 120.

¹³⁰ Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии).— СЭ, 1974, № 1, с. 16—31.

Рис. 26. Керамика суковского типа из поселений Кляйн Марков, Герке, Венцов и Суков

личия между которыми обнаруживаются лишь в керамическом материале. В соответствии с трехчленным делением славянства Иорданом северозападную культурную группировку можно условно считать венецкой, а отдельные ее части, может быть, отражают племенные членения.

Для территории Мекленбурга характерна глиняная посуда, которая в последнее время получила наименование керамики суковского типа¹³¹. В более ранних работах ее относили к первому и второму видам менкендорфской керамической грунны¹³².

Вся керамика суковского типа ленная. Ее основными типами (рис. 26) являются горшки двух вариантов и мискообразные сосуды.

¹³¹ *Schuldt E.* Die Ausgrabungen in Gebiet der «Alten Burg» von Sukow, Kr. Teterow.— In: *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg, Jahrbuch 1963.* Schwerin, 1964, S. 217—238; *idem.* Slawische Töpferei in Mecklenburg.

¹³² *Schuldt E.* Die slawische Keramik in Mecklenburg.

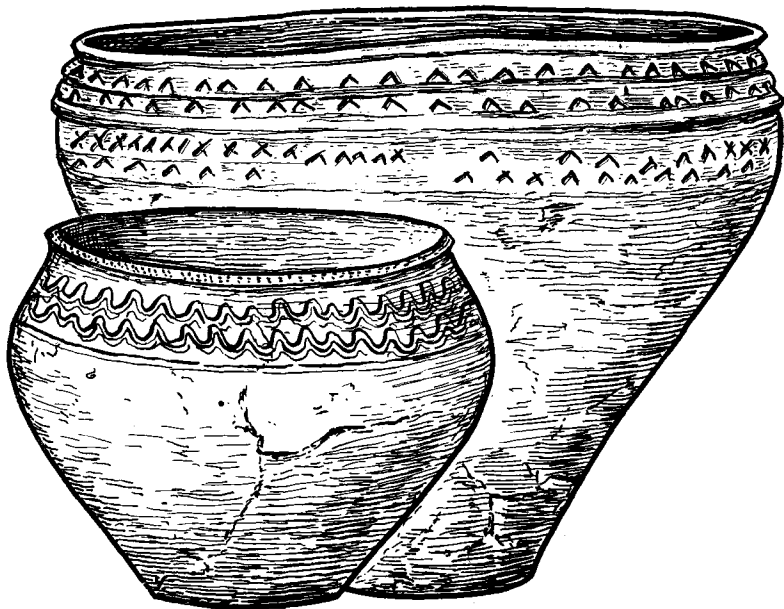

Рис. 27. Сосуды фельдбергского типа

К первому варианту принадлежат широкие и приземистые горшки с наибольшим расширением в верхней части. Они имеют сравнительно широкое горло и небольшое по диаметру днище. Вторым вариантом составляются почти биконические горшки со сглаженным переходом от верхней части к нижней. Почти такая же форма у мисок при меньшей высоте и большем диаметре.

На основании раскопок поселения близ Сукова и некоторых иных наблюдений Э. Шульдт полагает, что керамика суковского типа была широко распространена уже в VII в. и бытовала до IX в. включительно¹³³. Это самая ранняя славянская керамика в междуречье нижней Эльбы и нижнего течения Одера.

Почти одновременно с суковской керамикой в Мекленбурге распространяется гончарная посуда фельдбергского типа (рис. 27). Это преимущественно горшкообразные сосуды, невысокие, с выпуклыми боками, широким горлом и суженным дном. Большая часть сосудов орнаментирована многорядной волной или горизонтальными линиями, встречаются штампованные узоры и налепные валики ниже шейки.

По мнению Э. Шульдта, фельдбергская керамика в целом датируется VIII—IX вв., а ее прототипы появляются в VII в. В основе этой керамики лежат формы суковской посуды, из которых путем эволюции и развиваются горшки фельдбергского типа¹³⁴.

¹³³ *Schuldt E.* Die slawische Keramik von Sukow und das Problem der Feldberger Gruppe.— In: *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg, Jahrbuch 1962.* Schwerin, 1963, S. 261.

¹³⁴ *Schuldt E.* Die slawische Keramik von Sukow..., S. 241—261.

П. Херрманн оспаривает эти положения, утверждая, что фельдбергская керамика сосуществует с суковской, а на отдельных поселениях является раньше последней. Так, на селище Дамен в слое, содержащем фельдбергскую керамiku, найдена небольшая шпора с гвоздеобразным шипом, что дает основание датировать отложения VI в.¹³⁵

На большинстве обследованных раннеславянских поселений Мекленбурга встречены фрагменты как суковской, так и фельдбергской керамики. Поселения неукрепленные и укрепленные. Первая карта их опубликована Х. Кайлингом¹³⁶. Общее распространение фельдбергской керамики показано в книге И. Херрманна¹³⁷. Более подробная информация о конкретных памятниках с находками суковской и фельдбергской керамики приведена в «Корпусе археологических источников по раннему средневековью ГДР», первый том которого, вышедший из печати, посвящен пока трем округам — Ростокскому, Шверинскому и Магдебургскому¹³⁸.

Жилищами на этих поселениях были наземные срубные дома. Погребальные наметки славянского населения VI—VIII вв. в рассматриваемом регионе не найдены.

Вопрос о происхождении славянской племенной группировки, представленной суковской и фельдбергской керамикой, далек от разрешения.

Э. Шульдт высказал догадку о возможности генезиса суковской керамики из пражской¹³⁹. Однако глиняная посуда суковского типа в развитых формах бытовала, несомненно, уже в VII в., т. е. в междуречье Эльбы и Одера она одновременна пражской, а серьезное отличие суковских мисок и горшков второго типа от пражских керамических форм делает предположение Э. Шульдта невероятным.

Достоверно, что керамика суковского и фельдбергского типов принесена в междуречье нижней Эльбы и Одера в результате славянского расселения. Сказать, откуда происходила эта миграция, пока невозможно. Представляет интерес в этой связи точка зрения И. Херрманна о происхождении фельдбергской керамики из распространенной на территории Силезии глиняной посуды, относящейся к культуре римского времени и эпохи переселения народов. Среди этой посуды действительно есть горшки, которые по формам и орнаментации весьма близки фельдбергским и могли быть их прототипами¹⁴⁰.

Очевидно, можно полагать, что славянские племена, расселившиеся на территории Мекленбурга, происходят из Силезского региона пшеворской культуры. Среди пшеворских древностей имеются керамические формы, от которых могла произойти и суковская глиняная посуда. Некоторое сходство между горшками суковского и пражского типов в таком случае обусловлено не эволюцией первых от вторых, а общим ис-

¹³⁵ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse..., S. 41—51.

¹³⁶ Keiling H. Keramikfunde aus einer frühslawischen Siedlung von Gramonshagen, Kr. Schwerin.— In: Ausgrabungen und Funde, Bd 10, H. 4. Berlin, 1965, S. 187—191.

¹³⁷ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse..., Abb. 6.

¹³⁸ Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert), I.

¹³⁹ Schuldt E. Die slawische Keramik von Sukow..., S. 258.

¹⁴⁰ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse..., S. 70—73.

Рис. 28. Керамика «неорнаментированного» типа

1 — Гросс-Вустервиц; 2 — Миттенвальде; 3, 5 — Вильдберг; 4 — Ратенов; 6 — Бютцер

точником — пшеворской керамикой. Произошло ли распространение суковской и фельдбергской керамики в междуречье пижней Эльбы и Одера в результате одного миграционного потока славян, или же эти два типа глиняной посуды отражают расселение двух племенных группировок славянского населения третьей четверти I тысячелетия н. э., сказать пока невозможно.

Южнее, в средней части междуречья Эльбы и Одера, преимущественно в бассейне Хафеля, распространена славянская керамика, которая в немецкой археологической литературе называется «Unverzierte Keramik». Высказывалось предположение, что она составляет ветвь пражской. Однако недавно К. Гребе показал, что «Unverzierte Keramik» принадлежит к той же керамической группе, что и суковский тип, а связь ее с пражской остается неясной¹⁴¹.

Формы этой посуды (рис. 28) во многом близки к суковским: те же миски и невысокие горшкособразные сосуды с широким горлом. Встречаются и горшки с несколько сглаженным ребром при переходе от верхней части к нижней. Кроме того обычны небольшие по размерам горшки, несколько напоминающие пражские.

Среди поселений есть и неукрепленные, и городища. Очевидно, в районы, непосредственно соседящие с ареалом пражской керамики, проникают

¹⁴¹ Grebe K. Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebietes.— In: Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam, Bd 10. Potsdam, 1976, S. 167—204.

полуземляночные жилища. Такие постройки с керамикой, типичной для Бранденбурга, выявлены расконками поселения Бютцер. Для основной же массы поселений характерны наземные дома с очагами из камней, занимающими угловое положение.

Датируются отложения с «Unverzierte Keramik» VII—VIII вв. В конце VII—VIII в. в бассейне Хафеля широко распространяется фельдбергская керамика.

Восточнее пижнего Одера, в северо-западных районах современной территории Нольши, к VI—VII вв. принадлежат древности, получившие название дзедзицких. Поселение Дзедзицы, давшее название этой культурной группировке, находится в 60—80 км к югу от Щецина. В течение нескольких лет оно раскапывалось А. Пожезинским¹⁴². Его площадь около 4 га. В результате исследований Дзедзицкого и расположенного в том же районе Дерчевского селищ установлено, что жилищами были наземные срубные дома с удлиненоовальными ямами в полу. Отапливались жилища с помощью очагов, устроенных либо в углублениях, либо из камней, выложенных в один-два яруса.

Вся керамика дзедзицкого типа лепная. В ее составе господствуют горшки нескольких типов (рис. 29). Наиболее распространенными были более или менее профилированные приземистые сосуды с широким горлом, близкие к суковским. Кроме того, были сосуды невысокие округлобокие, баночные и яйцевидные, а также высокие горшки с наибольшим расширением в верхней части и усеченноконическим туловом, сопоставимые с пражско-корчакскими. Керамика не орнаментирована.

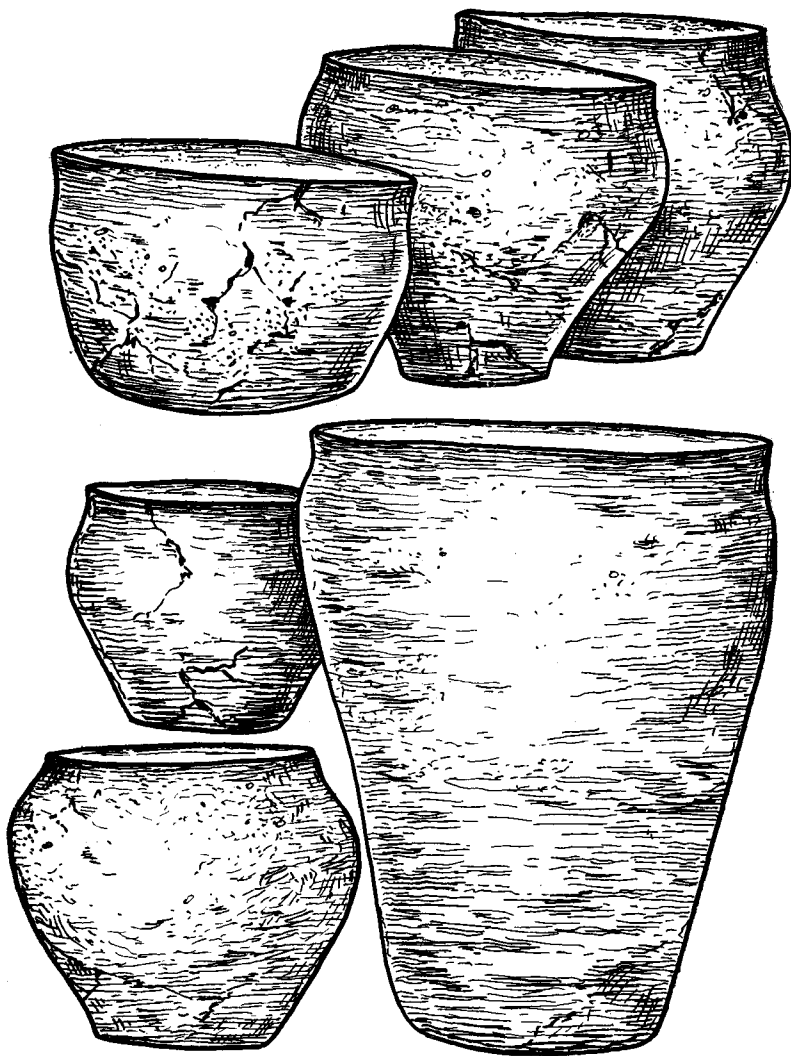
Дзедзицкая глиняная посуда является региональной группой славянской керамики третьей четверти I тысячелетия н. э. Ныне она известна более чем на 30 поселениях Польского Поморья, преимущественно между нижним Одером и Парсентой¹⁴³. Датирующих предметов в напластованьях с дзедзицкой керамикой пока не встречено. Но поскольку эти отложения предшествуют наслоениям с керамикой голанчского типа, то дзедзицкую глиняную посуду датируют VI и первой половиной VII в.

Голанчский керамический тип отличается многообразием форм. Сюда принадлежат баночные сосуды, яйцевидные горшки, сосуды, близкие к биконическим, широкие горшки, близкие к мискам. Большинство сосудов не орнаментировано. Но среди них имеются и с узорами — волнистыми, линейными и вертикальными штрихами. Ноявляются сосуды, исправленные на гончарном круге. Голанчская керамика получила распространение в польскопоморских землях в VII — первой половине VIII в.¹⁴⁴ Представляется несомненным, что эта посуда появилась в результате эволюции дзедзицкой керамики.

¹⁴² *Porzeziński A.* Wstępne wyniki badań na osadzie wczesnośredniowiecznej w Dziedzicach, pow. Myślibórz.— In: *Materiały zachodniopomorskie*, XV. Szczecin, 1969, s. 69—102; *idem.* Wstępne wyniki badań na osadzie wczesnośredniowiecznej w Dziedzicach, pow. Myślibórz.— In: *Materiały zachodniopomorskie*, XVII. Szczecin, 1971, s. 97—112.

¹⁴³ *Zak J.* Die älteste frühmittelalterlich-slawische Keramik Westpommerns.— *Koszalińskie zeszyty muzealne*, 5, 1975, s. 221—229.

¹⁴⁴ *Losiński W.* Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.), s. 36—39.

Рис. 29. Сосуды из поселения Дзедзицы

Жилищами на поселениях, характеризующихся голанчской керамикой, служили наземные бревенчатые дома срубной конструкции. Иногда нижние части домов несколько опущены в грунт. Отапливались дома очагами, сложенными из глины или из глины и камней.

Погребения этого времени в Нольском Номорье не найдены.

Вопрос о происхождении славянской группировки, представленной памятниками с дзедзицкой и голанчской керамикой, пока не поддается разрешению. Можно предполагать, что эта группа славян вышла из ареа-

ла пшеворской культуры, но для изучения деталей ее происхождения нужны новые археологические материалы.

В VII—VIII вв. в отдельных местах Нольского Поморья распространяется и фельдбергская керамика.

Характеристика северо-западного региона славянства была бы неполной, если не упомянуть племенную группировку, представленную торновской керамикой (рис. 30). Название ее происходит от городища Торнов, расположенного в Нижней Лужице. В 1961—1963 гг. этот памятник был исследован почти целиком¹⁴⁵.

К торновской керамике принадлежат в основном биконические горшкособразные сосуды. Ярковыраженный или ослабленный излом стенок приходится у ранних сосудов на середину их высоты. Но уже в VII в. вместе с ними широко представлены горшки с переломом стенок в верхней части их высоты. Некоторые сосуды имеют на стенках рельефные пояса, обычно орнаментированные штриховым узором. И. Херрманн разработал типологическую классификацию торновской керамики¹⁴⁶.

Полевые исследования в Торнове и его окрестностях — Борхельте и Лютьенберге¹⁴⁷ — выяснили взаимоотношения славянских племенных группировок, представленных керамикой пражско-корчакского облика и торновской посудой. Установлено, что это были различные племенные группировки славян, генетически не связанные между собой. Первыми в окрестностях Торнова появились славяне — носители керамики первой группы. Их поселение Лютьенберг I датируется VI — началом VII в. Во второй половине или в конце VI в. по соседству возникает поселение Лютьенберг II, основанное славянами, которые употребляли торновскую керамику. Какое-то время оба поселения сосуществовали. В начале VII в. славяне — носители торновской керамики основывают городище Борхельт А и прилегающее к нему селище. Преобладание торновской культуры в этой местности привело к тому, что культура поселения Лютьенберг I прекращает здесь свое существование.

Подобная или близкая картина наблюдается и в других местах расселения славян — носителей торновской керамики. В начале VII в. она плотно заселяет весь регион Нижней Лужицы. На этом основании И. Херрманн полагает, что ареал торновской керамики соответствует области расселения средневекового славянского племени лужичан, а саму керамику считает этнографическим признаком его культуры¹⁴⁸.

С этим положением можно согласиться лишь частично. Характерной для племени лужичан следует считать, по-видимому, торновскую керамику IX—X вв. В рассматриваемое же праславянское время эта керамика была распространена не только в Лужицкой области, но и в более восточных районах Одерского бассейна. Ее носители, вероятно, составляли отдельную племенную группировку праславян. Их расселение привело к

¹⁴⁵ Herrmann J. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Berlin, 1966.

¹⁴⁶ Herrmann J. Tornow und Vorberg, S. 53—78.

¹⁴⁷ Herrmann J. Die germanischen und slawischen Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow. Kr. Calau. Berlin, 1973.

¹⁴⁸ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse..., S. 51—57.

Рис. 30. Керамика из поселения Торное

сложению средневековых племен, в числе которых, очевидно, были и лужичане.

Керамика торновского типа известна на некоторых поселениях территории Польши, в частности на таких намятниках, как Бониково, Брущево, Гостын, Далешин, Кленица и др.¹⁴⁹ Нижние горизонты (слои V и IV) культурных напластований в Боникове З. Раевский и З. Хильче-

¹⁴⁹ *Petersen E.* Der Burgwall von Kleinß Kr. Guhrau.— In: *Altschlesien*, Bd 7. Breslau, 1938, S. 59—75; *Hilczkowa Z.* Wczesnośredniowieczne grodzisko w Daleszynie w pow. gostyńskim. Poznań, 1960, rys. 34, 35; *eadem.* Dorzecze górnej i środkowej Obry..., s. 50—139.

рувна по находкам фибулы с подвязанной ножкой III—V вв., шпоры и пинцетки VI в. отнесли ко времени от рубежа V и VI до конца VII в.¹⁵⁰, с чем нельзя не согласиться. Для определения начальной даты других памятников с торновской керамикой материалов нет. Обычно считается, что эта керамика получает распространение с VII в., но не исключено, что в отдельных районах торновская посуда бытовала уже в VI столетии.

Жилпщами рассматриваемой группы славян были наземные дома столбовой конструкции. Могильные памятники VI—VII вв. пока не выявлены. Поэтому вопрос о происхождении этой славянской группировки может быть поставлен и решен пока лишь на керамическом материале.

Анализ торновской керамики привел И. Херрманна к заключению, что она сформировалась в VI—VII вв. на территории Силезии и Лужицы на основе биконических сосудов более раннего времени¹⁵¹. Действительно, среди керамики позднеимского времени и эпохи переселения народов имеется немало сосудов, от которых могла произойти торновская посуда славян. В особенности это касается Силезии, где на памятниках добродзеньской группы пшеворской культуры, датируемых IV—V вв. (например, Олштын), встречаются и гончарные, и ленные биконические сосуды, иногда с пластическими орнаментальными поясами, как на торновской керамике. Выводы И. Херрманна о формировании торновской керамики на основе керамики, распространенной в эпоху переселения народов на территории Силезии, являются ныне наиболее аргументированными. Славянская принадлежность торновской керамики несомненна. Очевидно, можно полагать, что предками славян — носителей торновской керамики была какая-то часть пшеворского населения. Это племенная группировка славян вышла не из Висленского региона, а из Одерского, занятого в основном германскими племенами. По-видимому, на Одере в римское время среди германских племен имелись относительно небольшие группы славян, но выявить их на конкретных археологических материалах пока не представляется возможным.

* * *

VI—VII веками завершается последний период праславянской истории. Расселение славян на обширнейших пространствах, их активное взаимодействие с иноэтничными племенами привели к культурной дифференциации славянского мира и членению единого языка на отдельные славянские языки. С VIII в. наступает новый этап славянской истории, когда в результате сложных миграционных пертурбаций и ассимиляционных процессов формируются средневековые племенные объединения

¹⁵⁰ *Rajewski Z.* Zur Frage der Chronologie der frühmittelalterlichen Keramik in Polen.— *Prähistorische Zeitschrift*, 37, 1959, S. 197; *Hilczarówna Z.* Early Mediaeval Fort in Bonikowo, Distrikt Kościań.— In: *Archaeologia Polona*, V. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, s. 64—91; *eadem.* Naszynnik brązowy z wczesnośredniowiecznej osady w Bonikowie w pow. kościańskim.— In: *Munera Archaeologica Josepho Kostrzewski.* Poznań, 1963, s. 343—349.

¹⁵¹ *Herrmann J.* Tornow und Vorberg, S. 124—126.

славян, известные по письменным источникам, а на отдельных славянских землях складываются первые государственные образования.

Попытка некоторых исследователей видеть в трех славянских группах Иордана — славянах, антах и венедах — отражение трехчленной дифференциации современных славянских языков (восточные, западные и южные славяне) остается догадкой, не имеющей под собой фактологического материала. Существующее ныне трехчастное членение славянства является продуктом не праславянского периода, а более позднего исторического процесса.

Три группировки славянства середины I тысячелетия н. э., выделяемые теперь по данным археологии, нужно полагать, отражают диалектно-племенное членение на последней стадии эволюции праславянского языка. Как свидетельствуют языковые материалы, распад общеславянского единства был весьма сложным процессом, состоявшим не только в делении славянской территории, но и в перегруппировках различных праславянских племен. Поэтому диалектное членение праславянского языка и позднейшее трехчастное деление славянства никак не связаны между собой генетически.

Указатели

Указатель имен

- Абаев В. И. 20, 21, 25, 98, 99, 133
 Абрамова М. Н. 84
 Август, римский император 31
 Агафий, византийский историк 31
 Алексеева Т. И. 33—35
 Амброз А. К. 77
 Антонович В. 8
 Артамонов М. И. 14, 41, 121
 Аурелиан П. 87
- Баран В. Д. 91, 97, 101, 102, 109, 119, 121, 122
 Бем Я. 113
 Беранова М. 110
 Березовец Д. Т. (Березовец Д. Т.) 119, 121
 Бернштейн С. Б. 22, 23, 26, 74
 Бобринский А. А. 80
 Боев П. 34
 Бонн Ф. 8
 Борковский И. 101, 104, 110, 111, 126
 Братанич Б. 113
 Брюсов А. Я. 40
 Бузук Н. А. 11
 Бяленова Д. 102, 110, 112, 113, 126
- Ван-Вейк Н. 22
 Великанова М. С. 85
 Вернер И. 112, 128
 Вински Э. 111, 126, 131
 Выжарова Ж. Н. (Въжарова Ж. Н.) 103, 109, 123, 127
 Вязьмитина М. И. 81, 82
- Гардавский А. 14
 Гамченко С. С. 108
 Гензель В. 15, 16, 108
- Генрих II, германский император 131
 Георгиев В. 125
 Геродот, древнегреч. историк 10, 14, 29, 41, 98
 Гончаров В. К. 124
 Горнунг Б. В. 14—16
 Горюнов Е. А. 123
 Готье Ю. В. 125
 Гребе К. 137
 Грубы В. 110
 Грушевский М. С. 125
- Дабрагаст, ант 125
 Дебец Г. Ф. 33
 Донат П. 114, 128
- Евграфий, сирийский автор VI в. 32
- Заимов Й. 29
 Залвяняк А. А. 24, 25
 Земан И. 102, 110, 111, 127
- Иванов В. В. 24
 Ильинская В. А. 82
 Ильинский Г. А. 11
 Иоанн Эфесский, сирийский автор VI в. 32
 Иордан, историк готов VI в. 8, 29—32, 100, 117, 118, 124, 134, 143
 Ираклий, византийский император 131
- Кайлинг Х. 136
 Каменецкий И. С. 40
 Караман Л. 113
 Кассий Дион, римский историк 61
 Киммиг В. 44, 45
 Киммиг Э. 45
 Кланаца Э. 110
 Клиндт-Иенсен О. 62
 Ключевский В. О. 8
- Ковнащенко Г. Т. 82
 Комша М. 102, 103, 109, 110, 123
 Кондукторова Т. С. 41, 85, 97
 Константин Багрянородный, византийский император 126, 131
 Кониар В. 113
 Корпусова Б. П. 85
 Коссака Г. 17, 41
 Коссицна Г. 39, 46
 Костшевский Ю. 12, 46, 47, 56, 60, 61, 116, 117
 Кравченко Н. М. 89
 Крае Х. 19, 20, 45
 Красновская Л. 126
 Кроткий В. В. 84, 91
 Курнатовская Э. 118
 Кухаренко Ю. В. 74, 75, 80, 84, 108
 Кюн Х. 17, 41
- Латышев В. В. 30
 Левинский И. Ф. 108
 Лелеков Л. А. 99
 Лер-Славинский Т. 5, 12, 13, 18, 28, 29
 Любимкович М. 113, 131
 Лянушкин И. И. 103
- Маврикий (Псевдо-Маврикий), византийский историк 31
 Магомедов Б. В. 85
 Мажюлис В. 23, 24, 47
 Максимов Е. В. 74, 76
 Маркс К. 61
 Марин Тирский, географ I в. н. э. 30
 Мартынов В. В. 22, 23, 27, 52
 Масуди, арабский автор 131
 Матей М. 123, 128
 Махно Е. В. 81

- Мачинский Д. А. 78
 Мезенцева Г. Г. 124
 Мельниковская О. Н. 75
 Мелюкова А. И. 81
 Менаандр Протиктор, византийский автор 31
 Миклошич Ф. 113
 Митша-Мерхайм Х. 111
 Михайлов С. 128
 Мншулин А. В. 31, 124
 Монгайт А. Л. 40
 Монтелиус О. 39
 Мошинский К. 13
 Мошкова М. Г. 81
- Истор, древнерусский летописец, 7, 33**
 Нидерле Л. 5, 10, 33, 34, 71, 125, 131, 133
 Никитина Г. Ф. 55, 56, 91
- Отто К.-Г. 39, 40**
- Первольф И. 8
 Петренко В. Г. 81
 Петров В. П. 15, 108, 119, 121
 Пигулевская Н. В. 32
 Пизани В. 24
 Плейперова И. 111, 126, 127
 Плетнева С. А. 121, 124
 Плиний 29, 31, 60
 Погодин А. Л. 9, 10, 29, 125
 Погодин М. Н. 8
 Пожезинский А. 138
 Покровская Е. Ф. 82
 Поулик Й. 102, 110, 112, 126
 Прайдель Х. 112
 Приходнюк О. М. 102
 Проконий Кесарийский (Проконий из Кесарии), византийский автор 31, 124
 Птолемей Клавдий, римский географ 30, 31, 61
- Раевский З. 141, 142
 Ранпонт И. А. 128
 Рафалович И. А. 102, 122, 128
 Рикман Э. А. 78, 81, 84, 85, 89, 98
 Розвадовский Я. 10
 Роснонд С. 29
 Рострафинский Ю. 10, 11, 16
 Русанова И. П. 101, 103, 104, 108, 116
 Рутковская Л. М. 122
 Рыбаков Б. А. 16, 33, 99, 128
- Савченко А. Н. 27
 Свешников И. К. 84
 Скржинская Е. Ч. 31, 32, 117, 118
 Сметанка З. 110
 Смирнов К. Ф. 81, 84
 Смит Х. 19
 Смишко М. Ю. 84
 Соловьев С. М. 8
 Спицын А. А. 125
 Стаян Ч. 110
 Старостин П. Н. 127
 Сымонович Э. А. 80, 85, 91
- Тацит Корнелий, римский историк 30, 31, 61**
 Тейрал Я. 53, 68, 71, 112
 Телегин Д. Я. 121
 Тереножкин А. И. 82
 Тимофеев Е. Н. 131
 Тимощук Б. А. 102, 109
 Тиханова М. А. 98
 Толстой Н. И. 113
 Тоноров В. Н. 24–26, 41, 47, 99
 Трегер Г. 19
 Третьяков П. Н. 14, 40, 75, 77, 123, 125
 Трнячкова З. 113
 Трофимова Т. А. 33, 35
 Трубачев О. Н. 21, 24–26, 28, 41, 45–47, 99, 131, 132
 Трубецкой Н. С. 22
- Фасмер М. 11, 18, 99, 100**
 Федоров Г. Б. 80, 81, 85
 Феофилакт Симокатта, византийский историк 31
 Филевич И. П. 8
 Филин Ф. П. 15, 16, 19, 21, 25, 51, 74, 100
- Хавлюк П. И. 119, 122
 Хазегав И. 102
 Хахманн Р. 17, 41, 62
 Хвойка В. В. 15
 Херрманн И. 52, 102, 112, 136, 140, 142
 Хильчерувна З. 102, 108, 116, 141, 142
 Хирт Х. 9
- Цезарь, римский император 17, 30**
 Цолль-Адамикова Е. 114
- Чекановский Я. 12, 33**
- Шафарик Н. И. 8**
 Шахматов А. А. 11, 125
 Швидецкая И. 33
- Шевелов Г. 22, 74
 Шиманский В. 104, 116
 Шовкопляс А. М. 124
 Шульдт Э. 52, 102, 134, 135, 136
- Энгельс Ф. 61**
- Aleksiejewa T. *см.* Алексеева Т. И.
 Antoniewicz W. *см.* Антонович В.
 Baran V. D. *см.* Баран В. Д.
 Bernat W. 105
 Bichir Gh. 81
 Boev P. *см.* Боев П.
 Bóna J. 111, 127
 Bolomey A. 82
 Borr F. *см.* Бонн Ф.
 Borkovský I. *см.* Борковский И.
 Bratanič V. *см.* Братанич В.
 Brückner A. 11
 Bialeková D. *см.* Бялекова Д.
 Chropovský V. 110
 Čilinska Z. 126
 Comşa M. *см.* Комша М.
 Corovič-Ljubinkovič M. *см.* Любинкович М.
 Czekanowski J. *см.* Чекановский Я.
 Dąbrowska T. 53, 64, 66
 Dekan J. 110
 Dolinescu-Ferche S. 123
 Donat P. *см.* Донат Н.
 Duridanov J. 26
 Dymaczewski A. 64
 Diaconu G. 79, 87
- Eisner J. 110, 126**
- Filip J. 52, 84**
- Gimbutas M. 44, 46, 47**
 Godłowski K. 55, 65
 Grebe K. 137
- Hachmann R. *см.* Хахманн Р.**
 Nachulska-Ledwos R. 104
 Pasegawa J. *см.* Хазегав И.
 Hensel W. *см.* Гензель В.
 Herrmann J. *см.* Херрманн И.
 Hilczegówna Z. *см.* Хильчерувна З.

- Hirt H. *см.* Хирт X.
 Hoffmann W. 111
 Holowinska Z. 104
 Hruby V. *см.* Грубы В.
 Hübschmann H. 100
- Jahn M. 62
 Jankuhn H. 63
 Jasnosz S. 64, 104
- Kalmykow A. 99
 Karaman L. *см.* Караман Л.
 Keiling H. *см.* Кайлинг X.
 Kietlińska A. 66
 Kilian L. 47
 Kimmig W. *см.* Киммиг В.
 Kiparski V. 74
 Klanica Z. *см.* Кланица З.
 Kleeman O. 71
 Klindt-Jensen O. *см.* Клиндт-Иенсен О.
 Korošec J. 131
 Kossack G. *см.* Коссак Г.
 Kossinna G. *см.* Коссинна Г.
 Kostrzewski B. 64
 Kostrzewski J. *см.* Костшевский Ю.
 Kovrig J. 126
 Kozłowski L. 12
 Krahe H. *см.* Крае X.
 Kraskovská L. *см.* Красковская Л.
 Krüger B. 111
 Kudrnač J. 110
 Kühn H. *см.* Кюн X.
 Kurnatowská Z. *см.* Курнатовская З.
 Kurth G. 35
- Lehr-Splawinski T. *см.* Лер-Сплавинский Т.
 Ljubinković M. *см.* Любинкович М.
 Malinowski T. 48
 Mažiulis V. *см.* Мажюлис В.
- Miller K. 31
 Miśkiewicz J. 65
 Mitrea J. 109, 123
 Mitscha-Märheim H. *см.* Митша-Мерхайм X.
 Montelius O. *см.* Монтелиус О.
 Mozuyński K. *см.* Мошинский К.
 Musianowicz K. 108
- Nalepa J. 26
 Nestor J. 123
 Niederle L. *см.* Нидерле Л.
- Otto K.-H. *см.* Отто К.-Г.
- Petersen E. 141
 Pescheck Chr. 62
 Pleinerová I. *см.* Плейнерова И.
 Plinius Secundus C. *см.* Плиний
 Ploșor-Nicolăescu D. 85
 Podborský V. 110
 Porzeziński A. *см.* Пожезинский А.
 Poulík J. *см.* Поулик Й.
 Powel T. G. E. 84
 Preidel H. *см.* Прайдель X.
 Przewoźna K. 55
- Rajewski Z. *см.* Раевский З.
 Rauhut L. 105
 Rospond S. *см.* Роспонд С.
 Rostafiński J. *см.* Роставинский Ю.
 Rostovzeff M. 41
 Rozwadowski J. *см.* Розвадовский Я.
 Rudnicki M. 12
- Safarik P. *см.* Шафарик П. И.
 Schall H. 47
- Schmidt B. 111
 Schuldt E. *см.* Шульдт Э.
 Schwantes G. 51
 Schwidetzky I. *см.* Швидецкая И.
 Shevelov G. *см.* Швелов Г.
 Smith H. L. *см.* Смит X.
 Sós A. Cs. 111, 126
 Sulimirski T. 25
 Székely Z. 109
 Szydłowski J. 64
 Szymański W. *см.* Шиманский В.
- Tejral J. *см.* Тейрал Я.
 Teodor Dan. Ch. 109, 123
 Teodorescu V. 123
 Točík A. 117
 Trager G.-L. *см.* Тререр Г.
 Treimer K. *см.* Траймер К.
 Trifačkova Z. *см.* Трнячкова З.
 Trubetzkoj N. S. *см.* Трубецкой Н. С.
- Uhlenbeck C. C. 100
 Ułaszyn P. 13
- Van-Vijk N. *см.* Ван-Вейк Н.
 Vasmer M. *см.* Фасмер М.
 Vážarova Z. *см.* Выжарова Ж. Н.
 Vinski Z. *см.* Винский З.
 Vogt H.-J. 127
- Waga T. 47
 Werner J. *см.* Вернер И.
 Wiesner J. 26
 Woźniak Z. 52, 56
- Zak J. 138
 Zeman J. *см.* Земан И.
 Zeuss K. 125
 Zoll-Adamikova H. *см.* Цолль-Адамикова Е.

Указатель географических названий

- Абрахам 37
 Августиновка 90, 92, 93
 Австрия 110, 111
 Адольфин 69
 Адриатика 52, 128, 131
 Адриатическое море 29
 Азия 13, 127
 Азобичи 37
 Азовское море 32
- Айка 107
 Аксаково 107
 Алатгьян-Юрбэнуста 37
 Алдени 86, 88
 Алчедар 107
 Альпы 20
 Альпы (Карнаты) 32
 Альт-Бартельсдорф 37
 Альттоммачш 37
- Андреевичи 37
 Андрусовка Большая 107, 115, 121
 Апоркаи-Юрбэнуста 37
 Арс 107
- Бад Дюрренберг 107
 Базар Новы 37
 Бакар 107

- Баконьконианы 107
 Бакота 107, 115
 Балатон 32, 118, 133
 Балтене-Баре 37
 Балтика 25, 57, 78, 81
 Балтийское море 11, 22, 23, 27, 30—32, 51, 57, 58, 60, 61, 101
 Валцаты 86, 88, 90, 93, 95
 Вановцы Новы 130
 Барац-Башняцина 37
 Баргендорф 37
 Барды 107, 115
 Барды Старе 115
 Барковице Мокре 107, 115
 Батошана 107, 115, 120
 Ватъковичи 115
 Бахмач 37
 Бахуж 107, 115
 Белавы-Лубы 69
 Белгород-Николаевский 37
 Белев 37
 Бело Брдо 37
 Белоруссия 84
 Бердыш 37
 Бережанка 86, 88, 90, 93, 95
 Березняки 14
 Березовка 37
 Берлин 102
 Беховице 24
 Бешеве 37, 107
 Вжег Глогувский 37
 Билина 37
 Биловице 107, 110
 Бискунин 107
 Битману 130
 Блатец 107, 110
 Блед 37
 Бобцин 37
 Бовшев 90, 93, 95—97, 107, 115
 Богдянешти 95
 Богомолице 69
 Болзаново 69
 Бойетице 107
 Болгария 102, 109, 122—124, 128
 Болепин 107
 Бониково 104, 107, 141
 Борисов 37
 Бортовой Млын 107
 Борхельт 140
 Бранденбург 114
 Брандишек 37
 Вранешты 37, 107
 Брезолупы 107
 Брест-Трипин 84
 Брестовик 37
 Бржезно 105, 111, 112, 115
 Бржецлав 107, 110
 Британские острова 20
 Брно 107
 Броварки 37
 Брулино-Коски 69
 Брушево 104, 107, 141
 Буг 16, 20, 36, 45, 50, 52, 54, 69, 79, 91, 97, 101, 106, 108, 109, 115, 119, 122
 Буг Южный 36, 50, 54, 79, 88, 90, 94, 95, 106, 115, 119, 122
 Будешты 85, 87, 88, 90, 92, 93, 95, 96
 Буковина 102, 108
 Бурцени 107
 Бурцер 137, 138
 Бэнеаса 107
 Бэцид 107
 Вайноры 107
 Вандальские (Иснолиновы) годы 61
 Ванковцы 107
 Вансош 69
 Ванлиц 130
 Варвен 130
 Варта 36, 48, 49, 53, 58, 61, 69
 Васильев 37
 Вацхартян 37
 Ведерники 37
 Везер 29, 54
 Везувий 29
 Векцел 130
 Вела 130
 Велатице 107, 110
 Велесница 130
 Великая 118
 Венгрия 110, 111, 126, 127
 Венгровский новят 64
 Рендсиссель 62
 Венедский залив 30
 Вентшов 107
 Венчов 134
 Вепш 36, 50, 69, 79
 Вестоницы Дольны 115
 Весульки 69
 Вечулки 37
 Византия 31, 99
 Викторовка 86, 88
 Вилы Ярузские 90, 93, 95
 Вильдберг 137
 Вильховцы 107
 Виногура 107
 Вирт 107
 Висла (Вискла, Вистула) 7, 10, 12, 13, 15, 16, 20, 21, 23, 26, 29—32, 34, 36, 44—50, 54, 61, 62, 69, 78, 79, 81, 106—108, 112, 114—118, 130—132
 Вислица 37
 Висло-Одерское между-речье 13, 16, 17, 58, 60, 112
 Витачев 37
 Владимир-Суздальская земля 34
 Водяное 86, 88
 Воеводина 126
 Войка 37
 Войсковое 86, 88, 90, 93
 Волга 20, 75, 127, 130, 132
 Волин-Млынувка 37
 Волиндрын 107, 115
 Воломин 105
 Волошское 90, 93, 107, 115, 120, 130
 Волынь 8, 10, 49, 78, 84, 101, 109, 110, 119, 122, 123
 Вороня 84
 Ворскла 36, 50, 79, 90, 95, 106, 115, 123
 Врев 107
 Вржесник 107
 Вроцлав 69
 Вроцлав-Злотник 107
 Вулька Ласецка 53
 Вуткани 130
 Вшемирув 115
 Вымыслово 64—67, 69
 Вырнот 130
 Вычане-Опатовце 107
 Вышемборг 130
 Гавриловка 86, 88, 90, 93, 96, 97
 Галилавичи 37
 Гайворон 120
 Галиция 8
 Галлия 30
 Гамбас 130
 Гамель 37
 Гарван 107, 115
 Гаць 69
 Гбелы 107
 ГДР 52, 102, 110, 111
 Германия 30, 31, 61, 101, 102
 Гёрке 107, 134
 Гиелов 107
 Глогув 69
 Глубице 69
 Глыбокое 107, 115
 Гняздовице 69
 Гоголин-Стжебнюв 69
 Гогошари 86, 88
 Голанч Поморский 107, 115
 Голлар 37, 107
 Голики 107, 115

- Гориславице 37
 Городец 37
 Городница 86, 88, 90, 93, 95, 107
 Городня 107
 Городок 107, 115
 Городок Ровенский 84
 Горошево 115, 130
 Горынь 36, 54, 79, 115
 Гости Вельке 107
 Гостыи 107, 141
 Готланд 60, 81
 Гочево 37
 Грабешин 107
 Грабоног 107
 Грамонсхаген 107
 Гранична-при-Горнаде 107
 Гребен 115
 Грешин 107
 Гречанки 86, 88
 Гриневиче 69
 Гродек 37
 Гродзешовице 69
 Гродзиск Мазовецкий 69, 105
 Грозивец 37
 Гросс-Вустервитц 137
 Гросс-Зеберитц 107
 Гросс Раден 52
 Гросштемкендорф 115
 Грудзице 65, 69
 Груды на Мала 69
 Гурбинцы 86, 88, 90, 93
 Густавель 37
 Густоржин 37
 Гуцино 37
 Гыбаш 130
- Давнд-Городок 37
 Дакя 30, 32
 Далешин 107, 141
 Далмация 126
 Дамароая 130
 Дамен 136
 Данилова Балка 86, 88, 95
 Данковице 69
 Даумен (совр. Тумяны) 130
 Дебрецен 107
 Девин 37
 Девинска Нова Весь 37, 107, 110, 115, 126
 Дедиловичи 115
 Дедовщина 86, 88, 95
 Делакэу 95
 Дембица 115
 Демьянов 90, 93, 95, 97, 115, 130
 Деревянное 86, 88, 90, 95
 Деривка 107, 120
 Дерчево 107, 115, 138
- Десна 7, 20, 36, 45, 54, 76, 79, 88, 90, 95, 106, 115, 130, 132
 Дессау-Мозигкау 105, 107, 111, 112, 115
 Джеджови Лозя 107, 115
 Дзедзицы 107, 115, 138
 Дзекановице 107
 Диногения 115
 Дмитровка 107, 124
 Днепр (Дананр) 7, 10, 11, 14-16, 20, 28, 30-32, 34, 36, 45, 50, 54, 75-79, 81, 85, 88, 90-92, 95, 101, 106, 108, 115, 117, 119, 120, 122, 125, 128, 130, 132
 Днестр (Данастр) 15, 20, 31, 32, 36, 45, 50, 54, 78, 79, 88, 90, 95, 102, 106, 115, 117-119, 122, 124, 125, 132
 Добого 130
 Добрача 37
 Доброносичи 37
 Добруджа 109, 123, 125
 Доманевиче 107
 Домарадзице 64-67, 69
 Доморадзин 69
 Домнеасцэ-Бакэу 107
 Дон 10, 20, 32, 36, 50, 84, 130, 132
 Дорогобуж 28
 Драва 20, 36, 45, 50, 106, 115, 130, 132, 133
 Дрезден-Штетт 107
 Дрипа 36
 Дрогичин 107
 Дроздово 69
 Дубняги 86, 88
 Дубовац 130
 Дульпеанка 107
 Дунай 7, 20, 21, 31-34, 36, 45, 50, 54, 78, 79, 88, 90, 95, 106, 112, 115, 124, 127, 128, 130, 132, 133
 Дунауфварош 107, 115, 120, 127, 128
 Дытынчи 84
 Дэмэрой 115
 Дюррвайтчен 107
 Дяково 107
- Еврона 8, 11, 13-21, 24, 26, 30, 32, 39, 41, 44, 45, 50, 52, 55, 78, 79, 81, 84, 101, 109, 122, 126, 127
 Европейская Сарматия 30
 Ешкю 37
- Жданице 107, 110
 Жезав 69
- Желовце 37, 107, 126
 Жерники Вельки 69
 Жешов 115
 Житавска Тонь 37
 Житковецко 107
 Жовнин 86, 88, 90, 93, 107, 121
 Жуков Старый 37
 Жуковице 107, 115
 Жуковка 90, 93
 Журовка 79, 86, 88, 90, 93, 95
- Заале 53, 111, 131
 Завадовка 90, 93, 95
 Завист 107, 115
 Загорска Быстрица 107, 120, 126
 Загорье 37
 Задовице 69
 Задубровка 107, 115
 Закарпатье 117
 Залев 69
 Замошаны 107
 Западная Двина 7, 11, 20, 34, 36, 45, 50, 78, 79, 130, 132
 Заполазы 86, 88
 Запорожье 86, 88
 Заславль 37
 Зауездлиц 107
 Заушвиц 107
 Захов 107
 Заярье 107
 Заячевка 86, 88
 Звиняч 107, 115
 Здуны 69
 Зеленый Гай 107, 115, 121
 Зимно 107, 108, 114, 115
 Злехов 107
 Злота 37
 Злота Пинчовске 37
 Злотники 107, 115
 Зобор 37
 Зозив 107
 Зофиноль 58
 Зубковичи 37
 Зубово 37
 Зялашури 105, 107
- Пбэнешти 115
 Иванов Верхний 95
 Ивановичи 37
 Иголомья 58, 107
 Игрень 107, 115
 Избицко 69
 Извоар 95
 Изворул 86, 88, 95, 96
 Илава 107
 Ильмень 7, 45, 130, 132

- Инденденца 86, 88, 90, 93, 95, 96
 Иозофове 37
 Иорданов Шленски 69
 Ипотешти 115
 Иран 99
 Италия 20, 21
 Истр 31, 124
 Истрия 107, 130
- Каборга 86, 88, 90, 93, 95
 Кавенчин 69
 Кавказ 13, 30
 Кавчице 69
 Кадань 115
 Казацув 69
 Казачья Локня 130
 Казашын 37
 Какалец 95
 Калбени 86, 88
 Калининград 12
 Калиновице 69
 Кальник 107, 115
 Кама 20
 Каменка Днепровская 86, 88, 90, 93, 94
 Канев 107, 130
 Кантемировка 86, 88, 90, 93
 Карос 107
 Карнаты 8, 16, 30–32, 52, 60, 61, 109, 117
 Карчевец 64–67, 69
 Кашубская возвышенность 46
- Келларен 130
 Кенджыно 107
 Кенигсборн 107
 Кенпусца 37
 Кетж 69
 Кецел 37
 Киев 37, 107, 124
 Кивлевой 107
 Киндешты 115
 Киркут 115
 Кшшкереш-Вагохид 37, 130
 Кладово 129
 Кленица 107, 140
 Климентовицы 107, 108
 Клокочице 69
 Ключев 69
 Клук 107
 Кляйн Марков 107, 134
 Княжый 107
 Коблево 86, 88, 95, 96
 Кобуска Веке 107, 120
 Кобылице 69
 Кодын 107, 109, 115
 Кокочин 69
 Колвитц 107
 Колобжег 107
- Колодезный Бугор 107
 Колоденка 37
 Колодривка 115
 Комаров 90, 93
 Коможно 69
 Компанийцы 86, 88, 90, 92–94, 96
 Комрат 93, 95
 Кошич 64–67
 Конин Новы 107
 Контотп 37, 107
 Копиське 37
 Конки 69
 Коржибя Малая 37
 Коростовичи 95
 Коротяк-Перепелицыно 86, 88
 Короча 124
 Корчак 105, 107, 115
 Косаново 86, 88, 90, 92, 93, 95
 Косовенни 130
 Костенец 107
 Костешты 107
 Костиша-Мяноциа 95
 Коспелиска 115
 Котлас 69
 Котово 107, 115
 Коуржим Старе 107
 Кочуров 115
 Кошуты 107
 Краков 37, 58, 104
 Красино-Плонск 37
 Крещатик 107
 Кринички 95
 Криничное 81
 Крупеа луи Ферентц 107, 130
 Крушвица 37
 Крым 78, 81, 85
 Ксензы Двур 69
 Кубличи 37
 Купя 124
 Куприн 115
 Купче 95
 Курганье 37
 Курск 130
 Куртэа 95
 Куртэа-Домнэаска 115
 Куша 107
 Куява 107
 Кымпул - Божа - Мляитаря 107, 115
 Кэчнорели 130
 Кэцелу Ноу 107, 115
- Лавриков Лес 107
 Ладожское озеро 47, 130, 132
 Лаз Стоцки 107
- Лазу 130
 Ланжхот 107, 110
 Латково 115
 Лахмировице 69
 Лаховице 37
 Лапи 130
 Лебедка 37
 Лебязье 107
 Левкин Бугор 107
 Леегебрух 107, 115
 Лежницы Вельки 69
 Лентковице 37
 Лецкани 86, 88, 90, 93, 95, 96
 Либиче 37
 Либчице 107
 Линя 107, 115
 Липино 37
 Липлява 37
 Липовое 37
 Липско 107
 Лисицице 69
 Лобжаны 115
 Ловеч 37
 Лозна-Дотохой 115
 Ломоватое 90, 93, 95
 Лопатна 107
 Лоуни 111
 Лохвица 86, 88, 90, 93, 96
 Луара 20, 45
 Лубны 37
 Лубянка 107
 Луг 107, 115, 120, 121
 Лужица 140, 142
 Лука Врублевецкая 95, 115
 Лука Райковецкая 107, 124
 Луковит 37
 Лунка 82, 86, 95
 Лупоглав 28
 Любеч 37
 Любич 107
 Любишево 37
 Люблин - Чвартек 107, 115
 Люблина 32
 Любянж 69
 Лютьенберг 112, 115, 140
- Магдебургский округ 136
 Мадара 37
 Макаров Остров 107
 Мала под Гроном 105, 107, 110
 Малаешты 86, 88, 92, 95, 96, 107, 115
 Марица 107
 Мартыновка 129
 Маслово 86, 88, 90, 93–95
 Масув 69
 Матушково 107, 110
 Мацькувка 115

- Медвежье 37
 Мекленбург 37, 102, 114, 134—136
 Мена 130
 Мендзыборув 105, 107
 Менз 107
 Меотиада (Меотийское озеро, Азовское море) 30, 32, 104
 Мерзебург 131
 Мериновка 37
 Мершвиц 107
 Мнкульчице 37, 107, 110, 114, 115
 Милковичи 37
 Минск 37
 Миттенвальде 107, 137
 Митяевичи 37
 Михайловка 84
 Михайловское 118
 Млинарце 37
 Млодзиково 64—67
 Могошани 95
 Мойсеевское 37
 Моква 130
 Молдавия 85, 102, 122, 124
 Молдова 109, 123
 Молочарня 115, 120
 Мор-Агастодомб 37
 Моравя (Маравя) 7, 131
 Моравия 102, 110, 112, 114
 Моравский Ян 37
 Морешты 129, 130
 Морешты Чинау 115
 Моржице 115
 Мульде 53
 Мунтения 109, 123
 Мурава 37
 Мурава 37
 Муреш 36, 50, 54, 79, 106, 115
 Мурсианское озеро 32, 117, 118
 Мурса 118, 133
 Мутенице 107, 115
 Мушци 107, 115
 Мюленгеер 107
 Мюнхендорф 107
 Мюров 107

 Нарев 10, 69, 79
 Нарези 107
 Нацлав 69
 Неа Анхвалос 130
 Пеленгово 37
 Незвиско 95
 Неман 10, 11, 20, 36, 45, 50, 54, 78, 79, 115, 130, 132
 Неполоковцы 86, 88
 Непорент 105, 107

 Неслухов 90, 93, 95
 Неценлин 69
 Ниегринн 107
 Пиколаевка 37
 Ниско 107, 115
 Нитра 107
 Нитранский Городок 107, 115
 Нова Весь Вроцлавска 69
 Пова Весь Легница 69
 Нова-Гута-Могила 58, 104, 105, 107, 115, 130
 Нова Церква 69
 Новгород 7
 Новгородская земля 34, 119
 Нови-Пазар 37
 Новины 107
 Новиегун (Невидун) 32, 117
 Новоалександровка 86, 88, 90, 93
 Ново Брдо 37
 Новогрудок 37
 Новозыбков 37
 Новоселки 37
 Новоселовка 90, 93
 Ново-Филипповка 81, 82
 Новочиновское 95
 Новый Замок 37
 Норьянск 37
 Носоцице 69
 Ношлак 107
 Ныса 102
 Нюнхритц 107

 Обыршени — Войнешти 87, 88
 Огородники 37
 Одер (Одра) 12, 13, 16, 20, 21, 23, 28, 29, 36, 44—47, 49, 50, 53, 54, 58, 61, 62, 68, 69, 71, 102, 106, 114—117, 130, 132, 135—138
 Одесса 12
 Одобеску 87, 88, 95
 Оздятичи 37
 Ойнак 88, 95
 Ока 13, 20, 23, 26, 50, 77, 79, 115, 130, 132
 Олевск 37
 Олопешты 81
 Олт 32, 36, 50, 79, 88, 90, 106, 115
 Олтени 90, 93, 95
 Олштын 142
 Ополе-Закжув 107
 Опольский новят 35
 Онорув 69
 Орель 36, 50, 79, 106
 Орлицкие горы 131

 Орля 130
 Оросиево 115
 Оросцланы 107, 111
 Оселивка 87, 88
 Осецк 69
 Осечница 107, 108
 Осиек 107, 118
 Островец 95
 Острув Ледницки 37, 107
 Ошкобр 37

 Падзеры 37
 Палисмарот-Башархаре 107
 Паннония 7, 33, 102, 127, 128
 Париевка 115
 Парсента 102, 138
 Пастырское 107, 115, 130
 Пергам 130
 Неребыковцы 107, 115
 Передняя Азия 7, 8
 Пересонница 37
 Неряславль Хмельницкий 37, 87, 88, 90, 93, 95
 Пестжед 69
 Песчанка 37
 Петрик 80
 Петрис 95
 Петрово 115
 Петровина 107
 Пилица 69
 Пиотркув 69
 Писаревка 90, 93, 94
 Писарки 110
 Планины 107, 110
 Плевен 37
 Пленица 130
 Плиска 37, 107
 Плоцк 104
 Пнев-Пржедграды 107
 По 20, 45
 Повисленье 11, 13, 14, 30, 47, 51, 58, 68, 71, 74—76, 84, 98, 116, 117
 Новолжье 13, 14, 81
 Поганько 107, 115
 Подволочиск 95
 Подесенье 77, 123
 Подивин 115
 Подненровье 10, 11, 13, 14, 16, 17, 23—25, 29, 41, 74—81, 84, 89, 92, 94, 98, 118, 121, 122, 128
 Поднепровье 31, 53, 78, 81, 94, 101, 102, 108, 109, 117, 119, 122, 124, 128, 131
 Подолия 8, 10, 14, 102
 Подрижье 107, 115
 Подунавье 30—33, 35, 44, 52,

- 100, 112, 113, 126–128, 131, 133
- Познань 107
- Половецкий Хутор 37
- Покасенект 107, 111
- Полота 7
- Полунин 107
- Нольша 10, 11, 101, 102, 104, 108, 113, 118, 138
- Поляновице 107
- Померания 13
- Понт (Черное море) 30, 32
- Понина 37
- Потворице 107, 110
- Поян 107, 120
- Прага 107, 110, 115
- Преслав 37
- Прешов 107
- Пржидлуки 107, 110, 112
- Пржистоуниме 107
- Приазовье 32
- Прибалтика 11, 19, 30, 56
- Привольное 87, 88, 90, 93
- Пригородок 115
- Призаневитц 37
- Принятское Полесье 10, 23, 49, 74, 75, 78, 84, 101, 108, 112–114, 117, 118
- Принять 7, 10, 11, 20, 36, 45, 50, 54, 79, 102, 106, 109, 115, 119, 130, 132
- Причерноморье 8, 15, 24, 25, 31, 32, 52, 57, 80–82, 91, 98, 100
- Прут 36, 50, 54, 79, 88, 90, 95, 106, 115, 123
- Прютцке 107
- Пряжев 90, 93, 94
- Псел 36, 50, 79, 88, 90, 95, 106, 115, 123
- Псковская земля 118
- Птуй 37
- Пуятинцы 95
- Пшемысль 37
- Пщево 115
- Пышанц 69
- Пястув 69
- Равичский новят 64
- Радзейув 107, 108, 115
- Радмин 37
- Радом 37
- Ракобуты 95–97
- Раковец 87, 88, 90, 93, 95
- Ранжевое 87, 88, 95
- Ратенов 137
- Ратиборп 107
- Рашков 107
- Ребенсторф 107
- Редкодубы 87, 88
- Рейн 20, 29–31, 44, 45, 61
- Реньска Весь 69
- Реча 107, 115
- Речица 37
- Ржавец Малый 86–88
- Ризино 87, 88, 91
- Риннев 90, 94, 95, 97, 105, 107, 115, 120
- Рогачица 107
- Родня 37
- Романово Село 95
- Ромашки 87, 88, 90, 94, 95
- Ромош 115
- Рона 20, 45
- Росткы 69
- Рось 36, 54, 79, 88, 90, 95, 106, 115
- Рояновцы 107
- Рудки 107
- Руднице 37
- Рудня Старая 37
- Ружичанка 87, 88
- Руманишес Банат 130
- Румыния 82, 102, 109, 110, 123
- Руши-Манастира 107
- Рыжевка 87, 88, 90, 94, 95
- Рязань Старая 37
- Сава 20, 32, 36, 45, 106, 115, 117, 118, 130, 132
- Саланятишки 37
- Самара 79
- Самчинцы 107, 115, 119
- Сан 36, 50, 69, 79, 115
- Сандомиж 37
- Сансядка 37
- Сарваш 107
- Сарматия 30
- Сармшгегетуса 130
- Сахновка 115
- Свентокшиские горы 58
- Северное море 29
- Северск 107
- Северский Донец 79, 88, 124, 132
- Седлемин 107
- Сейм 7, 36, 79, 90, 95, 106, 115
- Селец 107
- Селиште 107, 115, 120, 130
- Сельско 115
- Семенки 107, 115, 119, 120, 130
- Семеново 37
- Семено-Подмлынне 107
- Семице 105, 107
- Семурадцы 107
- Сена 20, 45
- Сеня 107
- Сербы 69
- Силадиче 107, 110, 115
- Силезия 13, 48, 52, 55, 62, 89, 136, 142
- Сирет 36, 54, 79, 88, 90, 95, 106, 109, 115
- Сисак 107
- Ситно 107
- Скалице 107
- Скандинавия 20, 25, 32, 46, 56, 57, 59, 60, 81
- Скарбаново 37
- Скибинцы 107, 115
- Скифия 30, 41, 84, 87
- Скок 107
- Слабощеве 37
- Славогура 69
- Слатинки 107
- Словакия 102, 110, 112, 117, 126
- Словения 126
- Слопаново 55, 69
- Слунино 107
- Случь 36, 88
- Смела 130
- Смоленск 37, 76
- Собоциско 69
- Сож 76, 77
- Солончены 95
- Сомотор 115
- Сосница 107
- Сотин 107
- София 107
- Сванцов 82, 87, 88, 90, 92, 94, 95
- Сницымеж 66, 68–70, 72
- Сребрына 107, 115
- Сродский новят 64
- Стара Весь 69
- Старе Место 107
- Старое Село 107, 115, 120
- Стецовка 107, 119, 121
- Стжебнюв 69
- Страховице 69
- Стрелица 115
- Стрәулешти 95
- Стрәулешти-Лунка 107, 115
- Стрәулешти - Мэйценешти 107
- Студеница 115
- Стунава 107
- Стырмен 37, 107
- Стырь 36, 54, 79, 106, 115
- Судеты 16
- Суджа 130
- Суков 107, 115, 134–136
- Сула 7, 36, 50, 79, 88, 90, 95, 106, 115, 123
- Судейовице 37
- Сухостав 90, 94, 95

Сучава 123, 128
Сцентес 107
Сытава-де-Муреш 87, 88,
90, 94—96
Сарага-Монтеору 107, 123,
129, 130

Тархалице 58
Тей 115, 130
Телешовка 87, 88
Тенлиц 37
Теребовля 95
Теремно 37
Тетерев 54, 79, 88, 90, 95,
106, 110, 115
Тегервка 105, 107
Тжебеславице 107
Тиса 20, 32, 36, 50, 53, 54,
79, 106, 115, 117, 130, 132
Тисадерж 37
Томице 37
Торнов 107, 112, 115, 140,
141
Троицкий монастырь 37
Тропишов 58
Тум-Виташевице 107
Турнава 55
Турнище 37
Туров 37
Туров Плонский 37
Тухлин 69
Тыргу-Муреш 95
Тыргшор 79, 81, 87, 88, 90,
94, 95, 96, 107
Тюрингия 35
Тясмин 119, 121

Угерске Скалице 37
Уж 115
Ужгород 107
Украина 15, 28, 41, 84, 85,
108
Урал 30
Урчице 130
Усячи 37
Усох 130
Усенка 87, 88, 90, 94, 95
Устье 87, 88, 90, 94, 115
Усть-Каменка 81
Ушкалка 84
Ушце 115

Федоровка 90, 94
Фёнлак 130
Финляндия 25, 57, 81
Фундул Хертей 107
Фурмановка 87
Фэлциу-Васлуй 107

Ханска 37, 107, 115, 128, 130
Хафель 137, 138
Хваликув 107, 115
Хефген 107
Ходлик 107
Хорватия 131
Хорск 107
Хорула 64—67, 69, 107
Хорутания 133
Хотомель 107, 108
Хохензеиден 107
Хусов 115
Хуча 107, 115
Хэрэшти 87, 88, 90, 94, 95

Царичин Град 129, 130
Цветна 80
Цеканово 107
Целиков Бугор 115
Ценендорф 37
Цецежин 69

Чаагвитц 107
Чакалу-Урегеда 130
Чакберень 37
Чаньча 69
Чахин 131
Челац Велька 107, 115
Чепа 115
Чепоны 107
Червоная Слобода 95
Черепин 90, 94, 95, 97
Чернат 107
Чернигов 37
Черниговщина 124
Чернилов Русский 87, 88
Черновицкая область 109
Черное море 30, 32, 52
Черный Уезд 107
Ченяхов 86, 87, 90, 94, 95
Чертория 115
Четатеа Веке 87, 88
Чехия 102, 110, 126, 133
Чехословакия 101, 110

Чжижков 95
Чудское озеро 45, 130, 132
Чурелу 107, 115

Шавочин 115
Шатрау 107
Шверин 37
Шверинский округ 52, 136
Швеция 81
Шелиги 104, 105, 107, 115,
130
Шестовицы 37
Шеуфельдсдорф 130
Шинот-Сучава 107, 115, 129,
130
Штеутц 107
Штраутлаукен 130
Шульце 107
Шумигув 69
Шумск 107
Шчедзык 69
Шуя 37

Щатково 115
Щецин 136
Щецин-Кжеково 107
Щитно 65, 69

Эбро 20, 45
Эддеритц 107
Эльба 10, 12, 14, 20, 21, 29,
36, 44, 45, 50, 53, 54, 101,
102, 104, 106, 108, 110—113,
115, 117, 118, 127, 130—133,
135—137
Эрбицени 85, 95
Эсперферд 37

Югославия 110, 111, 113, 126
Юллё 37
Ютландия 62
Юхново 37

Ягвятин 37
Языль 37
Яксонув 69
Яношида-Тоттериуста 37
Ярослав 37
Яссы 107, 115
Ятов Дольны 37
Яцева Балка 107
Ящув 69

Указатель археологических культур и этнических названий

Аварины 30
Авары 31, 126, 127, 128, 131
Акациры 32
Алапы 8, 98
Амаксавии 30

Анатолийцы 15, 19
Англы 54
Анты 29—32, 100, 117, 119,
124, 125, 127, 131, 143
Армяне 19

Армяно-албанцы 9
Балто-славяне 11, 13, 16, 19,
76
Балты 9, 11, 13, 15, 19, 23—

- 27, 32, 34, 35, 41, 47, 51, 75–78
 Бастарны (бастерны) 30, 31, 61
 Белогородская культура 16, 17
 Боевых топоров культура 35
 Болгары 127
 Будины 10, 14, 41
 Бургунды (бургундионы) 54, 60, 61
 Буры 54
 Вандалы (вандилы) 54, 60–62
 Вандалы-силлинги 61
 Вандалы-хаздинги 61
 Варини 54, 60
 Венгры 127
 Венеды 12, 29–32, 41, 54, 60–63, 143
 Венеды-сарматы 31
 Венеты 13, 16, 29, 32, 117, 125
 Верхнеднепровская культура 14
 Верхнеокская культура 79
 Викинги 39
 Волохи 7
 Волыняне 131
 Восточнопоморско-мазовецкая (велбаро-пецельская или тина Дытыничы – Тришина) культура 78, 79, 84, 89, 91, 98, 116
 Восточнопрусская (западнобалтских) курганов культура 47, 51
 Вятичи 33
 Гарни 54, 61
 Гелизии 54, 61
 Гелоны 14
 Гельвеконы 54, 60, 61
 Гениды 61
 Германцы 5, 9, 11, 17–19, 21, 23, 27, 29, 30, 34, 35, 42, 44, 51, 60–62, 71, 74, 81, 91, 116
 Гермунды 54
 Гирры 29
 Гифоны 30
 Готы (готоны, гутоны) 8, 31, 32, 54, 60–62, 78, 89, 124
 Гребенчатой керамики культура 13
 Греки 9, 19, 41
 Гунны 124
 Даки 8, 31
 Дакско-мезийцы 15
 Днепр-двинская культура 79
 Древляне 7
 Древнеевропейцы 19, 21
 Дреговичи 7
 Дулебы 131–133
 Зарубинецкая культура 14, 16, 42, 54, 74–77, 89, 97
 Иллирийцы 8, 9, 11, 26, 44
 Ингвеоны (ингвеоны) 29
 Индоевропейцы 5, 9, 11, 13–15, 19, 21
 Индоиранцы 9, 11, 19
 Индо-хетиты 19
 Ипотешти-Кишдешти культура 123
 Иранцы 15, 23–25, 41, 42, 85, 89
 Италики 5, 9, 18, 24, 42
 Карпатских курганов культура 79
 Кельты 8, 9, 11, 16–18, 21, 23, 26, 42, 44, 50, 52, 56, 84
 Киммерийцы 41
 Комаровская культура 15, 17
 Кривичи 33, 118
 Курганная культура Средней Европы 46
 Кутригуры 32
 Лангобарды 54, 111
 Лемовии 54, 60, 61
 Лугии 61
 Лужицкая культура 12–14, 16, 17, 42, 44–48, 50, 51
 Лужичане 140, 141
 Лютичи (лутичи) 7
 Ляхи 7
 Мазовшане 7
 Манимы 54, 60, 61
 Мидяне 125
 Милоградская культура 17, 75, 76
 Морава 7
 Мощанская культура 77
 Наганарвалы 54, 61
 Невры 10, 14, 41
 Оксывская культура 13, 16
 Певкины (пеукины) 30, 61
 Подклошовых погребений культура 42, 44, 48–55, 57–60, 62, 67, 71, 75, 76
 Позднезарубинецкая культура 77, 79
 Полей погребальных урн (среднеевропейская культура эпохи бронзы) 42, 44–46
 Полочане 7
 Поляки 25
 Поляне 7, 124
 Поморяне 7
 Ноченская культура 77
 Прохоровская культура 81, 82
 Пшеворская культура 12–14, 16, 42, 53–72, 74, 76, 78, 79, 89, 91, 92, 97, 116, 117, 136, 140
 Ревдины 54
 Римляне 31
 Роксоланы 8, 30
 Ругии (ульмеруги) 54, 61
 Русы 99, 128
 Савроматы 81
 Сарматы 25, 29, 30, 57, 78–82, 84, 85, 87
 Свевы 54
 Север 7, 99
 Семноны 54
 Сербы 7
 Скифо-сарматы 24, 98
 Скифская лесостепная культура 16, 17, 41
 Скифские культуры 41, 50, 80
 Скифы 8, 13, 15, 29, 41, 47, 78, 85
 Скифы-аланы 30
 Скифы-борисфениты 15
 Скифы-нахари 10
 Словаки 133
 Словене ильменские 7, 118
 Тохары 15, 19, 21
 Трипольская культура 15
 Тушемли – Банцеровцины – Колочина культура 77, 103, 121, 123
 Тишинецкая культура 14, 15, 17
 Тишинецко – комаровская культура 16
 Тюрки 13
 Угры 13
 Украинцы 133

- Уличи 121
Унетичная культура 46
Утригуры 32, 124, 125
- Фатьяновская культура 35
Финно-угры 13, 75, 77
Финны (фенны) 11, 30
Фракийцы 8, 9, 11, 15, 23,
26, 32, 42, 44, 89
Фрако-фригийцы 9
- Харины 60
Хатты 54
- Херуски 54
Хорваты (хрватате) 7, 99,
131, 132
Хорутане 7
- Чернолесская культура 16,
17
Черняховская культура 14,
16, 42, 76, 78–81, 83, 84,
87–92, 95–98, 122, 124, 133
Чехи (чеси) 7, 133
- Шпуровой керамики куль-
тура 13, 14
- Штрихованной керамики
культура 79
- Энепы 29
Эстии (балты) 32
- Юхновская культура 14, 79
- Языги 30
Ясторфская культура 44,
50–52, 59

Список сокращений

- ВДИ — Вопросы древней истории. М.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии
АН УССР наук Украинской ССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
СЭ — Советская этнография. М.
AR — Archeologické rozhledy. Praha
SCIV — Studii și cercetări de istorie veche. București
WA — Wiadomości archeologiczne. Warszawa

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
<i>История изучения проблемы происхождения славян</i>	7
<i>Возможности различных наук в освещении славянского этногенеза</i>	17
<i>Славянский этногенез и языкознание</i>	18
<i>Значение топонимики в изучении этногенеза славян</i>	27
<i>Древние авторы о славянах</i>	29
<i>Антропологическая карта славян в средние века</i>	33
<i>Этнография и фольклористика</i>	38
<i>Археология и этногенез славян</i>	38
<i>Начало славян</i>	44
<i>Славяне в позднелатенскую и римскую эпоху</i>	53
<i>Ншеворская культура</i>	53
<i>Зарубинецкая культура</i>	74
<i>Черняховская культура</i>	78
<i>Славяне в V—VII столетиях</i>	101
<i>Первая славянская группировка — славены древних авторов</i>	104
<i>Вторая славянская группировка — анты</i>	119
<i>Нлемена северо-западного региона</i>	133
<i>Указатели</i>	144
<i>Указатель имен</i>	144
<i>Указатель географических названий</i>	146
<i>Указатель археологических культур и этнических названий</i>	152
<i>Список сокращений</i>	155

Валентин Васильевич Седов

**ИСТОИХОЖДЕНИЕ
И РАННЯЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН**

*Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР*

*Редактор издательства Н. И. Сергеевская
Художественный редактор П. Н. Власик
Технический редактор В. Д. Прилепская
Корректоры Д. Ф. Арапова, Ф. А. Дебабов*

ИБ № 15211

*Сдано в набор 13.02.79.
Подписано к печати 31.05.79.
Т-11418. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная.
Нечать высокая.
Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 14.400 экз. Тип. зак. 1586
Цена 75 коп.*

*Издательство «Наука»
117864 ГСН-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*

В издательстве «Наука» готовятся к печати:

Мелюкова А. И.

СКИФИЯ И ФРАКИЙСКИЙ МИР.
20 л. 2 р. 30 к.

Исследование посвящено взаимоотношениям Скифии и Фракии. На основе археологических и письменных источников дается характеристика фракийских культур Карпато-Балканского района в предскифский период, фракийских элементов в предскифских культурах и лесостепи Северного Причерноморья; памятников скифского времени в Днестро-Дунайском междуречье. Автор прослеживает элементы сходства скифской и фракийской культур в обрядах и вещах, отмечает связи скифов с фракийцами.

Книга представляет интерес для археологов, историков, этнографов.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Библиографический указатель (1968—1972 гг.). 70 л.
3 р. 30 к.

Библиографический указатель — очередной, пятый выпуск многотомной библиографии советской археологии. Предыдущие четыре выпуска, вышедшие в 1959, 1965, 1969 и 1975 гг., охватывали литературу за 1918—1967 гг. В настоящий указатель включена вся археологическая литература, изданная в СССР на русском языке, языках народов СССР и иностранных языках. Материал систематизирован. Книга снабжена авторским указателем и указателем литературы по смежным дисциплинам.

Издание рассчитано на археологов, историков, этнографов, искусствоведов, музейных и библиотечных работников, краеведов.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. 10 л. 1 р. 50 к.

Большинство статей посвящено средневековым древностям Руси. Публикуются результаты археологического исследования некоторых городов, могильников, памятников архитектуры и т. д.

Выпуск рассчитан на специалистов по истории и археологии Древней Руси.